НАДЕЖДА САНЖАРЬ

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА

АНТЕЙ

СПБ

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА.

НАДЕЖДА САНЖАРЬ.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПРИНЦЕССА

1911.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АНТЕЙ“, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Б. М, Вольфа Невскій, 126.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

„По своему“ и „Нелѣпость“ разрѣшены *безусловно* къ представленію на сценѣ драмат. ценз. С.-Петербургъ, 2 Октября 1910 г.

Повѣстью „Заколдованная Принцесса“ эта вторая книга Надежды Санжарь примыкаетъ къ „нашумѣвшимъ“ ея-же „Запискамъ Анны“, и кто читалъ эту исповѣдь мятущейся души, узнаетъ, конечно, въ Катѣ (По своему), Вѣрѣ (Нелѣпость) и даже въ Одуванчикѣ ту-же Анну — героиню „Записокъ“, а въ авторѣ этихъ произведенiй ту же писательницу, хотя „Записки“ и бросаютъ, быть можетъ, болѣе яркiй свѣтъ на побужденiя автора, пишущаго кровью.

Пользуясь мѣстомъ предисловiя и правомъ издателя, не только захватнымъ, какъ это можно думать, но и по существу, скажемъ еще слѣдующее. Критикъ-академикъ Д. Н. Овсянико-Куликовскiй, признавая *несомнѣнный* интересъ „Записокъ“, замѣчаетъ, что при чтенiи нѣкото-

рыхъ страницъ „Записокъ“ невольно хочется сказать Аннѣ ея-же словами: „Молчи, Анна, молчи“ и что, судя по біографическимъ свѣдѣніямъ *), сообщаемымъ издателемъ въ предисловіи и по „Запискамъ“, простая автобіографія Надежды Санжарь была-бы даже еще интереснѣе.

Къ сожалѣнію, „Записки“ всѣмъ своимъ содержаніемъ отвѣчаютъ: Анна не можетъ молчать, и сколь ни правъ уважаемый художественный критикъ, Анна достигла цѣли—ея „крикъ“

---

*) „Авторъ „Записокъ Анны“ Надежда Санжарь, дочь государственнаго крестьянина г. Харькова и донской казачки,—самоучка въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Пройдя всѣ мытарства подневольной службы — съ одиннадцати лѣтъ въ булочной, а затѣмъ горничной, съ мытьемъ половъ и т. п., Надежда Санжарь появилась въ 1903 году въ Петербургѣ и, загнанная нуждой въ Общежитіе Женскаго Русск. Вз. Благотв. Общества, занимаясь здѣсь отдѣлкой куколъ, впервые познакомилась болѣе или менѣе серьезно съ грамматикой и начала разбираться въ матеріалѣ, „прописанномъ у нея буквально на бокахъ“, выражаясь словами Анны въ ея „Запискахъ“.

(*Изъ предисл. къ „Зап. Ан.“*)

всколыхнулъ многихъ и произвелъ на многихъ, очень многихъ, захватывающее, даже на средняго читателя, потрясающее впечатлѣніе. Правда и то, что автобіографія была-бы еще интереснѣе, но... вотъ объ этомъ, въ особенности, мы и хотимъ здѣсь сказать.

Вся автобіографія Анны — въ ея борьбѣ за существованіе; правда не въ тѣсномъ только смыслѣ слова, но еще болѣе въ художественномъ, если можно такъ выразиться, потому что жить—для нея значитъ *творить* жизнь. Мы упрекаемъ автора въ томъ, что ея героиня *кричитъ*, но развѣ на это Анна не вправѣ была-бы, не внимая нашей логикѣ, въ свою очередь, сказать: да чего вы безпокоитесь, вѣдь меня слышатъ только тѣ, кому также хочется кричать, — вы-же меня *не слышите*. Вы хотите знать мою автобіографію— весь мой тернистый путь? Вы хотите, чтобы я вамъ ее *красиво* разсказала, и совѣтуете мнѣ, поэтому, беречь и развивать мой талантъ—спасибо за совѣтъ, добрые люди, у меня есть своя цѣль, и я *по своему* постараюсь къ ней прійти.

Итакъ, пользуясь проникновеніемъ уважае-

маго критика и опираясь на его авторитетъ, скажемъ: да, автобіографія Надежды Санжарь была-бы безъ сомнѣнія интереснѣе „Записокъ“, но ожидать ее можно только тогда, когда писательница выйдетъ изъ тумана своего прошлаго и опутывающихъ ее переживаній, когда „умретъ“ въ ней Анна, похожая на существо, упавшее на землю съ другой планеты, на которомъ еще видимы простымъ глазомъ клочья облаковъ, прорванныхъ при паденіи. Это видно—да проститъ намъ авторъ выдаваемый секретъ, даже на орфографіи рукописи... Недаромъ-же и критикъ-академикъ, смущенный тѣмъ, что Анна *даже* дерется, все-же не рѣшается судить ее съ тою строгостью, съ какою судятъ другіе.

Дальнѣйшее литературное движеніе автора „Записокъ“ много зависитъ отъ того, насколько писательница акклиматизируется среди насъ и сможетъ, если захочетъ, насъ понять—мы можемъ пособить ей въ этомъ, если въ свою очередь поймемъ ее, а вѣдь это намъ въ жизненномъ отношеніи должно быть легче. Если произведенія, въ этомъ сборникѣ помѣщенныя, помогутъ сколько

нибудь такому сближенію автора съ читателемъ — этимъ будетъ достигнута наша цѣль. И если критикъ, на котораго мы ссылаемся, былъ правъ, угадывая въ авторѣ „Записокъ“ художественный талантъ и совѣтуя его *беречь и развивать*, быть можетъ, такое сближеніе послужитъ ей опорой и освѣтитъ ей дальнѣйшій путь.

* * *

Въ отзывахъ о „Запискахъ“ мы находимъ не только болѣе или менѣе индивидуальное къ нимъ отношеніе, но и указаніе на эту мучительную повѣсть, какъ на интересное общественное и соціальное явленіе. Въ этомъ именно смыслѣ высказались вполнѣ опредѣленно В. Боцяновскій въ Нов. Руси, Б. Г. въ Историч. Вѣстникѣ, Mercure de France, Женскій Вѣстникъ и поэтъ А. Блокъ. Послѣдній, правда, не знаетъ, есть-ли это отраженіе именно „больной Россіи“, по Мережковскому или нѣчто иное, но во всякомъ случаѣ, надъ отвѣтомъ на *претензіи* (курсивъ нашъ) Анны, по его мнѣнію, приходится задуматься.

„Женскій Вѣстн.“ называетъ „Записки“ *от-*

маго критика и опираясь на его авторитетъ, скажемъ: да, автобіографія Надежды Санжарь была-бы безъ сомнѣнія интереснѣе „Записокъ“, но ожидать ее можно только тогда, когда писательница выйдетъ изъ тумана своего прошлаго и опутывающихъ ее переживаній, когда „умретъ“ въ ней Анна, похожая на существо, упавшее на землю съ другой планеты, на которомъ еще видимы простымъ глазомъ клочья облаковъ, прорванныхъ при паденіи. Это видно—да проститъ намъ авторъ выдаваемый секретъ, даже на орфографіи рукописи... Недаромъ-же и критикъ-академикъ, смущенный тѣмъ, что Анна *даже* дерется, все-же не рѣшается судить ее съ тою строгостью, съ какою судятъ другіе.

Дальнѣйшее литературное движеніе автора „Записокъ“ много зависитъ отъ того, насколько писательница акклиматизируется среди насъ и сможетъ, если захочетъ, насъ понять—мы можемъ пособить ей въ этомъ, если въ свою очередь поймемъ ее, а вѣдь это намъ въ жизненномъ отношеніи должно быть легче. Если произведенія, въ этомъ сборникѣ помѣщенныя, помогутъ сколько

нибудь такому сближенію автора съ читателемъ — этимъ будетъ достигнута наша цѣль. И если критикъ, на котораго мы ссылаемся, былъ правъ, угадывая въ авторѣ „Записокъ“ художественный талантъ и совѣтуя его *беречь и развивать*, быть можетъ, такое сближеніе послужитъ ей опорой и освѣтитъ ей дальнѣйшій путь.

* * *

Въ отзывахъ о „Запискахъ“ мы находимъ не только болѣе или менѣе индивидуальное къ нимъ отношеніе, но и указаніе на эту мучительную повѣсть, какъ на интересное общественное и соціальное явленіе. Въ этомъ именно смыслѣ высказались вполнѣ опредѣленно В. Боцяновскій въ Нов. Руси, Б. Г. въ Историч. Вѣстникѣ, Mercure de France, Женскій Вѣстникъ и поэтъ А. Блокъ. Послѣдній, правда, не знаетъ, есть-ли это отраженіе именно „больной Россіи“, по Мережковскому или нѣчто иное, но во всякомъ случаѣ, надъ отвѣтомъ на *претензіи* (курсивъ нашъ) Анны, по его мнѣнію, приходится задуматься.

„Женскій Вѣстн.“ называетъ „Записки“ *от-*

маго критика и опираясь на его авторитетъ, скажемъ: да, автобіографія Надежды Санжарь была-бы безъ сомнѣнія интереснѣе „Записокъ", но ожидать ее можно только тогда, когда писательница выйдетъ изъ тумана своего прошлаго и опутывающихъ ее переживаній, когда „умретъ" въ ней Анна, похожая на существо, упавшее на землю съ другой планеты, на которомъ еще видимы простымъ глазомъ клочья облаковъ, прорванныхъ при паденіи. Это видно—да проститъ намъ авторъ выдаваемый секретъ, даже на орфографіи рукописи... Недаромъ-же и критикъ-академикъ, смущенный тѣмъ, что Анна *даже* дерется, все-же не рѣшается судить ее съ тою строгостью, съ какою судятъ другіе.

Дальнѣйшее литературное движеніе автора „Записокъ" много зависитъ отъ того, насколько писательница акклиматизируется среди насъ и сможетъ, если захочетъ, насъ понять—мы можемъ пособить ей въ этомъ, если въ свою очередь поймемъ ее, а вѣдь это намъ въ жизненномъ отношеніи должно быть легче. Если произведенія, въ этомъ сборникѣ помѣщенныя, помогутъ сколько

нибудь такому сближенію автора съ читателемъ — этимъ будетъ достигнута наша цѣль. И если критикъ, на котораго мы ссылаемся, былъ правъ, угадывая въ авторѣ „Записокъ" художественный талантъ и совѣтуя его *беречь и развивать*, быть можетъ, такое сближеніе послужитъ ей опорой и освѣтитъ ей дальнѣйшій путь.

* * *

Въ отзывахъ о „Запискахъ" мы находимъ не только болѣе или менѣе индивидуальное къ нимъ отношеніе, но и указаніе на эту мучительную повѣсть, какъ на интересное общественное и соціальное явленіе. Въ этомъ именно смыслѣ высказались вполнѣ опредѣленно В. Боцяновскій въ Нов. Руси, Б. Г. въ Историч. Вѣстникѣ, Mercure de France, Женскій Вѣстникъ и поэтъ А. Блокъ. Послѣдній, правда, не знаетъ, есть-ли это отраженіе именно „больной Россіи", по Мережковскому или нѣчто иное, но во всякомъ случаѣ, надъ отвѣтомъ на *претензіи* (курсивъ нашъ) Анны, по его мнѣнію, приходится задуматься.

„Женскій Вѣстн." называетъ „Записки" *от-*

маго критика и опираясь на его авторитетъ, скажемъ: да, автобіографія Надежды Санжарь была-бы безъ сомнѣнія интереснѣе „Записокъ“, но ожидать ее можно только тогда, когда писательница выйдетъ изъ тумана своего прошлаго и опутывающихъ ее переживаній, когда „умретъ“ въ ней Анна, похожая на существо, упавшее на землю съ другой планеты, на которомъ еще видимы простымъ глазомъ клочья облаковъ, прорванныхъ при паденіи. Это видно—да проститъ намъ авторъ выдаваемый секретъ, даже на орфографіи рукописи... Недаромъ-же и критикъ-академикъ, смущенный тѣмъ, что Анна *даже* дерется, все-же не рѣшается судить ее съ тою строгостью, съ какою судятъ другіе.

Дальнѣйшее литературное движеніе автора „Записокъ“ много зависитъ отъ того, насколько писательница акклиматизируется среди насъ и сможетъ, если захочетъ, насъ понять—мы можемъ пособить ей въ этомъ, если въ свою очередь поймемъ ее, а вѣдь это намъ въ жизненномъ отношеніи должно быть легче. Если произведенія, въ этомъ сборникѣ помѣщенныя, помогутъ сколько

нибудь такому сближенію автора съ читателемъ — этимъ будетъ достигнута наша цѣль. И если критикъ, на котораго мы ссылаемся, былъ правъ, угадывая въ авторѣ „Записокъ“ художественный талантъ и совѣтуя его *беречь и развивать*, быть можетъ, такое сближеніе послужитъ ей опорой и освѣтитъ ей дальнѣйшій путь.

* * *

Въ отзывахъ о „Запискахъ“ мы находимъ не только болѣе или менѣе индивидуальное къ нимъ отношеніе, но и указаніе на эту мучительную повѣсть, какъ на интересное общественное и соціальное явленіе. Въ этомъ именно смыслѣ вы сказались вполнѣ опредѣленно В. Боцяновскій въ Нов. Руси, Б. Г. въ Историч. Вѣстникѣ, Mercure de France, Женскій Вѣстникъ и поэтъ А. Блокъ. Послѣдній, правда, не знаетъ, есть-ли это отраженіе именно „больной Россіи“, по Мережковскому или нѣчто иное, но во всякомъ случаѣ, надъ отвѣтомъ на *претензіи* (курсивъ нашъ) Анны, по его мнѣнію, приходится задуматься.

„Женскій Вѣстн.“ называетъ „Записки“ *от-*

раднымъ явленіемъ въ литературѣ женскаго вопроса—въ не женскомъ органѣ *) высказывается взглядъ на „Записки“, какъ на „необходимый отвѣтъ на вопросы эгоистично разрѣшенные мужчиной безъ участія женщины“, и справедливость этого замѣчанія подтверждается другими отзывами и замѣтками настолько, что эти слова можно принять какъ обобщеніе. Къ тѣмъ-же вопросамъ, но въ другой совсѣмъ формѣ, авторъ подходитъ въ помѣщенной здѣсь пьесѣ „Нелѣпость“. По существу читатель найдетъ здѣсь также и то, что въ „Запискахъ“ носило на взглядъ многихъ претенціозный характеръ, почему мы и подчеркнули выше это выраженье. Но „Записки“ не исчерпываются однимъ женскимъ вопросомъ, а отвѣчаютъ и на другіе общечеловѣческіе запросы, и если авторъ до крайности своеобразенъ тамъ въ своемъ отношеніи къ жизненнымъ явленіямъ и фактамъ—онъ остается и здѣсь вѣрнымъ себѣ, и для внимательнаго читателя многое, вѣроятно, станетъ болѣе понятнымъ и естествен-

*) Міръ.

нымъ, если онъ узнаетъ, что всѣ произведенія, помѣщенныя въ этомъ сборникѣ, кромѣ „Принцессы“, написаны много раньше „Записокъ“.

Произведенія помѣщенныя въ этомъ сборникѣ могутъ вызвать столь-же различное сужденіе съ точки зрѣнія литературной и художественной критики—м. б. автора многіе найдутъ „косноязычнымъ“, какими должны быть всѣ мученики, по опредѣленію того-же А. Блока, но у автора „Записокъ“ есть несомнѣнно *свой* кругъ читателей,—пусть это будетъ кругъ очень тѣсный, но онъ есть, и для нихъ это маленькое „предисловіе“ представитъ можетъ быть нѣкоторый интересъ, несмотря на всю его отрывочность.

Изд.

I.

Я буду говоритъ о сказкѣ—иначе я не могу назвать мою жизнь. Я буду говорить о принцессѣ, настоящей принцессѣ: несмотря на рискъ быть дурно понятой, вызвать насмѣшку и осужденіе, я все таки скажу, что эта принцесса я, дочь донской казачки и крестьянина г. Харькова. Какъ это случилось, и по чьей волѣ я попала въ принцессы—объ этомъ то я и хочу разсказать. Для ясности должна прибавить, что я не только принцесса, но при этомъ еще и заколдованная.

Теперь начну мою сказку. Въ Новочеркаскѣ, въ области Войска Донского, мой дѣдъ служилъ сторожемъ при фельдшерскомъ училищѣ. Давали ему тамъ для жилья темную

каморку, но такъ какъ у него на рукахъ было двое внучатъ, я и моя сестра, то онъ нанималъ, рядомъ съ училищемъ, за два рубля въ мѣсяцъ крошечную хибарку, гдѣ мы и жили.

Заглядывая въ самое раннее свое дѣтство, я, кромѣ дѣдушки и сестры, старшей меня на два года, никого не помню. Потомъ въ мою жизнь и память врываются наши отецъ и мать, но для меня они были чужіе: всѣ мои чувства принадлежали дѣдушкѣ, для меня онъ былъ и отецъ и мать. Не знаю, есть-ли еще на свѣтѣ такіе дѣды...

Жизнь и люди отняли у насъ отца и посадили его въ тюрьму. А молодая, красивая, очень легкомысленная мать бросила насъ на руки своего старика отца и закрутилась въ жизни. И не подбери старикъ насъ, не пріюти, не пригрѣй, думаю, при нашей нищетѣ, равнодушіи матери и дѣтской безпомощности, мы, навѣрно, погибли бы, какъ гибнутъ у людей дѣти, гибнутъ незамѣтно, безсмысленно, какъ щенки.

И такъ, дѣдушка, зарабатывая деньги служ-

бой сторожа, какъ сумѣлъ насъ вынянчилъ и выхолилъ. Наша съ сестрой жизнь протекала однообразно и въ заперти: некому было за нами присматривать, и дѣдушка, уходя на службу, запиралъ насъ. Такъ проходила вся зима. Не выходили мы изъ дому еще потому, что у насъ не было ни башмаковъ, ни шубъ. Вылѣзали мы изъ нашей берлоги только тогда, когда наступала весна, и можно было ходить въ одномъ платьѣ и босякомъ.

Только теперь понимаю, какія это были страшныя зимы. На дворѣ суета, ходятъ люди, бѣгаютъ ребятишки, кричатъ, играютъ... тутъ и салазки и веселые снѣжки; прыгаютъ непо воротливыя вороны и снуютъ бѣдовые во робьи; а мы съ сестрой прильнемъ къ кро шечному окошечку, съ тусклыми стеклами, и смотримъ, смотримъ. И завидно намъ, и скучно, и плакать хочется.

Только и радости было высматривать, не идетъ ли дѣдушка; а съ нимъ и свѣтъ, и жизнь, и сказки.

— Внучатки, а чегосечка я вамъ принесъ?.

Живо шибите руку". Боже мой, развѣ есть у кого на свѣтѣ такой голосъ, какъ у дѣдушки, такая улыбка, глаза, такая добрая сѣдая голова?. И грошевое „чегосечка" оказывалось удивительно вкуснымъ, и „шибили", т. е. цѣловали руки дѣдушки мы съ великой любовью и радостью.

Заботился о насъ старикъ необычайно и работалъ, какъ я теперь понимаю, не покладая рукъ. Не всякое здоровье это вынесетъ. На наше счастье нашъ дѣдъ былъ сильный, богатырскаго сложенія, и могучій не только физически, но и душой. Рано онъ долженъ былъ быть на службѣ и приготовить къ занятіямъ классы. А до того онъ и на базарѣ побываетъ и обѣдъ сготовитъ, и все въ порядокъ приведетъ, и внучкамъ подъ подушку какой нибудь сюрпризъ подсунетъ.

Проснемся, бывало, все чисто. Изъ натопленной печи щами и кашей пахнетъ. Съ краю, у заслонки стоитъ крынка съ теплымъ молокомъ, намъ на завтракъ. А на столѣ два куска булки, и на каждомъ по кусочку сахара.

Вставали мы тихо, чинно, какъ насъ просилъ и училъ дѣдушка,—всѣ его просьбы и наказы мы свято исполняли.

Одѣнемся, умоемся, помолимся Богу, поѣдимъ и коротаемъ время до его прихода. Придетъ онъ, пообѣдаемъ. Потомъ спѣшно вымоетъ посуду, уберетъ—мы ему, какъ умѣемъ, помогаемъ—и опять уходитъ до вечера.

Ну, а зато вечеръ былъ ужъ нашъ: тутъ мы за весь день отводили душу. Любилъ насъ дѣдъ, берегъ и умѣлъ съ нами разговаривать. Говоритъ, бывало, намъ разныя исторіи, сказки, а самъ что-нибудь дѣлаетъ. Вычесываетъ намъ головы, боясь, какъ бы тамъ чего-нибудь не завелось, стираетъ наше бѣлье, по субботамъ обязательно моетъ насъ въ глубокомъ корытѣ, съ большой желѣзной самодѣльной заплатой, или, одѣвъ очки и придвинувшись поближе къ лампѣ, сидитъ часами и чинитъ наше ветхое бѣлье. Уложитъ насъ спать, а самъ сидитъ, сидитъ. Такъ мы и засыпаемъ, чуя надъ собой хлопотливыя любящія руки нашего удивительнаго дѣда.

Не любилъ онъ и требовалъ, чтобы мы не разговаривали, послѣ того, какъ легли спать, помолясь Богу. Лежишь, иной разъ—спать не хочется и говорить нельзя: дѣдушка огорчится. Лежишь и смотришь. И видишь иногда, какъ спина дѣдушки дрогнетъ, рука съ иголкой безсильно опустится, голова склонится еще ниже, и крупныя капли слезъ одна за другой катятся по лицу и стекаютъ на наши рубашенки.

Дѣдушка плачетъ. Это зрѣлище всегда потрясало мою дѣтскую душу Я сжимала крѣпко руки, закусывала зубами подушку, чтобы не заплакать, чтобы не броситься къ нему на шею, утѣшить его, умолять не плакать больше. Но я легла, помолилась Богу,—не надо еще больше огорчать дѣдушку, надо молчать. И я засыпала съ зажатымъ моей дѣтской волей горломъ, съ невырвавшимися наружу слезами любви и сочувствія.

Дѣдушка, если ты „съ того свѣта“ видишь сейчасъ меня, прими хоть теперь отъ меня эту ласку, эти слезы—я не таю ихъ больше,

онѣ, видишь, льются на тетрадь, гдѣ я записываю эти строчки. И не горюю я, что тебя нѣтъ: я радуюсь, что ты былъ, что оставилъ послѣ себя слѣдъ человѣка, и что я твоя родная внучка...

2.

Шелъ снѣгъ, а потомъ выглянуло яркое, яркое солнце, нашъ дворъ суетится, кипитъ, живетъ. Мы по обыкновенію у окна и смотримъ. На лицѣ сестры зависть, тоска, въ глазахъ слезы. Моя голова усиленно работаетъ, мнѣ хочется придумать что нибудь такое, чтобы у насъ было весело.

Когда чего хочешь—можетъ сбыться. Довольно мнѣ было найти въ углу завалявшуюся крышку изъ-подъ ваксы, какъ у меня созрѣлъ удивительный планъ. Я имъ заинтересовала сестру. Она отошла отъ окна, оживилась, и игра началась.

Я—Марья Ивановна, сестра—мама, а изъ платка была сдѣлана дочка; обстановка моей квартиры также мгновенно была сооружена—пожалуйте, гости дорогіе, милости прошу.

— Здравствуйте, милая Марія Ивановна. Иду я съ моей Любочкой мимо васъ, дай думаю зайду. Какъ поживаете?

— Благодарю васъ, дорогая кумушка, живемъ помаленьку. Хорошо сдѣлали, что зашли, очень меня обрадовали.

Хозяйка и гости горячо расцѣловались.

— Садитесь, кумушка, а крестницу сюда посадили бы. Вы гуляли?

— Да. Погода сегодня на дворѣ просто чудо, уходить не хочется.

— Я тоже только что пришла. Захлопоталась по хозяйству. Да и бабу изъ снѣга надо было вылѣпить — снѣгу-то слава Богу, навалило. И на салазкахъ тоже нелишнее было прокатиться.

— Что и говорить, Марья Ивановна, дѣло хорошее, а мы вотъ, съ Любочкой, страсть проголодались.

— Ахъ, Боже мой, да чего же вы молчите, кумушка. Я васъ сейчасъ угощу чудной яичницей.

Вотъ въ этой-то яичницѣ и была вся моя

выдумка. Я вымыла хорошенько крышку отъ ваксы. Кусочекъ чернаго хлѣба разжевала съ сахаромъ и сладкое тѣсто положила на крышку, которая теперь уже называлась сковородкой. Потомъ зажгла свѣчу, поставила на кончикъ ножа сковородку и торжественно на свѣчкѣ запекла.

Яичница вышла на славу. Гости ѣли, хвалили, хозяйка сіяла отъ радости. Мы такъ увлеклись яичницей, что совершенно забыли данное дѣдушкѣ обѣщаніе—никогда не играть съ огнемъ.

— А теперь, Надя, я буду Марьей Ивановной, а ты мамой.

Сестра устроила свой домъ у параднаго нашего стола, покрытаго вязаной скатертью. Игра началась заново. Дошло дѣло до яичницы, сестра была дѣвочка робкая, несообразительная, у нея все вышло иначе. Она обожгла себѣ руку, хотѣла переставить свѣчу, и такъ она неловко покачнулась у нея въ рукахъ, что не успѣла я ее предостеречь, какъ легкая вязаная скатерть вспыхнула, и мгновенно запылалъ весь столъ.

Мы окаменѣли отъ испуга. Я нашлась первая, схватила воду и давай лить. Сестра за мной. Давно погасъ огонь, а мы отъ перепугу все льемъ и льемъ воду. Когда убѣдились, что огня нѣтъ, стали осматривать, что надѣлали, и тутъ то вспомнили просьбу дѣдушки— никогда не играть съ огнемъ.

Сознаніе, какъ это должно его огорчать, невыразимо насъ угнетало. А тутъ полная комната дыма, и полъ—сплошная масса воды. Надо поправлять бѣду. Мы открыли въ печкѣ трубу, такъ какъ выпустить дымъ больше было некуда, и тряпками стали собирать воду и выжимать въ ведро. Къ погорѣвшему столу мы боялись прикасаться.

Вотъ привели полъ въ порядокъ, забились на кровать и ждемъ съ ужасомъ, что-то будетъ, когда придетъ дѣдушка. Такъ просидѣли молча до вечера. А когда застучалъ замокъ, заскрипѣла входная дверь, раздался голосъ дѣдушки, мы не выдержали, завыли въ одинъ голосъ и, какъ безумные, твердили, что мы забыли его наказъ не играть съ ог-

немъ и что никогда, никогда больше не будемъ дѣлать яичницу.

Услыша запахъ гари, дѣдушка сталъ громко молиться и никакъ не могъ засвѣтить лампу. А когда зажегъ, увидѣлъ мокрый полъ, обгорѣвшую скатерть, наши лица — бросился къ намъ. Захлебываясь, перебивая другъ друга, мы разсказали ему, какъ все случилось.

Мы ждали гнѣва, ждали наказанія, и вмѣсто этого поблѣднѣвшій, какъ его бѣлые волосы, дѣдушка крѣпко обнялъ насъ, молча, какъ-то особенно ласково, гладилъ наши головы, и мы никакъ не могли понять, отчего у него дрожатъ руки, и неудержимо катятся изъ глазъ слезы.

3.

Съ этого времени онъ сталъ навѣдываться къ намъ чаще. А по вечерамъ, когда уложитъ насъ спать, раскладывалъ на столѣ какіе-то темные куски, размѣрялъ ихъ, кроилъ и шилъ. Не могу разсказать удивленія нашего и радости когда, однажды, проснувшись утромъ, мы увидѣли на скамейкѣ подлѣ кро-

вати двѣ пары не то башмаковъ, не то валенокъ, сшитыхъ изъ толстой порыжевшей отъ давности, но еще крѣпкой войлочной матеріи, обшитой на подошвахъ кожей отъ голенищъ старыхъ дѣдушкиныхъ сапогъ.

Тутъ же лежали двѣ пары толстыхъ шерстяныхъ чулокъ. Мы не могли наглядѣться на чулки и на башмаки. Примѣряли ихъ безъ конца, разсуждали, какъ хорошо будетъ въ нихъ бѣгать по снѣгу и какъ тепло. Смущало только то, что у насъ не было теплаго верхняго. Но мы рѣшили, что если одѣть эти чулки да валенки, а на голову платки—такъ насъ никакой морозъ не пришибетъ.

Въ такихъ разсужденіяхъ засталъ насъ дѣдушка.

— Ну, внучатки, сегодня и мы будемъ играть въ снѣжки. Живо обѣдать и на морозъ. Валенки теплые. А шубейки-то... вотъ шубейки.

Онъ выразительно посмотрѣлъ въ уголъ подлѣ двери, гдѣ высоко на гвоздяхъ висѣло его платье. Мы тоже посмотрѣли туда и остол-

бенѣли. Занятые чулками да валенками, мы не замѣтили, что тамъ появились еще два гвоздя, и на каждомъ висѣло по маленькой шубкѣ.

Что это были за шубки—не шубки, а чудо!

Верхъ ихъ напоминалъ дѣдушкино темно-сѣрое лѣтнее пальто, которое съ тѣхъ поръ исчезло, подкладка была точь въ точь какъ дѣдушкина парадная бумазейная блуза, которую мы больше на немъ никогда не видѣли, рукава, воротники и нашитые карманы у шубокъ были изъ какой-то другой синеватой матеріи. А на моей шубкѣ, на лѣвой полкѣ была еще и черная полоска. У сестры одинъ рукавъ былъ длиннѣе другого, а у меня что-то неладное на спинѣ.

Но это пустяки, главное шубки были на ватѣ, и мы въ нихъ никогда не мерзли. Нравились онѣ намъ невѣроятно. Когда мы одѣлись и первый разъ вышли гулять, мнѣ казалось, что мы одѣты, какъ принцессы. Мнѣ казалось, чудеснѣе этихъ шубеекъ и валенокъ нѣтъ ничего на свѣтѣ.

Дѣдушка поигралъ съ нами и пошелъ мыть посуду. Тутъ насъ окружила дѣтвора нашего двора. Они осматривали насъ съ ногъ до головы, критиковали наши башмаки и пальто, говорили, что башмаки и пальто не настоящіе, замѣтили всѣ недостатки и все на насъ высмѣяли.

Мы были поражены ихъ непониманіемъ и смѣхомъ.

Да развѣ можетъ быть плохимъ и ненастоящимъ то, что сдѣлалъ дѣдушка — какіе глупые! Насъ не обижали ихъ насмѣшки. Не говоря ни слова, мы взялись съ сестрой за руки и начали играть, точно критика и смѣхъ не къ намъ относились. Такая вѣра въ дѣдушку и любовь ко всему, что отъ него исходило оберегали насъ отъ уколовъ самолюбія, защищали отъ мелочныхъ вліяній.

А въ воскресеніе дѣдушка взялъ насъ за руки и повелъ въ церковь. Мы съ сестрой любили церковь, все въ ней казалось намъ сказкой. Но зимой мы были въ церкви первый разъ. А когда выходили, держась за руки

дѣдушки, люди давали намъ дорогу и какъ-то особенно низко кланялись дѣдушкѣ. Насъ это не удивляло, намъ казалось, что дѣдушку должны любить всѣ. Мы не знали тогда, что эти люди знали дѣдушку другимъ, не бѣднымъ и униженнымъ, что онъ когда-то жилъ лучше и богаче, что люди кланялись его горю, его сильной душѣ, его великой любви къ внучатамъ.

Потомъ насъ дѣдушка водилъ еще куда-то, приходилось долго, долго идти. Тамъ мы видѣли людей въ длинныхъ халатахъ съ нашивками на спинахъ и, указывая на одного изъ нихъ, дѣдушка говорилъ, что это нашъ отецъ. Мы сначала его дичились, а потомъ привыкли. Носили ему въ узелкѣ булки, яблоки, табакъ.

Какъ-то подъ вечеръ возвращались мы отъ отца домой. На бульварѣ насъ перегнала пара: мужчина держалъ подъ руку красивую женщину, она странно качалась, платье ея волочилось по грязи, шляпа сбилась на бокъ, она курила папироску и громко смѣялась.

Увидя ее, дѣдушка застоналъ, крѣпко сжалъ наши руки, и съ поблѣднѣвшихъ губъ его сорвалось:

— Это ваша мать.

4.

Началось такъ. Разсказалъ намъ дѣдушка сказку о принцессѣ, у которой была удивительная палочка, и она съ ней творила всякія чудеса: лечила больныхъ, одѣвала бѣдныхъ, кормила голодныхъ, раскрывала глаза темнымъ и учила людей всему доброму и нужному. Принцесса и ея удивительная палочка произвели на меня сильное впечатлѣніе. Цѣлыми днями я думала о ней, перебирая всѣ ея чудеса. И ложилась спать и вставала съ мыслью о ней. Нравилась она мнѣ невыразимо, вѣрила я въ нее, какъ вѣрила во все, что исходило изъ устъ дѣдушки. И хотѣлось мнѣ быть похожей на нее, та́къ хотѣлось, да вотъ бѣда: у меня не было волшебной палочки. Я рѣшила, во чтобы то ни стало, эту палочку добыть. Изъ разспросовъ у дѣдушки я узнала,

что такая палочка добывается самоотрѣченіемъ и великой, безграничной любовью къ людямъ.

Крѣпко запомнила я дѣдушкины слова, хотя всего смысла ихъ, всего значенія тогда не понимала.

— Дѣдушка, а я могу такую палочку добыть?

Помню, я впилась въ лицо дѣдушки, каждый мой нервъ былъ напряженъ: въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ дѣдушки было для меня все. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, потомъ перевелъ глаза на подметавшую полъ сестру, которую принцесса и палочка мало занимали, взялъ меня къ себѣ на колѣни и серьезно сказалъ:

— Можешь, внучка, можешь, если захочешь.

Меня такъ обрадовалъ его отвѣтъ, что я обхватила его за шею и, задыхаясь отъ радости и слезъ, твердила:

— Я добуду эту палочку. Добуду.

Съ этихъ поръ я начала себя считать принцессой. У меня образовалось государство, у меня были мои подданные.

Сестра не понимала меня, не раздѣляла моихъ восторговъ, не видѣла ни государства, ни принцессы, ни подданныхъ. Она говорила одно:—Да вѣдь это неправда, сказка.

Я обижалась, негодовала, плакала и все больше и больше отдѣлялась отъ сестры и замыкалась въ мой сказочный міръ.

Пришла весна. Мы цѣлый день на воздухѣ. Сестра играетъ съ другими дѣтьми, а я въ тридесятомъ государствѣ. Начиналось оно за заборомъ нашего дома. Тамъ былъ обрывъ, поросшій дикими кустарниками и густой травой. Въ этой травѣ съ каждымъ днемъ появлялись все новые и новые полевые цвѣты: одни отцвѣтали, другіе раскрывались. И ни одинъ изъ нихъ не раскрывался, и не отцвѣталъ безъ моего вѣдома. Да какже иначе... развѣ я не была принцессой, а они моими подданными?

За обрывомъ виднѣлась рѣка Аксай, тянулись луга,—они были большіе, широкіе и упирались въ самое небо. Вотъ до этого-то неба и простиралось мое государство. Я была принцессой надъ травой, цвѣтами, пчелами, жу-

ками, всевозможными бабочками, кузнечиками, стрекозами. Я вмѣстѣ съ ними радовалась солнцу, разговаривала съ вѣтромъ и охотно подставляла свою голову лѣтнему дождю.

Я забывалась, я, дѣйствительно, была принцессой и совершенно машинально шла на зовъ обѣдать или ложиться спать. А мои мысли, я вся была въ моемъ государствѣ. И каждую травку, каждую бабочку, мушку я распрашивала, просила помочь мнѣ разыскать чудесную палочку. И они, я ясно слышала, отвѣчали мнѣ, совѣтовали всякъ по своему, увѣряли, что я палочку найду.

Помню картину. Мы на рѣкѣ. Дѣдушка полощетъ наше бѣлье. Сестра купается съ подругой и, сдѣлавъ изъ платка неводъ, ловитъ кишащихъ въ водѣ рыбокъ. Я тоже купалась, а потомъ сплела изъ водорослей вѣнокъ, одѣла его на голову и усѣлась на огромный камень, торчащій изъ воды. Я на тронѣ, какъ и подобаетъ принцессѣ. А вокругъ меня плаваютъ, рѣзвятся мои под-

данные. Я хорошо вижу въ тихой водѣ и рыбокъ, и ласточекъ и свое отраженіе.

Яркій солнечный день, снующія въ прозрачной водѣ рыбки, скользящія надъ рѣкой ласточки,—дѣдушка, съ высоко засученными рукавами и штанами, милый, ненаглядный дѣдушка полощетъ бѣлье. Я гляжу на воду, небо, рыбокъ, дѣдушку, ласточекъ, что-то во мнѣ дрожитъ, ширится и, кажется, вотъ, вотъ я взмахну крыльями и улечу высоко, высоко.

5.

Она вошла блѣдная, очень худая и со слезами упала къ ногамъ дѣдушки. Она молила его о прощеніи. Онъ тяжело сдвинулъ брови и, молча, смотрѣлъ на нее. Сестра знала и понимала больше, чѣмъ я. Она вдругъ начала плакать, говоря:

— Прости, дѣдушка, маму, прости.

Дѣдушка сидѣлъ неподвижно, какъ каменный. Сестра плакала все сильнѣй и сильнѣй.

— Прости маму, прости дѣдушка.

А я смотрѣла на эту сцену и жалѣла, что не было у меня чудесной палочки—ахъ какъ бы скоро я утѣшила и примирила ихъ. И не могла я понять, когда и изъ за чего они поссорились. Дѣдушка простилъ. Она осталась жить съ нами и я, вслѣдъ за сестрой, стала называть ее мамой.

Съ ней въ нашу жизнь вошли перемѣны. Занятая своимъ міромъ я вначалѣ не замѣчала и не понимала многаго. И только теперь понимаю вполнѣ, какое несчастное искалѣченное существо была наша мать. Я не могла съ ней сблизиться, что то всегда меня отталкивало отъ нея. Она это чувствовала и меня не любила. А я постоянно пытливо къ ней присматривалась.

Какъ-то она сидѣла у окна, очень грустная и я замѣтила, что она потихоньку плачетъ. Меня потянуло къ ней, стало жалко. Я подошла. Стояла, стояла подлѣ нея и вдругъ сказала:

— А я принцесса.

Она сердито повернулась ко мнѣ. Я повторила:

— Не плачь, я принцесса.

Мнѣ казалось, что больше утѣшить и приласкать ее нельзя ничѣмъ.

Она сначала недоумѣвала, а потомъ начала хохотать. Къ ней присоединилась сестра, разсказавъ, какъ я повѣрила сказкѣ и возвела себя въ принцессы. Онѣ долго смѣялись и дразнили меня. А я отошла въ уголъ и съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ: какъ онѣ могутъ не видѣть, не признавать меня. Я стала еще больше дичиться матери. Съ сестрой-же у нея была большая дружба. Онѣ всегда о чемъ-то шептались. Сестра куда-то бѣгала, что-то приносила; мать пила, закусывала огурцомъ, становилась странная, красная, много говорила, пѣла или начинала плакать и рвать на себѣ волосы.

Тогда она была страшная, и мы боялись ея.

Все это продѣлывалось такъ, чтобы не зналъ дѣдушка. Она говорила намъ, что если мы ему разскажемъ, она убьетъ насъ. Она учила насъ говорить дѣдушкѣ неправду. Напуганныя, мы говорили. Дѣдушка намъ вѣрилъ. А когда,

послѣ случившейся въ училищѣ кражи, начальство потребовало, чтобы дѣдушка оставался при училищѣ и ночью, онъ, увѣренный, что у насъ все ладно, сталъ ночевать тамъ. Тутъ-то и началось самое ужасное.

Не могу объ этомъ говорить. Не осуждаю нашу мать. Она не виновата, что въ жизни людей такое страшное дѣлается, что у нея не было силъ устоять, что люди и жизнь затянули ее, одурманили, изуродовали всю. А дѣдушка не могъ спасти ее, онъ былъ одинъ противъ всего и всѣхъ.

Не знаю, сколько времени тянулся этотъ ужасъ,—закончился онъ такъ. Мы съ сестрой проснулись ночью отъ крика и звона разбиваемыхъ стеколъ. Со двора доносился женскій голосъ, ругая и проклиная мать. Въ окна летѣли камни и, пробивъ стекло, со свистомъ врывались въ комнату. Мать и какой то мужчина жались къ стѣнѣ, уклоняясь отъ камней. На щекѣ матери было большое кровавое пятно. Лампа коптѣла отъ разбитаго стекла. Мужчина что-то глухо шепталъ. Мы съ сестрой

забились въ уголъ, вцѣпились другъ въ друга и дрожали.

Не помню, какъ прошла эта страшная ночь. Проснулись мы утромъ въ дѣдушкиной каморкѣ, при училищѣ, и остались тамъ жить.

Намъ опять покойно жилось подъ крылышкомъ дѣдушки. Я вся ушла опять въ мою сказку и очнулась только тогда, когда.... раздался второй звонокъ, дѣдушка обнялъ насъ крѣпко, крѣпко, и мы вдругъ поняли съ сестрой, что насъ обманули, что мы ѣдемъ въ Харьковъ къ незнакомому отцу, съ матерью, которой боимся, ѣдемъ безъ дѣдушки. Мы вцѣпились въ него, плача и крича, что не поѣдемъ безъ него, что не хотимъ ѣхать, что останемся съ нимъ.

Насъ оторвали силой. Поѣздъ тронулся. Мы бьемся у окна, простирая руки къ дѣдушкѣ, а онъ стоитъ на платформѣ, съ обнаженной головой, и плачетъ, и дрожащей рукой креститъ отходящій поѣздъ.

Такимъ онъ остался навсегда въ моей памяти.

6.

Въ Харьковѣ все другое. Мы живемъ у дѣда со стороны отца. Тутъ много народу, живутъ тѣсно, бѣдно, между собой враждуютъ, насъ не любятъ и отца нашего за глаза называютъ „каторжникомъ“. По праздникамъ же и вообще, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, идетъ пьянство. Дядя Алексѣй каждый разъ обязательно избиваетъ въ кровь тетю Катю. Наша мать сначала веселится, поетъ, а потомъ начинаетъ плакать, рвать на себѣ волосы, за что-то проклинаетъ отца, бросается на него съ ножами. А то пьетъ растворъ сѣрныхъ спичекъ, бѣжитъ топиться. Одинъ разъ ее сняли съ петли. Да всего и не разскажешь.

И среди этого гама, дракъ и пьянства протекаетъ наше дѣтство. Какъ свѣтлая полоска, какъ яркая звѣздочка въ нашемъ запуганномъ сознанiи стоитъ отнятый у насъ дѣдушка. Не можемъ мы его забыть, плачемъ по немъ, спрашиваемъ, когда онъ прiѣдетъ.

Намъ неизмѣнно отвѣчаютъ: когда будутъ деньги.

Время летитъ. Мы подростаемъ. Сестра ходитъ въ безплатную школу. Я тоже уже читаю и рвусь учиться. Вотъ и я въ школѣ. „Родное слово“ и небольшая школьная библіотека, изъ которой намъ даютъ читать книги на домъ, расширяютъ мои познанія, укрѣпляютъ мой внутренній міръ: я все больше и больше чувствую себя принцессой.

Меня не удивляетъ, что Евгенія Ильинична, наша учительница, выдѣляетъ меня изъ всего класса, что я иду впереди всѣхъ, что ко мнѣ постоянно обращаются школьники за помощью и совѣтами. Я очень способная, добрая сердцемъ, и знаю гораздо больше, чѣмъ мнѣ по возрасту полагалось.

А главное, мнѣ хочется имѣть чистую, чистую душу и такъ полюбить людей, такъ доказать имъ это, что они сразу поймутъ, кто я. Ахъ только бы мнѣ разыскать мою палочку.

У насъ драка. Пьяная мать перебила всю посуду, проломила за что-то голову дядѣ

Алексѣю. Тетя Катя плачетъ, нашъ отецъ и дѣдъ о чемъ-то спорятъ и начинаютъ выводить пьяными голосами любимую пѣсню „Среди долины ровныя“.

Страшно все это, очень страшно. Мы съ сестрой забились на печь и сидимъ тамъ, не помня себя отъ страху. Сестру послали опять за водкой, а я сижу и думаю, какъ измѣнить все это, какъ ихъ всѣхъ примирить и успокоить. Надо что-то сдѣлать. И все будетъ иначе. Будетъ тихо, хорошо, всѣ будутъ добрые, перестанутъ драться. Надо что-то сдѣлать, я должна что-то сдѣлать, а что?...

Мать кричитъ, стуча кулаками по столу. Тетя Катя плачетъ сильнѣе. Нельзя терять времени, нельзя. Я спустилась съ печи, проскользнула въ дверь и не помню, какъ очутилась въ школѣ и молю сторожа провести меня къ Евгеніи Ильиничнѣ.

— Да на что она тебѣ? Теперь не время.

— Ничего, пусти, дядинька, она добрая, красивая, умная. Она все знаетъ, я разскажу ей, она поможетъ.

— Чего поможетъ?

— Все, все поможетъ.

Завидя Евгенію Ильиничну, я бросилась къ ней и схватила ее за руку.

— Они опять дерутся. Я не могу больше. Вы умная, вы добрая... все знаете. Скажите, гдѣ мнѣ найти мою палочку? Такъ больше нельзя. Не таите отъ меня, скажите, очень надо.

Она удивленно смотрѣла на меня.

— О чемъ ты говоришь? Кто дерется? Какая палочка? Чего ты такъ дрожишь? Кто напугалъ тебя? Разскажи толкомъ.

Я стала говорить залпомъ о дѣдушкѣ, принцессѣ, палочкѣ. Она прервала меня, приложила руку къ моему лбу.

— Богъ знаетъ, что она говоритъ. У нея горячка. Надо отвести домой. Павелъ, не знаешь, гдѣ она живетъ?

Сторожъ сказалъ:

— Знаю. Это столяра дѣвочка, съ Конной.

Евгенія Ильинична что-то ему въ корридорѣ строго наказывала. Онъ взялъ меня крѣпко за руку и повелъ. Я шла очень опе-

чаленная: Евгенія Ильинична ничего не знаетъ, меня не признаетъ, въ чудесную палочку мою не вѣритъ.

Придя домой, я вырвалась изъ рукъ сторожа и, что есть духу, понеслась за сарай къ Жучкѣ. Я знала, что она меня давно поджидаетъ.

Вотъ она сидитъ, не шелохнется, какъ каменная, и ждетъ, ждетъ. Какъ увидѣла я Жучку, ея умную лохматую голову, ея добрые глаза, обхватила ее за шею и горько заплакала, твердя:

— Она не признаетъ. Она не вѣритъ. Что теперь дѣлать, что дѣлать: они опять дерутся....

Жучка молчала, слушала и, какъ всегда, ласково лизала мое лицо и руки. Я знала, чувствовала, что она понимаетъ меня, принцессу во мнѣ видитъ, палочкѣ моей вѣритъ. Какъ же иначе, вѣдь она была Жучка, мой вѣрный закадычный другъ.

Тутъ я хочу разсказать исторію нашей дружбы.

Жучка была большая черная мохнатая собака и злая презлая. Жила она на огородѣ, подъ сараемъ, и всегда на цѣпи. О ней совсѣмъ не заботились, плохо кормили. Дворъ и огородъ Жучка сторожила добросовѣстно, часто сидѣла безъ воды и не выносила людей—какъ увидитъ, сейчасъ начнетъ злобно рычать.

На меня она наводила панику, я не рѣшалась близко подходить къ ея владѣніямъ. Какъ-то лѣтомъ я сидѣла въ моихъ владѣніяхъ въ малинѣ и плакала: меня пребольно избила мать за то, что я для игры взяла ея новый платокъ съ красной каймой и сдѣлала изъ него плащъ со шлейфомъ.

Раздался жалобный протяжный стонъ. Вотъ еще, еще. Я стала слушать: кто-то такъ страдаетъ, что не можетъ больше этого сдерживать. Куда дѣлись мои слезы—я вскочила и пошла на стоны. Они привели меня къ Жучкѣ. Несомнѣнно это она мучилась. Встрѣтила она меня, по обыкновенію, злобно и муку свою затаила. Я спряталась и стала наблюдать. Убѣ-

дясь, что нѣтъ свидѣтелей, Жучка опять тихо жалобно застонала. Я рѣшила съ ней подружиться и горю ея помочь. Съ большимъ трудомъ, проводя цѣлые дни подлѣ Жучки, выказывая ей всевозможные знаки расположенія, мнѣ удалось добиться ея довѣрія: она подпустила меня къ себѣ. Я осторожно приступила къ изслѣдованію. Бѣдная Жучка! У нея на шеѣ оказалась страшная рана, должно быть отъ цѣпи, тамъ копошились черви. . Я принялась лечить. Теплая вода, деготь... Возможно оттого, что я, въ поискахъ лѣкарства, нашла его въ сараѣ цѣлое ведро. Просила чистыхъ тряпокъ, мнѣ не дали. Я стащила одну изъ рубахъ и сдѣлала изъ нея бинты— влетѣло мнѣ за это очень. Ну, что за бѣда. Главное, я сдѣлала, что было надо, добилась, что рана зажила, и въ лицѣ Жучки я пріобрѣла себѣ друга, подобнаго которому у меня въ жизни никогда не было.

Я сдѣлала для Жучки все, что было въ моихъ силахъ. Перетащила къ ней старую негодную бочку, покрыла ее хворостомъ, соло-

мой, чтобы не протекалъ дождь, въ середину положила свѣжаго сѣна, и вышелъ домъ. Съ помощью метлы привела въ порядокъ все вокругъ моего друга и эту чистоту всегда поддерживала. У Жучки теперь была вода и, благодаря моимъ стараніямъ и нѣкоторой хитрости, улучшилась пища.

Дѣлила я съ Жучкой все, что имѣла. Не могу разсказать, какъ она понимала меня, цѣнила и была благодарна. Она удивительно уважала меня. Никогда не позволяла себѣ со мной никакой вольности, всегда была строгая, сдержанная, и только по глазамъ я видѣла, какъ она была мнѣ предана, какъ любила. А когда я, обиженная чѣмъ-нибудь, плакала, прижавшись къ ней, она не измѣняла своей выдержкѣ и только тихо, тихо лизала мнѣ лицо и руки.

Какъ бы она ни была голодна или не мучила ее жажда, никогда она въ моемъ присутствіи не проявляла этого, никогда не набрасывалась рѣзко, жадно на то, что я приносила ей.

Какъ она понимала меня, какъ выразительны прямо говорящи были ея умные трогательные глаза. И когда я не приходила къ ней, всегда видѣла, что она меня ждетъ, сидитъ, не шелохнется, какъ каменная, и не моргнувъ, смотритъ туда, откуда должна придти я. И знала я, чувствовала, что она такъ сидитъ, такъ смотритъ, такъ ждетъ меня всегда, всегда. Незабвенная Жучка, какъ часто я искала среди людей хоть кого-нибудь, похожаго на тебя.

7.

Не знаю, что было бы со мной, еслибъ не было лѣта, огорода и моихъ сказочныхъ грезъ. Лѣтомъ я отходила, забывалась, воздвигала высокую стѣну между собой и дѣйствительностью. Я жила на огородѣ. Это былъ не простой огородъ, а волшебный, сказочный. Тамъ поистинѣ творились чудеса.

Подъ густой старой бузиной, окруженной, на довольно большомъ пространствѣ, дико разросшейся малиной и огромнаго размѣра лопухами, всегда было тихо и прохладно. Изъ

3*

людей никто никогда не заглядывалъ туда; не было надобности, да и пробираться сквозь запущенную малину было не легко. Была тамъ отличная, хорошо проложенная дорожка, но кромѣ меня о ней никто не зналъ. Подъ бузиной была уютная комната, вѣтки бузины были такъ густы, что никогда не пропускали ни жары, ни дождя.

Когда я попадала въ малину подъ бузину, я вся преображалась, забывала, откуда пришла и гдѣ жила, творила тамъ свою жизнь. Эта жизнь вмѣщалась въ длинный, старый ящикъ, прислоненный вертикально къ бузинѣ и, для большей устойчивости, прикрѣпленный къ ея стволу веревкой. Ящикъ я перегородила пополамъ и получился домъ, да не какой-нибудь, а двухъ-этажный. Домъ былъ наполненъ людьми. Женщинъ я дѣлала изъ круглой рѣдиски, рѣпы, свеклы; дѣтей изъ цвѣтовъ мака; а подъ мужчинъ шли лукъ, морковь и пастернакъ. Острымъ гвоздемъ я расписывала имъ лица, дѣлала глаза, рты, брови. Дѣти и женщины имѣли длинныя искусно

прикрѣпленныя и красиво заплетенныя косы изъ волосъ кукурузы. Одѣвала я моихъ людей отлично. Придумывала разные фасоны, а матеріей служили листья капусты, лопуха и кучеряваго салата. Я кроила изъ нихъ платья и ловко скрѣпляла острыми, сухими палочками. Въ изобрѣтательности я была неистощима. Каждый день придумывала что-нибудь новое, болѣе совершенное, и все, что можно было съ огорода приспособить—я приспособляла. Мой домъ, мои люди, ихъ платье, обстановка, понятія и отношенія мѣнялись, прогрессировали, достигали высшей культуры. Мои люди жили красиво, благородно, и какъ „у людей" не живутъ.

А когда мои люди умирали, доживали свой вѣкъ, увядали, я ихъ хоронила. У меня недалеко отъ бузины было настоящее кладбище, съ оградой, широкими воротами, крестиками на могилкахъ, вѣнками и даже памятниками, сооруженными собственноручно изъ глины.

Тамъ же я хоронила мертвыхъ жуковъ, бабочекъ, полевыхъ мышей, лягушекъ и тому

подобныхъ „людей“. А надъ прахомъ найденнаго въ капустѣ крота, я соорудила самый грандіозный мавзолей. Тамъ стояла удивительная фигура: если на нее смотрѣть сбоку, она какъ будто напоминала Жучку, а съ другой стороны посмотрѣть, выходитъ птица съ ушами зайца. Гордилась я этимъ памятникомъ очень.

На мѣсто умершихъ людей у меня появлялись новые, съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе совершенные. Все, о чемъ я мечтала, чего хотѣла, все, все я вложила въ жизнь моихъ людей. И какъ они у меня разговаривали, какъ хорошо поступали. Много разъ, смотря на окружающихъ меня самдѣлешныхъ людей, я сожалѣла, отчего они не говорятъ, не дѣйствуютъ, какъ мои морковные и брюквенные люди. Какъ было бы хорошо, просто, не страшно и понятно.

Не могла я оторваться отъ моего дома и моихъ людей и, если бы сердитые окрики и угрозы не вынуждали меня итти на зовъ обѣдать или ложиться спать, я никогда бы,

никогда не покидала уголокъ подъ бузиной, окруженный дикой малиной и чудесными лопухами.

И доставалось же мнѣ за это увлеченіе другимъ міромъ и другими людьми. Внѣ моего дома подъ бузиной я бродила сама не своя. Скучно мнѣ было, неуютно, ничего не хотѣлось дѣлать—только и норовила я удрать скорѣй къ себѣ, въ малину. Меня считали лѣнивой, и мать, уча меня, больше кулаками, „жить полюдски", грозила, что не она будетъ, если не выбьетъ изъ меня дури.

...Какой это былъ ударъ! Прихожу въ мой уголокъ и вижу полное разореніе: мой домъ съ людьми исчезъ. Только на бузинѣ остался кусокъ намотанной веревки. Какъ не бывало. Я присѣла отъ горя и боли, точно у меня вырѣзали кусокъ живого мяса. Я долго сидѣла; не шла спрашивать,—я знала, если унесли, значитъ, пропало, уничтожено. Потомъ я почему-то поднялась и совершенно машинально отправилась къ отхожему мѣсту. Такъ и есть. Вотъ обломки разбитаго ящика, а люди и об-

становка, всѣ мои труды, вся моя изобрѣтательность и культура—въ ямѣ. Безжалостная рука не только выбросила, но перемѣшала мой домъ, моихъ людей съ содержимымъ въ ямѣ и такъ, чтобы я ничего не могла спасти.

Я потащилась къ Жучкѣ и долго тамъ плакала. Много я горевала. Но большой щедрый чудесный огородъ утѣшилъ меня: я придумала другое, начала творить свою жизнь заново.

8.

Мы съ сестрой выходили изъ школы. У тѣсной калитки, какъ всегда, шумъ, толкотня, перебранка. Но вотъ мы на улицѣ, и первое, что бросается намъ въ глаза, это высокая фигура поджидающаго насъ отца. Мы удивились, никогда онъ насъ не встрѣчалъ. Да и не могъ, занятый весь день работой на заводѣ. Что-то, кажется, случилось. Въ глазахъ сестры ясно отразился испугъ.

— Ты чего, папка?

Онъ не отвѣчаетъ, смотритъ на насъ и улыбается. Мы идемъ встревоженныя, ничего не

понимая. И вотъ мы видимъ: изъ-за угла къ намъ на встрѣчу идетъ дѣдушка, нашъ дѣдушка.

Какъ мы къ нему бросились, какъ кричали, плакали цѣловали его милыя, милыя руки, его пыльные, такъ знакомые, въ заплатахъ сапоги—этого разсказать нельзя. Мы обезумѣли отъ радости. Насъ окружили люди, нѣкоторые, глядя на насъ, плакали.

И вотъ мы опять идемъ за руку съ дѣдушкой—дождались таки—идемъ и ногъ подъ собой не чуемъ. Дѣдушка съ нами, опять съ нами. Я шла и потихоньку молилась Богу; прочитала всѣ, какія я знала молитвы. Дѣдушка нагнулся ко мнѣ и спросилъ.

— Ты чего шепчешь?

— Молюсь, дѣдушка.

Онъ нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Молись, внучка, молись—Христосъ съ тобой.

Придя домой, я стала тащить дѣдушку къ Жучкѣ. Мать прикрикнула на меня, говоря, что я вѣчно съ глупостями. Я замолчала.

После обѣда дѣдушка моргнулъ мнѣ, указывая на дверь и вышелъ. Я за нимъ.

— Ну, покажи мнѣ твою Жучку.

Я схватила его руку и цѣловала, цѣловала.

— Видишь, дѣдушка, вонъ подъ сараемъ, сидитъ и ждетъ. Это Жучка. Она всегда такъ.

Увидя, что я не одна, Жучка спряталась.

Меня огорчило это.

— Жучка, посмотри, это дѣдушка. Не прячься, это дѣдушка. Я звала, просила, ничего не помогало —Жучка не хотѣла выходить. Я чуть не плакала. Дѣдушка присѣлъ на ступеньки сарая и тихо позвалъ:—Жучка, Жучка! Жучка нерѣшительно высунула голову. Дѣдушка улыбался.

— Ну, иди же, глупая, иди ко мнѣ.

Жучка посмотрѣла на меня, потомъ на дѣдушку и—чудо—вылѣзла, тихо подошла, сѣла передъ нимъ и стала смотрѣть ему въ лицо своими удивительными глазами и такъ, какъ всегда смотрѣла на меня, не моргнувъ. Радости моей не было предѣла: Жучка узнала

дѣдушку. Я сѣла къ дѣдушкѣ на ступеньки и стала говорить ему про Жучку, огородъ, мой домъ, моихъ людей—все разсказала.

Дѣдушка пробылъ съ нами недолго. Это время промелькнуло, какъ сонъ. И я до сихъ поръ не знаю, былъ ли онъ тогда у насъ, или это мнѣ приснилось.

9.

А сказка все больше и больше заволакивала мое сознаніе, принцесса все сильнѣй и сильнѣй укрѣплялась во мнѣ. Но и жизнь не дремала. Она самымъ жестокимъ образомъ выбивала изъ меня волшебныя фантазіи, громоздила горы грубой, страшной дѣйствительности на пути моего тяготѣнія къ сказкѣ.

И ничего, ничего она не могла со мной подѣлать: дѣдушка, добрый, любящій, свѣтлый, и его незабвенная сказка крѣпко залегли въ мой мозгъ, душу, и уничтожить ихъ во мнѣ можетъ только одна смерть. Это я теперь навѣрно знаю.

Чѣмъ грубѣй, страшнѣй была дѣйствитель-

ность, тѣмъ сильнѣй жила, крѣпла, расширялась во мнѣ сказка. Я научилась молчать, таить въ себѣ принцессу. Я поняла, что безъ волшебной палочки—я ничто; что только найдя ее, я стану сама собою. А что я принцесса, настоящая принцесса—это я навѣрно знаю.

Только бы я могла сохранить чистую, чистую душу и такъ полюбить людей, такъ доказать имъ это, что не надо будетъ таиться, они поймутъ, признаютъ меня, не будутъ мѣшать мнѣ искать то, что принесетъ имъ свѣтъ и радость и счастье.

Занятая этимъ, я плохо усваивала жизнь, не умѣла къ ней приспособиться и, когда, разъяренная моими странностями, мать принималась выколачивать изъ меня „дурь", я плакала, умоляла ее не мѣшать мнѣ искать мою чудесную палочку.

Не могу передать моего горя, отчаянія, когда я видѣла, чувствовала, что она не понимаетъ меня, никогда не пойметъ и мѣшать будетъ.

У меня зародилась и крѣпла мысль уйти

изъ дома, пойти бродить по бѣлу свѣту, пожить среди другихъ людей, узнать иную жизнь. И казалось мнѣ, что тамъ то я и все узнаю и нужное мнѣ найду.

Рано я начала мыкаться по чужимъ угламъ, среди различныхъ людей, движимая столько-же нуждой, сколько и страстью къ поискамъ.

Не могу передать моего горя, моего отчаянія, когда я убѣдилась, что люди совсѣмъ не понимаютъ меня, можетъ, никогда не поймутъ, хотятъ загрязнить мою душу, хотятъ помѣшать мнѣ полюбить ихъ, отдать имъ себя всю, хотятъ помѣшать мнѣ найти мою чудесную палочку.

10.

Я шла утомленная, огорченная и неудачами жизни, и отношеніемъ людей. Я думала и вѣрила, что когда-нибудь все разъяснится, меня поймутъ, и кой-кому будетъ стыдно...

Въ особенности Людмилѣ Александровнѣ. Ну-да я забыла, что должна была называть ее барыней, что у нея служила, что она меня одѣвала и платила два рубля въ мѣсяцъ. Хо-

рошо, я забыла—вѣрно! А развѣ я плохо работала? Развѣ я не вскакивала нѣсколько разъ за ночь къ капризному и такъ больно царапающему Павлику? А днемъ не я развѣ до изнеможенія таскаю его на плечахъ, изображаю лошадку. И развѣ не отъ хлыстика Сережи я вся въ синякахъ... Чего они отъ меня хотятъ? Правда, я чего-то натворила съ бѣлой шалью и страусовыми перьями. Но, Господи, развѣ имъ что сдѣлалось. Ну, вѣрно, я сдѣлала изъ шали мантію, но Павликъ и Сережа были отличными пажами, шлейфъ несли осторожно и, какъ имъ приказала, ни разу не дали ему волочиться по полу — ни разу!—А перьямъ и подавно ничего не сдѣлалось—только и всего, что побывали у меня на головѣ въ качествѣ короны...

А какое это было торжественное шествіе!.. Павликъ и Сережа были въ восторгѣ и называли меня принцессой.

Вотъ только я забыла, что съ барыней нельзя такъ говорить. Но я сказала правду, правду: ей не идетъ, когда она кричитъ. Я такъ хорошо

просила ее быть добрѣй. Я даже подарила ей единственную мою драгоцѣнность, серебряный листикъ, говоря, что онъ принесетъ ей счастье, поможетъ бороться съ дурнымъ, что въ каждомъ изъ насъ сидитъ.

Я хорошо говорила. А она разсердилась, листикъ измяла, бросила подъ ноги, меня не простила и выгнала вонъ, крича:

— Чтобы духу твоего здѣсь не было, дерзкая скверная дѣвчонка! Тоже принцесса выискалась...

Я шла къ своимъ сказать, что мнѣ отказали отъ мѣста. Я знала, что меня тамъ ждетъ, и не спѣшила: останавливалась, надо-не надо, и всячески замедляла путь. У меня явилась потребность заглядывать въ окна, смотрѣть, какъ живутъ люди. Неудачниковъ должно тянуть къ такимъ заглядываніямъ: авось, гдѣ, хоть на другихъ глядя, перепадетъ капля радости.

Одно окно надолго приковало мое вниманіе, очаровало меня. Это было широкое окно крытой веранды. Былъ теплый вечеръ, дверь

на веранду открыта, сквозь рѣшетку ограды виднѣлись ступеньки лѣстницы. За столомъ сидѣла сѣдая дама, съ добрымъ лицомъ и веселой улыбкой, гимназистъ и дѣвочка съ бѣлымъ бантомъ въ волосахъ. Они слушали, что разсказывалъ красивый господинъ въ какой-то форменной тужуркѣ. Время отъ времени всѣ весело смѣялись. У нихъ было удивительно чисто, весело, свѣтло. Стоялъ блестящій самоваръ, ваза съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ, коробка конфектъ и цѣлая тарелка вишенъ съ хвостиками. Я смотрѣла, смотрѣла на нихъ и стала забываться,—они напоминали мнѣ мой домъ, моихъ морковныхъ и маковыхъ людей. Ну-да, конечно, такъ жили у меня *мои* люди!. Меня потянуло къ нимъ. Калитка оказалась не запертой, я вошла, поднялась на ступеньки, стала у порога, смотрѣла на нихъ и радовалась.

Все мнѣ въ нихъ нравилось. Я ждала, когда они меня замѣтятъ, навѣрно, сейчасъ-же узнаютъ, позовутъ, посадятъ за столъ, навѣсятъ мнѣ на уши красныя вишни и дадутъ

чаю! я попрошу непремѣнно вѣтку вонъ того бѣлаго цвѣтка; мы будемъ говорить, какъ тамъ, подъ бузиной, въ малинѣ...

Я все больше и больше забывалась. Раздался испуганный крикъ: меня увидѣла дѣвочка съ бантомъ.

— Чужая дѣвочка! Она напугала меня,— какъ она смѣетъ входить такъ тихо. Бабушка, чего ей надо?

Они всѣ встрепенулись. Подскочили ко мнѣ. Лицо бабушки изъ милаго, добраго, стало непріятное и злое.

— Кто ты? Чего тебѣ здѣсь надо? Кто впустилъ тебя?

Я молчала, ошеломленная, не того я совсѣмъ ожидала. Они раздражались больше.

— Да скажешь, наконецъ, кто ты и чего тебѣ тутъ надо?—закричалъ господинъ въ тужуркѣ.

Гимназистъ сказалъ:

— Можетъ она воровка, вотъ и все.

У меня дрожали губы. Я подошла къ дѣвочкѣ съ бантомъ и съ трудомъ проговорила:

— Ты ошиблась, я не чужая, не чужая... И совсѣмъ не воровка, какъ онъ могъ это сказать...

Я не могла больше сдерживаться, горько заплакала и пошла къ выходу. Они не вернули меня, они были совсѣмъ не мои морковные люди—тѣ бы не отпустили меня такъ.

Я всю дорогу плакала и думала, что когда-нибудь этой дѣвочкѣ и гимназисту будетъ тоже стыдно за то, что они не признали меня.

11.

Мнѣ лѣтъ пятнадцать. Я служу у купцовъ, много работаю и получаю три рубля въ мѣсяцъ. Былъ канунъ большого праздника. Я мыла полы, ихъ было много. Мнѣ оставалось домыть послѣднюю комнату, и полы кончены. Это была самая лучшая комната, съ кружевными занавѣсками, высокимъ, чуть не до потолка, зеркаломъ и голубыми вазами съ искусственными цвѣтами. Она предназначалась только для гостей.

У меня отъ мытья половъ очень болѣла

спина. Я остановилась, расправляя утомленную спину и, совершенно неожиданно, очутилась лицомъ къ лицу со своимъ отраженіемъ въ зеркалѣ. Меня удивило и испугало это; въ первую минуту я не узнала себя. Раскраснѣвшееся отъ работы лицо, большіе утомленные и какъ-то особенно горящіе глаза, раскрытыя губы, съ полоской ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ, и безпорядочно взбитые густые каштановые волосы. Какъ будто я и не я. Изъ моего лица смотрѣло на меня какое-то новое, никогда не виданное мной существо. Я вся была другая и красивая, красивая.

Замѣшательство мое продолжалось недолго, я догадалась, кто на меня смотритъ. Мокрая тряпка выскользнула изъ рукъ, я радостно приблизилась къ зеркалу и сказала:

— Здравствуй, принцесса.

Лицо принцессы освѣтилось улыбкой. И мнѣ казалось, что вокругъ головы смотрѣвшей на меня принцессы вспыхнуло яркое сіяніе.

4*

— Я не думала, что ты такая красивая.

Принцесса распустила по плечамъ свои волосы, закинула голову и улыбалась.

— Тебѣ не достаетъ цвѣтовъ. Принцесса не можетъ жить безъ цвѣтовъ.

Мгновеніе—и всѣ цвѣты изъ голубыхъ вазъ лежали у ногъ принцессы. Принцесса выбрала бѣлые и прикрѣпила ихъ къ волосамъ. Всѣ красные пошли на спускающіяся отъ пояса гирлянды, остальные были въ рукахъ.

Принцесса хороша, удивительно хороша. Ей не достаетъ только палочки—сейчасъ и это будетъ!

Не помню—откуда взялась палочка, но она, украшенная цвѣткомъ, несомнѣнно была въ рукахъ принцессы.

И вотъ—да развѣ можно это разсказать?— Прорвался мой внутренній міръ, сказка стала дѣйствительностью, комната превратилась въ дворецъ, я забылась, грезила на яву, унеслась далеко, далеко въ невѣдомыя страны...

Грубая брань сдернула меня изъ тридесятаго государства. Рука разгнѣванной хозяйки

злобно, вмѣстѣ съ волосами, срывала съ моей головы цвѣты, сильная рука съ размаху дала мнѣ двѣ пощечины.

Я ничего не понимала, ничего не могла сообразить. Не замѣтила я ни ея злобы, ни брани, ни боли отъ полученныхъ пощечинъ. Я улыбалась. Я взяла ее за руку, хотѣла открыть ей, кто я, хотѣла разсказать все, чѣмъ было переполнено мое сердце. Я уже открыла ротъ... и тутъ только поняла, почувствовала, что я нѣмая, что у меня нѣтъ для этого настоящихъ словъ, что не передать мнѣ всего, что мой языкъ и я вся заколдованная.

Вотъ отъ чего я такъ страдаю и не нахожу себѣ мѣста. Вотъ отчего нѣтъ у меня чудесной палочки, вотъ отчего я всѣмъ чужая и и непонятная. Я принцесса, да, да принцесса—только заколдованная...

Ахъ, если бы былъ живъ дѣдушка!

12.

Я много читала. Гдѣ бы я не служила, первымъ дѣломъ выискивала книги и, украдкой,

пуская въ ходъ всю свою изобрѣтательность, умудрялась прочитать всѣ до единой. Я много служила и у разнообразныхъ людей, книгъ перевидала видимо-невидимо, читала ихъ трепетно, жадно, со страстью, каждую книгу помнила и вѣрила книгѣ безгранично. Книга научила меня многому. За книгой я забывала мои невзгоды, находила отклики всему, чѣмъ жила и что меня волновало. Въ книгѣ находила я себя, она указывала мнѣ дорогу, укрѣпляла во мнѣ сказку и, какъ никто, подтверждала мнѣ мое несчастье, мою заколдованность...

Долго я присматривалась къ доктору К., нравились мнѣ его сѣдая голова и мягкій голосъ. Я рѣшила поговорить съ нимъ по душѣ, посовѣтоваться. Когда меня въ одно изъ воскресеній отпустили гулять, я направилась прямо къ нему. Увидя меня, онъ понялъ такъ, что меня прислали зачѣмъ нибудь мои хозяева, его родственники.

— Ну, Надежда въ чемъ дѣло?

Я смутилась и никакъ не могла оправиться отъ смущенія.

— Что-же ты молчишь?

Я осилила робость.

— Я къ вамъ, Петръ Ивановичъ, пришла отъ себя.

Онъ разсмѣялся.

— Отъ себя. Отлично! Такъ что же ты мнѣ скажешь отъ себя? Больна чѣмъ?

Я хорошо обдумала все, долго готовилась и начала выкладывать залпомъ, боясь, что не успѣю всего сказать. Онъ слушалъ, слушалъ, вдругъ схватился за голову и закричалъ:

— Погоди, ради Христа. Ничего не понимаю. Кто-же такъ говоритъ. Остановись. Иди сюда, сядь! Не волнуйся, не спѣши, говори толкомъ. Постой, я скажу, чтобы дали намъ чаю... Снимай платокъ, давай разговаривать. Начинай сначала. Ну, о дѣдушкѣ и Жучкѣ кое-какъ понялъ. Говори дальше и, главное, не захлебывайся, успѣешь. Ну, и чудная же ты, вотъ не ожидалъ...

Ободренная, я стала говорить тише, толковѣе. Онъ гладилъ мои руки, волосы, гово-

рилъ, какая я прелесть, и жадно смотрѣлъ на меня. Иногда мнѣ казалось, что онъ меня совсѣмъ не слушаетъ.

Я разсказала все и смолкла—у меня не было больше словъ. Тогда началъ говорить онъ. Я слушала и ничего не понимала. Онъ говорилъ о моихъ рукахъ и, въ подтвержденіе восхищенія, расцѣловалъ ихъ, сказалъ, что мои глаза—поэма, посовѣтовалъ, какъ лучше носить волосы, и какая прическа должна мнѣ идти. Говорилъ о моей фигурѣ, цвѣтѣ лица. Потомъ перешелъ на другое. Онъ тоже много говорилъ, только мнѣ не хочется всего разсказывать...

Произошло великое недоразумѣніе, мы съ докторомъ поговорили „на разныхъ языкахъ". Боже мой, какой несчастной я возвращалась отъ него. Ничего онъ не понялъ, ничего я не смогла разсказать ему моимъ заколдованнымъ языкомъ. Только ввела его въ заблужденіе, при воспоминаніи о которомъ становится такъ грустно и стыдно.

13.

Недоразумѣнія съ людьми стали повторяться чаще и чаще. Меня изводила моя заколдованность.

Мнѣ лѣтъ двадцать. Я уже въ Кіевѣ, живу со своими. Отецъ чѣмъ-то хвораетъ, не имѣетъ работы и обиваетъ пороги больницъ. Безработица и неумѣніе сживаться съ людьми толкнули меня на путь самостоятельнаго портняжества.

Работаю я много, мать и сестра помогаютъ мнѣ. А нужда виситъ надъ нами страшная, мы не всегда сводимъ концы съ концами. Второй день сидимъ на одной картошкѣ, въ ожиданіи, когда я кончу платье. Вотъ кончила. Мать понесла заказъ. Сестра сдѣлала кипятокъ, и ждемъ мать съ какой-нибудь ѣдой и чаемъ.

Она приходитъ злая, презлая и чуть не плачетъ. Оказалась передѣлка, денегъ не дали, пока не будетъ исправлено, а она второй день сидитъ безъ табаку, и въ лавочкѣ больше не довѣряютъ.

Опять поѣли картошки. Мы съ сестрой взялись за передѣлку, а мать, плача и проклиная весь свѣтъ, ищетъ на полу и подоконникахъ, не осталось ли еще гдѣ окурка. Нашла три крошечныхъ, тщательно ихъ развернула, раздергала и скрутила изъ нихъ папироску. У нея было такое несчастное, обиженное лицо, что мнѣ стало невыразимо ее жалко. Мнѣ захотѣлось развеселить ее и грустную сестру. Я забыла, что у меня болитъ отъ работы грудь и мучительно сосетъ отъ голода подъ ложечкой. Я оживилась, стала говорить, что когда-нибудь и на нашей улицѣ будетъ праздникъ. Я говорила, что несмотря ни на что, я всетаки выбьюсь, найду себя, что опутывающія меня чары исчезнутъ, я стану большой, великой и могучей.

Я говорила, что буду жить непремѣнно въ Петербургѣ. Выстрою тамъ дворецъ и какой къ нимъ, въ Кіевъ, на Деміевку проведу чудесный мостъ. И позову тогда къ себѣ голодныхъ, несчастныхъ, бѣдныхъ со всей Деміевки и накормлю ихъ, пригрѣю, осчастливлю.

Я разсказывала, какія у меня будуть комнаты, одежда, пища. Сколько лошадей, каретъ, прислуги. Я не буду жадной: позволю другимъ всѣмъ этимъ пользоваться, ничего жалѣть не буду: все раздѣлю со всѣми. Я сдѣлаю такъ, что всѣмъ, всѣмъ будетъ хорошо...

Я увлеклась, заговорила ихъ. Онѣ забылись, смѣялись, обсуждали, что еще сдѣлать и какъ лучше. И радовалась я, что, наконецъ-то, нашла языкъ, на которомъ они меня понимаютъ...

Не говорила я имъ только одного, что для этого мнѣ надо прежде всего расколдоваться, стать настоящей, что мнѣ самой не сдѣлать этого, что старый добрый волшебникъ или прекрасный, храбрый принцъ должны же придти ко мнѣ на помощь, должны спасти меня и разрушить злыя чары.

Не говорила я имъ, съ какой надеждой и тоской я жду моихъ спасителей. Они не могутъ не придти: ихъ долженъ прислать ко мнѣ съ того свѣта дѣдушка.

14.

Я какъ-то особенно любила цвѣты и всегда мечтала о бѣломъ платьѣ. И вообще бѣлый цвѣтъ былъ мой самый любимый.

Долго, чуть не по копѣйкѣ, собирала я деньги, и вотъ у меня свертокъ только что купленной бѣлой кисеи. Украдкой отъ всѣхъ я шью себѣ платье точь-точь такое, какъ у принцессъ на картинкахъ, въ сказкахъ: открытая шея, открытыя руки, и весь подолъ платья вышитъ цвѣтами.

Платье мое готово, остановка за цвѣтами — гдѣ ихъ достать? Занятая этимъ, я вышла изъ дома и пошла, сама не знаю, куда. Прошла всю Деміевку, вышла въ поле и тутъ только замѣтила, что уже весна, что кругомъ зеленая трава, цвѣтутъ одуванчики, изъ оврага повѣяло запахомъ фіалокъ.

Чудесныя фіалки, есть ли гдѣ ихъ столько, какъ въ Кіевѣ по дорогѣ къ Голосіевскому лѣсу! Какъ увидѣла я ихъ подъ деревомъ въ оврагѣ цѣлый коверъ, жадно набросилась

и рвала, рвала, точно боясь, что мнѣ не дадутъ ихъ рвать или помѣшаютъ. Потомъ разсортировала: крупныя къ крупнымъ—мелкія отдѣльно. Надѣлала массу букетовъ, окруженныхъ зеленью, и, что есть духу, понеслась домой. Было воскресенье. Мать съ сестрой куда-то ушли, отецъ, по обыкновенію, спалъ послѣ обѣда. Я одна съ моимъ бѣлымъ платьемъ, фіалками и грезами. Два ряда крупныхъ букетиковъ удивительно украсили платье внизу, маленькіе пошли на вырѣзъ у шеи и отдѣлку короткихъ рукавовъ.

Я подняла высоко волосы, сдѣлала изъ нихъ корону, одѣла платье, прикрѣпила фіалки къ поясу и къ волосамъ, и такъ я вся измѣнилась, такъ шло мнѣ это платье, такая я стала вся свѣтлая, другая. И чувствовала я себя хорошо, хорошо, какъ когда-то въ дѣтствѣ у дѣдушки, на свѣтлый праздникъ. Я открыла окно, сѣла подлѣ него, закрыла глаза и забылась...

Не знаю, сколько прошло времени. Точно отъ толчка я очнулась. У стола сидѣла моя

постоянная заказчица, акушерка Петрова; по-видимому, давно сидѣла и грустно, съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ, смотрѣла на меня.

Она была хорошая, постоянно говорила о соціальной несправедливости, разъясняла мнѣ подробно, что это значитъ, ратовала за равноправіе всѣхъ людей и относилась ко мнѣ очень хорошо.

Замѣтя, что я открыла глаза, она сказала:

— Какъ вы меня огорчили, Надя. Я васъ считала дѣвушкой разумной, чуткой. Что это вы на себя нацѣпили. И васъ тянетъ къ тряпкамъ, къ пошлости? Какой ужасъ. Когда мы, несчастныя, изъ этихъ тряпичныхъ идеаловъ выйдемъ? И васъ тянетъ „въ барыни"? Вы—простая дѣвушка, у васъ такая бѣдная семья, а вы тратите деньги на глупости—къ чему вамъ этотъ фантастическій нарядъ? Вы крестьянка, будьте-же ею, не стыдитесь этого и не лѣзьте туда, гдѣ вы будете только смѣшны...

Она много говорила. Мнѣ почему-то стало

весело, весело. Я протянула къ ней мои обнаженныя руки, особенно выдѣляющіяся на фонѣ кисеи, зелени и темныхъ фіалокъ.

— Посмотрите, Анна Михайловна, какія у меня чудесныя руки. А жилки-то, глядите, голубыя и просвѣчиваются. И форма хорошая: кисть узкая, пальцы точеныя—ну, можно-же ихъ хоть разъ побаловать. Это не развратъ,— кисея не дорогая, а фіалки и совсѣмъ ничего не стоютъ.. Иногда такъ хочется свѣтлаго, бѣлаго и цвѣтовъ. Не бойтесь, я души моей не продамъ за тряпки, я не такая... Если бы можно, я всѣхъ бы людей вырядила въ бѣлое и цвѣты—какъ хорошо! Душѣ иногда нуженъ такой праздникъ, душа хочетъ, чтобы одежда сливалась съ ея радостью, была свѣтлая, чистая, красивая, какъ она. Я такъ чувствую, этого мнѣ хочется.. А потомъ, милая Анна Михайловна, вы ошибаетесь, я не гнушаюсь моего паспорта — паспортъ недоразумѣніе, не въ немъ дѣло. И въ „барыни“ мнѣ не надо, я больше чѣмъ барыня: я принцесса. Не смотрите на меня такъ насмѣшливо,

я, правда, принцесса. Я вамъ сейчасъ все объясню.

Я хотѣла ей разсказать все, все. И не смогла... Вышло что-то смѣшное, несуразное, она хохотала надо мной, хохотала до слезъ.

Да, много горя далъ мнѣ мой бѣдный, жалкій, заколдованный языкъ.

15.

Они вошли тихо, осторожно, почтительно. Ихъ было много. Впереди одинъ, самый почтенный, держалъ на бархатной подушкѣ такую сверкающую драгоцѣнными камнями корону, что на нее больно было смотрѣть.

Они всѣ склонились предо мной и сказали:

— Мы принесли тебѣ корону царицы. Бери и будь ею.

Я смотрѣла на нихъ и мнѣ было весело.

— А еще что вы мнѣ, добрые люди, принесли?

Они удивленно молчали. Наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Мы принесли тебѣ самое лучшее, самое прекрасное и великое—въ этой коронѣ все...

Я засмѣялась и вскочила съ постели.

— Ну-ка, дайте, помѣряю.

Замѣтя, что у меня на плечѣ опять лопнула отъ ветхости рубашка, я замоталась въ простыню и такъ, чтобы непремѣнно выходилъ шлейфъ, подошла къ зеркалу, взяла съ подушки почтительно поданную мнѣ корону, одѣла ее и важно прошлась по комнатѣ.

— Что, идетъ?

Я оглядывалась назадъ, смотря, довольно-ли величественно тянется мой шлейфъ. Они восторженно и радостно смотрѣли на меня.

— Правда, господа, красиво? — Закинувъ голову, я обошла ихъ всѣхъ, милостиво улыбаясь, точь въ точь, какъ настоящая царица.

— А теперь, милые люди, довольно. Хорошенькаго, говорятъ, понемножку! Не нужна мнѣ ваша корона, возьмите: безъ волшебной палочки она ничто.. Несите ее тѣмъ, кто кромѣ нея ничего больше не ищетъ и не

5

хочетъ. Меня короною не удивишь. Прощайте.

Они были несказанно взволнованы и поражены. А я опять юркнула въ постель, хорошенько укрылась, чтобы нигдѣ не было дырочки, не поддувало.

— Идите же и не мѣшайте мнѣ спать, слышите!

Они всѣ какъ-то смѣшно согнулись и ушли тихо, почтительно, осторожно, какъ и пришли.

А я уже была далеко. Лѣзла на какую-то высокую страшную гору, на верхушкѣ которой, по увѣреніямъ встрѣтившагося мнѣ по дорогѣ зайца, находился источникъ „живой и мертвой" воды, и была зарыта моя чудесная палочка.

Первымъ сномъ меня дѣйствительно не удивишь. А второй повторяется въ моей жизни часто. Часто мнѣ кажется, что передо мной страшная, неприступная гора, и я карабкаюсь по ней къ источнику „живой и мертвой" воды. Срываюсь и опять начинаю вновь.

И такъ безъ конца.

16.

Я въ Петербургѣ. Не могла я больше ждать и двинулась сама искать моихъ спасителей: добраго стараго волшебника и прекраснаго, смѣлаго принца.

Только бы мнѣ ихъ найти! Только бы мнѣ до нихъ добраться!

И когда я освобожусь отъ проклятыхъ чаръ, когда мои нѣмыя уста откроются для настоящихъ словъ, мои распутанныя руки протянутся для настоящихъ дѣлъ, тогда—о тогда оживетъ моя сказка.

17.

Я потеряла голову: въ каждомъ старикѣ мнѣ чудился добрый волшебникъ, въ молодыхъ я видѣла смѣлыхъ принцевъ.

Я металась отъ одного къ другому, и никто, никто не чуялъ во мнѣ принцессы.

И кричала я неустанно: — Присмотритесь ко мнѣ: я принцесса. Я сохранила чистую душу, я люблю васъ, какъ небо, солнце, дѣ-

5*

душку, Жучку. Я даю вамъ все, что имѣю — берите, мнѣ ничего не жаль.

Но на моемъ заколдованномъ языкѣ получались другія, смѣшныя, непонятныя слова. Мнѣ не вѣрили, душу мою отвергали, сокровищъ моихъ не замѣчали.

Я билась такъ много, много лѣтъ. Я находила „добрыхъ волшебниковъ", но они оказывались безсильными, дурными и тянули меня не туда, куда надо. Я находила „принцевъ", но они оказывались маленькими, трусливыми, жалкими.

Я мучилась, истекала кровью, бродила среди людей непонятая, непризнанная, заколдованная. Одинъ разъ я только пережила удивительныя минуты радости и счастья.

Я возвращалась домой утомленная, затравленная, больная. Ко мнѣ присталъ одинъ нахалъ. Я молчала. Онъ становился назойливѣе и назойливѣе. Не зная, какъ отъ него отдѣлаться, я подошла къ городовому, чтобы просить его защитить меня...

Только я начала говорить, какъ у меня за-

кружилась голова, и я лишилась чувствъ. Когда опомнилась, вижу—сижу я на тумбѣ, меня поддерживаетъ какой-то студентъ. Замѣтя собравшуюся толпу, я сразу пришла въ себя. Поблагодарила студента, хотѣла итти и опять покачнулась. Онъ поддержалъ меня, говоря, что такъ меня не отпуститъ. Спросилъ мой адресъ, посадилъ на извозчика, и мы поѣхали.

Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на меня отъ заботливо державшей меня руки. Не привыкла я къ такому обращенію, трогало оно меня, и хотѣлось мнѣ такъ ѣхать безъ конца. Но конецъ пришелъ, пріѣхали. Онъ проводилъ меня въ мою каморку, засвѣтилъ лампу—съ языка его сорвалось:

— Бѣдная, какъ вы измучены.

Я подняла голову и впервые посмотрѣла ему въ лицо. Боже мой, что я увидѣла: на меня смотрѣли добрые, трогательные глаза Жучки.

Внѣ себя отъ радости я бросилась къ нему и кричала: Жучка, Жучка!—обхватила его за

шею и прижалась къ нему такъ, какъ когда-то прижималась къ Жучкѣ...

Я все забыла, ожила, смѣялась, плакала, цѣловала ему руки, шею, глаза и радовалась, радовалась, что наконецъ-то нашла среди людей Жучку.

Я разсказала ему все. Но должно быть его оттолкнула, напугала моя заколдованность. Долго, долго я его ждала, но онъ ко мнѣ не пришелъ больше.

18.

Петербургъ научилъ меня приспособляться къ людямъ и жизни. Я промѣняла тяжкій, часто унизительный, физическій трудъ на ремесло духовное. Меня вынудили иначе продавать мои силы, нервы, кровь. Я стала писательницей, я торгую моимъ безсильнымъ, нѣмымъ языкомъ и слабыми, искаженными отраженіями моихъ чудесныхъ, сказочныхъ грезъ.

А горы высокія, страшныя все такъ же висятъ надо мной, но имъ никогда не вытѣснить во мнѣ дѣдушкину сказку. Я все та-же—

нѣтъ, я стала сильнѣй! Я не ищу больше „добрыхъ волшебниковъ“, не надѣюсь на „храбрыхъ принцевъ“. Я вѣрю только въ себя, надѣюсь только на свои силы. Я вѣрю, что освобожу себя отъ страшныхъ чаръ, что сидящая во мнѣ принцесса вырвется на волю, разыщетъ свою чудесную палочку, раскроетъ людямъ свою душу, отдастъ мнѣ всѣ свои силы, чудеса и сказки.

И кажется мнѣ иногда, что мечусь я среди людей, непонятая, одинокая, оттого, что тѣ, кого я считаю людьми, сами не свои, что они, бѣдные, такъ же, какъ и я, заколдованные...

Ахъ, если бы я могла добраться до источника „живой и мертвой воды“. Если бы былъ живъ нашъ дѣдушка. Онъ растолковалъ бы, научилъ, помогъ. Но его нѣтъ. Его взяли отъ насъ нужда, горе, да болѣзни. И умеръ онъ на чужбинѣ, въ больницѣ. И хоронили его чужіе. И могилки его теперь нельзя найти...

„ПО СВОЕМУ“.

ДРАМА.

Драмат. цензурой къ представленію дозволено безусловно. Спб. 2 ноября 1910 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Нолинъ, Николай Арсеньевичъ.

Нолина, Людмила Александровна.

Зоя } их дочери.
Катя }

Баронъ Тилле, женихъ Зои.

Наташа, подруга Кати.

Гриша, женихъ Кати.

Графъ Карпинскій.

Лось.

Шмидтъ.

Криницкій.

Томилинъ.

Шварцъ.

Новиковъ, докторъ.

Петрова, учительница.

Левинъ.

Сестра милосердія.

Горничная
Петръ } прислуга въ домѣ Кати.

Савелій
Иванъ
Агаша } прислуга въ домѣ Нолиныхъ.

Гости.

Дѣти.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ:

(Квартира Нолина. Часть гостиной, соединенной широкой аркой съ столовой. Богатая обстановка, много цвѣтовъ. За столомъ изыскано одѣтое общество кончаетъ обѣдъ. Нолинъ, съ помощью лакея, несущаго за нимъ корзину цвѣтовъ, обходитъ гостей, поднося цвѣты дамамъ).

Нолинъ. Медамъ, Богъ одинъ знаетъ съ какимъ трудомъ мнѣ удалось добыть эти цвѣты.

Возгласы дамъ: Мерси!—Мерси!—Какая прелесть! Орхидеи! Теперь не время орхидей!—Гдѣ вы достали ихъ?

Нолинъ. О, это мой секретъ. Главное, чтобы онѣ вамъ нравились.

Возгласы дамъ: О, да!—Очень любезно!—Цвѣты прелестны! — Очень мило! — Мерси!—Мерси! (Лакей разливаетъ шампанское).

Нолинъ (возвращаясь на свое мѣсто). А теперь, дорогіе друзья, позвольте сообщить вамъ семейную радость: наша дочь Зоя отдала свою руку, а съ ней, навѣрно, и сердце нашему уважаемому барону Тилле. (Гости бурно выражаютъ радость. Встаютъ, чекаются бокалами, поздравляютъ).

Нолинъ. Вотъ тотъ сюрпризъ, который я вамъ обѣщалъ. Теперь милости прошу въ угловую гостиную, тамъ насъ ждетъ кофе и такъ далѣе, и такъ далѣе (смѣется). (Всѣ окружаютъ помолвленныхъ и выходятъ черезъ гостиную).

Баронъ Тилле (проходя съ Зоей). Моя перелестная невѣста сыграетъ намъ что-нибудь.

Нѣсколько голосовъ. О, да! — Конечно!—Мы просимъ!—Просимъ! (Всѣ прошли. Въ столовой убираютъ со стола. Доносится игра на роялѣ).

Савелій. Ну, вотъ барышню Зою просватали, теперь за Катей остановка.

Иванъ. Катя не засидится: умница, красавица—поискать. И добрая, къ каждому человѣку внимательная.

Савелій. Катю, должно, за Карпинскаго сосватаютъ, страсть увивается. Ну, чтожъ, хоть и вдовый, но ничего, видный баринъ. И потомъ графъ и милліонщикъ—это никому не вредно.

Иванъ. Мальченка у него есть отъ первой жены—значитъ мачехой будетъ.

Агаша. Можетъ будетъ, а можетъ, нѣтъ.

Савелій. Помели еще.

Агаша. Чего молоть, чай не слѣпыя... видимъ.

Савелій. Что видимъ-то?

Агаша. Все. И чего вы, дяденька Савелій, ко мнѣ чипляетесь. Какъ все видно, а вы секреты строите. Глянь-ка, на кого похожа стала, бродитъ по дому сама не своя. Какъ наша генеральша не замѣчаетъ—просто удивительно. Не спроста изводится, попомните мое слово.

6

Иванъ. Блажь нашла, у господъ это случается. Почудитъ и перестанетъ.

Агаша. Нѣтъ, тутъ другое, есть на сердцѣ у нея что-то. Намедни подходитъ ко мнѣ, а я бѣлье разбираю. Присѣла. Разскажи, говоритъ, Агаша, какъ ты росла, что въ жизни видѣла? А сама блѣдная такая, разстроенная.

Иванъ. И меня разспрашивала.

Агаша. Вотъ, вотъ, обо всемъ чисто выпытываетъ. Не поймешь, къ чему и какъ.

Савелій. И сегодня, говоришь, ѣздила?

Агаша. Спроси Акима—мнѣ что? не выдумываю—что вижу, то и знаю.

Иванъ. Что-же Акимъ?

Агаша. Велитъ, говоритъ, ѣхать въ самыя что ни на есть трущобы и ходитъ тамъ. Вертается какъ смерть бѣлая, зубы, говоритъ, стучатъ, глаза гнѣвные, смотрѣть на нее страшно. А чего серчаетъ, неизвѣстно. Съ попрошайками, да босяками всякими разговоры ведетъ и деньги имъ возитъ. Да, дяденька Савелій, самъ Акимъ сказывалъ. А то собрала на Покровкѣ за рундуками босую команду,

Акима на углу оставила, чтобы не слѣдилъ, значитъ, украдкой—вотъ какъ было, да! А вернется домой, запрется и плачетъ, плачетъ. Генеральша съ барышней Зоей по гостямъ, да магазинамъ, а она изводится.

Иванъ. И чего, спрашивается, ей надо? (кричитъ) Петруха, гдѣ ты, братъ, застрялъ.

Савелій. Не кличь, онъ въ кабинетѣ. Пускай, сами справимся. Разомъ все хватимъ.

Агаша. Такія-то, братцы, дѣла. Даю голову на отсѣченіе, есть у Кати полюбовникъ на сторонѣ, есть! Можетъ того и мучится.

Савелій. Довольно тебѣ языкомъ вертѣть, дѣлай свое и помалкивай. Лучше будетъ.

Иванъ. Я тоже думаю, Агаша, лучше.

Агаша. Ну что-жъ и такъ можно. Я вѣдь промежъ себя, на перекресткахъ не трезвоню. (Молча убираютъ, накрываютъ столъ чистой скатертью и уходятъ. Входитъ Катя, медленно ходитъ по столовой, гостинной. Машинально нюхаетъ цвѣты въ вазахъ. Постояла передъ зеркаломъ, равнодушно въ себя всматриваясь. Подошла къ окну, откинула портьеры и за-

6*

стыла, смотря черезъ стекла въ сумерки надвигающагося вечера. Черезъ столовую пробѣгаетъ лакей. Входитъ графъ Карпинскій, заглядываетъ въ столовую и, не найдя того, кого искалъ, выходитъ. Вошла Наташа, скользнула по гостинной.

Наташа. Странно, и тутъ нѣтъ. (Замѣтя Катю) Вотъ, гдѣ ты, Катя. (Катя не шелохнулась).

Наташа (подойдя къ ней). Можно подумать, что ты отъ меня прячешься. Катя, ты слышишь?

Катя (не поворачиваясь). Слышу. Не успѣла запереть свою комнату, тамъ расположились дамы.

Наташа. Ты избѣгаешь меня, я вижу.

Катя. Что ты отъ меня хочешь?

Наташа. Поговорить намъ надо.

Катя. Нашла время.

Наташа. А когда? Тебя послѣднее время постоянно нѣтъ дома. А мнѣ надо спѣшить. Я въ подозрѣніи, за мной слѣдятъ, придется перейти на нелегальное положеніе, а то и уѣхать.

Не знаю, когда придется намъ говорить. Такъ почему ты отъ меня прячешься? Ахъ, Катя, какъ ты огорчаешь меня. Не думала, что между нами можетъ быть такое.

Катя. Какъ ты не понимаешь,—разныя мы.

Наташа. А раньше? Подумай, мы дружны съ дѣтства.

Катя. Раньше? Я была слѣпая, шла куда вы меня вели. А теперь зрячая, иду, куда ведетъ мой разумъ, мое сердце. Мы разныя.

Наташа. Не понимаю, не понимаю, какъ могло случиться, что ты, наша Катя, стала такая чужая и непонятная. Куда все дѣлось... прячешься, какъ отъ враговъ. Что ты дѣлаешь съ собой и Гришей, онъ обезумѣлъ отъ горя. Ты отказала ему?

Катя. Да.

Наташа. Что за нелѣпость! Вѣдь ты любишь, любишь его.

Катя. Да.

Наташа. Нѣтъ, Катя, такъ невозможно. И почему? (всматривается въ нее). Какъ ты измѣнилась... Катя, Катюшка, милая моя, род-

ная, что случилось? Почему гонишь любимаго и любящаго тебя человѣка, гонишь наканунѣ вашей свадьбы. Это безуміе, опомнись.

Катя. Такъ надо. Я рѣшила, отказываюсь отъ личнаго счастья, слышите, не хочу его!

Наташа. Отказаться отъ брака съ Карпинскимъ, уйти отъ обывательскаго, пошлаго счастья—это я понимаю. А Гриша...

Катя (занятая своимъ). Гриша сказка, Гриша не можетъ жить безъ неба. Какъ онъ любитъ, какъ понимаетъ небо, — каждая звѣздочка у него живетъ. Сказка, сказка... Онъ все время тянетъ, тянетъ меня къ небу, а я... я не могу оторваться отъ земли. (Кричитъ) нѣтъ, нѣтъ, не надо, не хочу неба! Если небо не всѣмъ доступно, если звѣзды горятъ, трепещутъ не для всѣхъ, и мнѣ не надо! Не надо, говорю вамъ, нѣтъ!

Наташа. Катя, милая, что ты, опомнись. Скажи какъ другу, скажи мнѣ, ничего не тая, что съ тобою? Вспомни, какъ прежде...

Катя. Ахъ, у меня столько на сердцѣ накипѣло... Наташа, меня гнететъ, бѣситъ, воз-

мущаетъ наша жизнь. Я не могу людямъ простить ихъ страшной, волчьей жизни. Боже мой, Боже мой... говорятъ, пишутъ прекрасныя, благородныя слова и, куда ни взглянешь— всюду волки, волки, волки! (Доносится пѣніе и веселые возгласы) И они тѣснятъ, травятъ, грызутъ другъ друга, и на слезахъ, крови, костяхъ другихъ строятъ для себя и своихъ волчатъ веселый, безконечный праздникъ — это у насъ называется счастіемъ. Слышишь, веселятся счастливые люди. „Бѣжать, бѣжать надо отъ такого страшнаго волчьяго счастья.

Наташа. Ты и уходи, тутъ безнаказанно жить нельзя. Ты не ихъ дочь.

Катя. Да, да, не ихъ. Я выродокъ, я чужая, я врагъ всему, что имъ дорого. И они не видятъ. Они спокойны. Увѣрены, что изготовили дѣтей, по своему образу и подобію; убѣждены, что вколотили въ насъ свои идеалы. Имъ и въ голову не приходитъ, что я другая, что у меня есть моя жизнь, есть какія-то иныя требованія, чувства, привязанности.

Наташа. Вотъ и живи своимъ. Будь до-

вольна, что тебя во время растолкали, что ты могла проснуться, что не осталась на вѣкъ глупой, безсмысленно счастливой куклой, годной только въ наложницы богатому развратнику. Будь довольна. А сестра твоя, какъ человѣкъ, погибла: сладко убаюкали, крѣпко, на вѣкъ.

Катя. Боже мой, что они изъ насъ дѣлаютъ.

Наташа. Не давайся, борись, спасайся бѣгствомъ. И не вали въ одну кучу и ихъ, и насъ. Мы съ Гришей, правда, были съ ними, также считали это счастьемъ... А теперь, ты знаешь, какая между ними и нами пропасть. Ты хотѣла идти съ нами и дальше, хотѣла уйти изъ этого, какъ ты образно выражаешься, „волчьяго дома", къ любимому другу, хотѣла стать его женой, начать съ нимъ новую, человѣческую жизнь. Что стало между тобой и Гришей?

Катя. Жизнь, Наташа, наша людская жизнь. Все она у меня отравила, все оскорбила... Наташа, пойми хоть ты, Гриша мучается и не понимаетъ.

Наташа. Объясни, растолкуй. Ты муча-

ешься, Гриша потерянный отъ горя. Я, глядя на́ васъ, мѣста себѣ не нахожу. Не знаю, чѣмъ вамъ помочь.

Катя. Видишь, когда я увидѣла жизнь тѣхъ, на окраинахъ, поняла, какъ тамъ живутъ, какъ гибнутъ люди, я чуть не сошла съ ума. Сознаніе, что я могла прожить всю жизнь, не зная этого, что родительская любовь и прекрасное воспитаніе такъ меня искалѣчили, что я могла не понимать, что́ вижу— эта мысль до сихъ поръ наполняетъ меня всю ужасомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я прозрѣла, я не живу, а мучаюсь: я не могу съ этимъ помириться, не хочу этого терпѣть. Вся моя личная, эгоистичная жизнь куда-то отодвинулась, стала далекой, стала не важной, я не могу больше ни думать, ни жить для себя. Я стала вся другая. Кажется, все, что люди совершили гадкаго, подлаго, легло мнѣ на совѣсть и давитъ, мучаетъ, требуетъ расплаты за все, за все.

Наташа. Бѣдная Катя, милая, чуткая дѣвочка. Не даромъ я всегда боялась за тебя.

У тебя все въ большихъ размѣрахъ. Ты больна, Катя.

Катя. Да, да, Наташа, я больна. Я заразилась мучительной, неизлечимой болѣзнью: имя ей жалость. Я горю безумной, ненасытной жалостью ко всему слабому, обездоленному, несчастному, больному. Ахъ, если бы у меня были большія, большія, сильныя руки, чтобы я могла ими всѣхъ обнять, утѣшить, защитить. И такъ обнять, какъ люди никогда другъ друга не обнимаютъ, такъ приласкать, порадовать, какъ никогда не ласкаютъ, не радуютъ. А у меня, видишь, маленькія, безсильныя руки—о, какъ я страдаю отъ моего безсилія. Силу, силу надо моимъ рукамъ. Наташа, гдѣ мнѣ такую силу найти?

Наташа. Ты спрашиваешь? Катя, Катя, развѣ не видишь? Что-же это такое... Что съ тобой сдѣлалось?

Катя. Постой, я вижу, какая кипитъ борьба, какъ люди хотятъ радости, доли и для тѣхъ, кто гибнетъ отъ тьмы, тяжкой работы, нищеты, водки. Вижу—люди идутъ, борятся,

ложатся костьми за жизнь достойную человѣка. А я не знаю, что мнѣ дѣлать, куда идти, какъ, если надо, отдать мою жизнь.

Н а т а ш а. Иди *къ намъ,* помогай. Дай имъ твои руки, слей съ ними гнѣвъ твоего возмущеннаго сердца—тамъ твои руки найдутъ силу, тамъ.

К а т я. Ты все о своемъ.

Н а т а ш а. Да, о своемъ. Я вижу разрѣшеніе этихъ проклятыхъ вопросовъ политическимъ путемъ. Этотъ путь измѣнитъ наши соціальныя условія, освободитъ людей отъ рабства капитала, принесетъ радость, лучшую долю для всѣхъ; туда иди, тамъ ты нужна. Въ тебѣ, Катя, скрыта сила и большая!—Грѣхъ, если ты истратишь ее не такъ, не на то.

К а т я. Перестань, Наташа, довольно. Говорю тебѣ: не могу. Не мой путь политика. Я буду вамъ скорѣй вредна, я не смогу, какъ вы, бороться. Да, да, у меня нѣтъ ненависти къ врагамъ, которыхъ, ради побѣды, надо тѣснить, гнать, истреблять.

Н а т а ш а. Другого пути нѣтъ: никакія сло-

ва и убѣжденія не дѣйствуютъ. Надо хватать за шиворотъ, тѣснить, вынуждать—иначе никогда этому конца не будетъ.

Катя. А мнѣ ихъ жалко, они несчастные. Я не умѣю ненавидѣть. Я не могла бы пролить крови другого человѣка, я имѣю право только на свою собственную жизнь; только *мою* кровь я могу пролить, какъ мнѣ угодно—и ни чью больше.

Наташа. Нашихъ съ тобой враговъ заставитъ сдаться только физическая сила, запомни разъ на всегда—и ничто больше!

Катя. Я не говорю вамъ: не боритесь такъ—ваше дѣло. Я васъ не трогаю, ничему не учу, никуда не тащу. Дѣлайте ваше дѣло, какъ находите нужнымъ, боритесь, какъ можете. Да я то такъ не могу, поймите это. Оставьте меня, я найду мою дорогу. Какъ-же мы сговоримся? Подумай, Гриша упорно зоветъ меня къ радостямъ любви, къ счастью материнства—да что-же это такое?!

Наташа. Ты съ ума сходишь. Какое въ этомъ преступленіе, какое?

Катя. Молчите, уйдите, если не видите. Я вся другая, слѣпой прозрѣлъ—какъ вы не понимаете. Перестаньте преслѣдовать меня заботами, совѣтами. Вы-то меня хоть не мучьте.

Наташа (чуть не плача). Не говори такъ со мной, Катя, не говори. Мы за тебя измучились, любимъ, не знаемъ, какъ тебѣ помочь. Ты заблудилась, растерялась, не туда идешь, не то дѣлаешь.

Катя. Опять сначала. Да поймите-же, не хочу я счастья, когда кругомъ несчастные. Не хочу раздваиваться, жить въ разрѣзъ съ моими словами и убѣжденіями. Не хочу дрожать за каждую каплю своего личнаго счастья, ради этого счастья поступаться, кривить душой, тѣснить другихъ—да нѣтъ-же, говорю вамъ, нѣтъ! Зачѣмъ мнѣ родить дѣтей: и безъ моихъ дѣтей людей калѣчится, страдаетъ слишкомъ даже много. Не будетъ этого! Не надо счастья, не надо радости, если они существуютъ не для всѣхъ.

Наташа. Страшное не измѣнится оттого,

что ты искалѣчишь жизнь и себѣ и другому. Тутъ другое надо.

Катя. Вѣришь въ это другое—вѣрь. А меня не успокаиваетъ сознаніе, что тѣмъ, на окраинахъ, *когда-то* будетъ лучше. Я сейчасъ не могу этого видѣть, не хочу терпѣть. Работайте для будущаго, а я хочу помочь ихъ горю, не откладывая, немедленно.

Наташа. Это называется колотиться головой объ стѣнку. Ничего ты одна не сдѣлаешь. Все, что ты дашь людямъ даже цѣной всей твоей жизни, въ массѣ бѣдствій будетъ капля въ морѣ.

Катя. Прекрасно! Вотъ, я хочу дать эту каплю немедленно, дать, какъ смогу. Для этого не жалко жизни.

Наташа. Надо разумно отдавать свою жизнь.

Катя. А мнѣ хочется среди вашего разумнаго сойти съ ума. Кончимъ, Наташа, я тоже вѣрю въ человѣка, вѣрю въ побѣду человѣка надъ одолѣвшимъ его звѣремъ и не признаю вашей монополіи на пути къ этой

побѣдѣ. Не бѣда, что люди идутъ разно, главное, чтобы шли, а не теряли силы въ пререканіяхъ, какъ надо, да какъ лучше. Я такъ иду, капли тоже нужны. Скажи Гришѣ, пусть перестанетъ горевать. Скажи, пусть придетъ ко мнѣ иначе, мы будемъ искать радости, счастья въ другомъ, совсѣмъ въ другомъ.

Наташа. Онъ проситъ передать тебѣ...

Нолина (входя). А, подруги вмѣстѣ и по обыкновенію шушукаются. (Звонитъ прислугѣ). Говорите, говорите, когда и говорить, когда и вольничать. А повыходите замужъ, другіе начнутся разговоры, совсѣмъ другіе. (Входитъ Савелій). Вотъ что, Савелій, надо раскрыть столы длл картъ, и пришлите въ кабинетъ еще бутылки двѣ ликеру.

Савелій. Слушаю.

Нолина. А знаете, Савелій, мнѣ нашъ новый лакей совсѣмъ не нравится. Что за безобразіе, вы видѣли, онъ чуть-чуть не наступилъ на платье баронессы.

Савелій. Его окликнули, а онъ, ваше превосходительство, извѣстно, растерялся.

Нолина. Это не оправданіе. А вчера, Богъ знаетъ что... подалъ Николаю Арсеньичу башмаки — одинъ съ лакированнымъ носкомъ, а другой нѣтъ. Какъ вамъ это нравится? Тотъ спѣшилъ, не замѣтилъ, подумайте, въ такомъ видѣ на раутъ къ Бѣльскимъ. Такой неаккуратности я не могу допустить въ моемъ домѣ. И держится онъ не хорошо, одѣвается неопрятно—какъ вы не присмотрѣли: у него на фракѣ пятна. Надо замѣнить его болѣе подходящимъ. И не откладывая.

Савелій. Слушаю.

Нолина. Больше ничего, идите. (Савелій уходитъ.—Подходитъ къ подругамъ). Да, дѣти мои, замужество не шутка. Ахъ, начинается для матери страдная пора. Наташа, у тебя хорошій вкусъ, ты должна намъ помочь съ приданнымъ.

Наташа. Мой вкусъ, Людмила Александровна, испортился.

Нолина. Глупости, глупости... и слышать не хочу. Бѣлье мы выбрали, а съ обстановкой просто горе: хотѣлось что-нибудь новое,

а у насъ все такъ шаблонно, такъ шаблонно. Главное, никакъ не можемъ выбрать гостинную, можетъ ты посовѣтуешь, Наташа, а? Будуаръ есть, баронъ придумалъ, у него оказался настоящій художественный вкусъ—это очень пріятно въ мужѣ. Представьте, весь будуаръ цвѣта спѣлыхъ банановъ, отдѣланъ свѣтло-сѣрымъ мѣхомъ. Мебель съ мѣхомъ—ново и оригинально! Эта идея привьется, я убѣждена, Зоинъ будуаръ будетъ имѣть большой успѣхъ—вотъ увидите! (Взглянувъ на Катю) Какъ ты сегодня, милая, блѣдна... Наташа, что мнѣ съ ней дѣлать, смотри какъ похудѣла, подурнѣла, злится, точно старая дѣва. Казалось-бы нечего: претендентовъ на ея руку хоть отбавляй. Да, Катя, ты видѣла графа Карпинскаго? Онъ тебя искалъ...

Н о л и н ъ (вбѣгая). Людмила! Катя!—Нѣтъ, это не возможно! Когда надо—васъ не найти. Полонъ домъ гостей, а онѣ, извольте видѣть... Катя, ты начинаешь меня не на шутку раздражать, тебя нигдѣ не видно, всѣ спрашиваютъ,—такъ неудобно... Супруга, у меня къ

вамъ секретъ. Да, чуть не забылъ, скажите, розы и персики въ домѣ есть?

Нолина. Найдутся. А что? (Идетъ къ мужу, онъ беретъ ее подъ руку, и они уходятъ черезъ столовую, тихо разговаривая).

Катя (смотритъ имъ во слѣдъ). Поблѣднѣла, похудѣла, подурнѣла... родители рѣшили, пора замужъ—какъ просто! А что, Наташа, если взять, да разсказать имъ все, все?..

Наташа. Брось. Испуганные, растерянные они будутъ смотрѣть на тебя во всѣ глаза, и твои слова будутъ казаться имъ словами человѣка съ какой-то другой планеты. Не трать ни времени, ни силъ—ихъ не передѣлаешь. Лучше уходи.

Карпинскій (входя). Пардонъ, медамъ, не помѣшалъ я?

Наташа. Пожалуйста, графъ.

Карпинскій. Мерси. Здравствуйте, Наталья Дмитріевна. Я васъ не узналъ было.

Наташа. Богатой буду.

Карпинскій. Серьезно. Вы какъ-то измѣнились. Впрочемъ, послѣднее время васъ

нигдѣ не видно... А я васъ, Екатерина Николаевна давно ищу: мнѣ надо сказать вамъ...

Катя. Не надо, графъ, не надо. Перенесите ваше вниманіе на другую женщину—нашему браку не бывать. Я другая, не та, что вы думаете, совсѣмъ не та.

Карпинскій (растерянно). Я не понимаю васъ... Ваша матушка только что сказала мнѣ...

Катя (перебивая). У меня нѣтъ матери! Женщина, на глазахъ которой, и уже давно, мечется, истекаетъ кровью дочь, а она, занятая веселымъ безконечнымъ пикникомъ, объ этомъ не подозрѣваетъ, ея глаза не видятъ, сердце не чуетъ—такая мать, не мать!

Карпинскій. Что вы говорите, успокойтесь. Я принесу вамъ воды... Развѣ такъ можно? (Слышны приближающіеся голоса и смѣхъ).

Катя. Спасибо, графъ, вода мнѣ не поможетъ.

Карпинскій. Екатерина Николаевна, я прошу, возьмите себя въ руки... Сюда идутъ.

(Входитъ баронъ Тилле, окруженный дамами. Всѣ смѣются).

Дама въ бѣломъ (къ Карпинскому). Ахъ, графъ, что баронъ придумалъ (общій смѣхъ).

Зоя (къ барону). Говорите, что?

Тилле. Прежде всего, моя очаровательная невѣста, льду, какъ можно больше льду. (Всѣ хохочутъ).

Зоя. Потомъ?

Тилле. Персики, предпочтительно съ большимъ румянцемъ. Затѣмъ розъ, не очень распустившихся и, главное, душистыхъ. Замѣтьте, шампанское и коньякъ, какъ я сказалъ.—Не перепутайте. Иной фирмы не годится — все испортитъ: тутъ, понимаете, все въ нюансахъ. (Всѣ смѣются).

Зоя. Помню, помню. Дальше.

Тилле. Сахарной пудры чуть-чуть съ ванилью. Главное, мѣра, замѣтьте, чуть-чуть! Ароматъ ванили долженъ такъ ощущаться, какъ въ тихій, лѣтній день едва замѣтное дыханье вѣтерка.

Зоя (идя въ столовую). Сейчасъ распоряжусь.

Тилле. Главное забылъ. (Догоняетъ Зою и что-то ей шепчетъ. Зоя смѣется. Всѣ идутъ за ними въ столовую. Нѣсколько дамъ окружаютъ Карпинскаго).

Дама въ желтомъ. Идемте, графъ, очень любопытно—баронъ курьезный человѣкъ.

Дама въ бѣломъ. Представьте, персики поджарить, какъ шашлыкъ, на коньякѣ... (Смѣются)

Дама въ красномъ. А лепестки розъ, чтобы поплавали семь минутъ въ шампанскомъ... Боже сохрани, не больше. (Смѣются).

Дама въ голубомъ. Потомъ, все это смѣшать съ кусочками льда величиной съ орѣхъ—Боже сохрани не больше... (Смѣются).

Дама въ розовомъ. Затѣмъ, въ бокалъ положить ложку сахарной пудры чуть-чуть съ ванилью и... (отъ смѣха не можетъ говорить).

Дама въ бѣломъ. Ни за что не угадаете.

Дама въ красномъ. Въ этомъ вся прелесть. (Всѣ, смѣясь, тащатъ Карпинскаго, говоря въ одинъ голосъ:

— Идемте...

— Идемте, графъ!

— Вы посмотрите, этотъ номеръ будетъ и вамъ по вкусу.

— Только взгляните, что онъ придумалъ!

— Вотъ умора.

— Идемте, жалѣть не будете.

Карпинскій (оглядываясь на Катю, даетъ себя увлечь. Въ столовой начинается несмолкаемый смѣхъ).

Наташа. Въ глупостяхъ и смѣхѣ—вся жизнь. Одно и тоже, одно и тоже!.. Какъ имъ не опротивѣло?

Катя (мечется). Я больше не могу, не могу ихъ видѣть. Идемъ, Наташа. Я ухожу изъ дома, сейчасъ ухожу, совсѣмъ, навсегда. Лучше напишу имъ, все напишу. Идемъ, а то мнѣ кричать, кричать хочется. (Быстро уходитъ. Наташа за ней. Изъ столовой несутся бѣшеные аплодисменты:

— Хорошо! — Дивно! — Браво! — Браво, баронъ!—Вы кудесникъ!—Браво!).

Занавѣсъ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

АКТЪ ВТОРОЙ.

(Квартира Кати. Красивый, весь бѣлый будуаръ. Кое-гдѣ средь бѣлаго прорѣзываются ярко-красные: то бантъ, то брошенный небрежно вѣеръ, шарфъ; то тамъ, то сямъ разбросаны красные цвѣты. Полъ закрытъ краснымъ ковромъ. Сцена пуста. Доносится игра на рояли и пѣніе чего-то чрезвычайно бравурнаго, прерываемаго иногда неистовыми криками и аплодисментами).

Петръ (впускаетъ Наташу и Гришу. Наташа загримирована пожилой дамой). Еще разъ осмѣлюсь вамъ доложить, Катерина Николавна сегодня не принимаютъ никого. Мнѣ такъ приказано.

Наташа (пишетъ на карточкѣ). Вотъ, голубчикъ, передайте, насъ примутъ.

Петръ. Передамъ. Только ничего не выйдетъ. Такъ приказали.

Наташа. Идите, посмотримъ. (Петръ уходитъ).

Гриша (съ ужасомъ). Наташа, она поетъ— Катя поетъ...

Наташа. Ты уйди, Гриша. Я лучше одна. Уйди, милый.

Гриша. Что же это такое? Наташа, тутъ есть отчего сойти съ ума.

Наташа. И зачѣмъ пришелъ? Прошу тебя уйди. (Пѣніе прекращается. Входитъ Катя чрезвычайно блѣдная, съ ярко-красными накрашенными губами. Бѣлоснѣжное платье подбито внизу узкимъ краснымъ воланомъ; когда ходитъ, платье развѣвается, красный воланъ становится шире; средь краснаго мелькаютъ ноги въ бѣлыхъ башмакахъ; волосы распущены, у самаго лица въ волосахъ прикрѣплена вѣтка красныхъ цвѣтовъ. Съ большими горящими глазами, обольстительная, ко-

кетливая, взвинченная. Въ рукахъ вѣтка красныхъ цвѣтовъ. При ея входѣ Гриша вздрагиваетъ и прислоняется къ стѣнѣ, не спуская съ нея упорнаго, восторженнаго взгляда).

Катя (съ удивленіемъ смотритъ на даму). Наташа... гдѣ-же Наташа?

Наташа. Я, Катя, должна была загримироваться. Здравствуй.

Катя (бросаясь къ ней). Наташа, какъ я рада тебя видѣть.

Наташа (цѣлуясь). Годъ не видались. Видишь... какъ пришлось.

Катя. Тебя выпустили? Садись сюда. Такъ выпустили?

Наташа. Нѣтъ, бѣжала. Сегодня уѣзжаю за границу.

Катя. Какъ ты осунулась!

Наташа. Годъ тюрьмы не шутка. Обо мнѣ не стоитъ говорить, вырвалась, отдохну, буду и тамъ дѣлать свое. А ты... что ты, Катя, дѣлаешь!..

Катя. Я занимаюсь справедливымъ распредѣленіемъ капиталовъ, беру у тѣхъ, у кого

ихъ много и отдаю тѣмъ, у кого нѣтъ. Я даю людямъ много радости, цѣлыми пригоршнями я разбрасываю радость кругомъ... Выше, лучше этого я ничего не знаю! Приходилось-ли вамъ радовать людей такъ, чтобы они плакали и молились? Пусть будетъ благословенъ каждый, давшій землѣ такую радость. Радость, радость заливаетъ меня всю... Гриша, не смотри на меня такъ...

Н а т а ш а (хватаясь за голову). Ты можешь радоваться? Ты радуешься, теперь радуешься?

К а т я (смотритъ то на Наташу, то на Гришу). Не спугивайте, не спугивайте мою радость.

Г р и ш а (какъ подкошенный опускается на стулъ).

Н а т а ш а (безнадежно опускаетъ голову).

К а т я. (нѣкоторое время смотритъ на нихъ, потомъ встаетъ; холодно). Зачѣмъ вы пришли? Ваша любовь, ваша преданность, безъ пониманія, даютъ муки и вамъ и мнѣ. Не можете со мной радоваться, уйдите, похороните, забудьте меня.

Наташа. Я уѣзжаю, неизвѣстно когда увидимся, я спрашиваю...

Катя (перебивая). Я ничего не дѣлаю такого, что у насъ возбранялось-бы, не допускалось, пресѣкалось — живу, какъ живутъ многіе. Чего вамъ надо?

Наташа. Не будь жестокой. Гибель собаки нельзя видѣть равнодушно, хочется помочь, спасти, а тутъ на глазахъ человѣкъ гибнетъ, безумно, нелѣпо, безсмысленно—ты, Катя, гибнешь. Не требуй, мы не можемъ быть равнодушны.

Катя. Мы никогда не сговоримся, я всегда буду для васъ наивной, сумасшедшей, утописткой. Довольно, я такъ живу—значитъ такъ надо.

Наташа. Такъ надо? Какой ужасъ! У меня волосы становятся дыбомъ при одной только мысли, что ты, благородная, скромная, наша честная Катя вдругъ...

Катя. Да, да, вполнѣ сознательно торгую моимъ тѣломъ. Помирись, Наташа, съ фактомъ: въ этой лавочкѣ я продаюсь оптомъ и въ

розницу—кому что требуется. Вы заставляете меня быть грубой.

Н а т а ш а. Какое чудовищное глумленіе надъ самимъ собою, какая отвратительная пытка. Тебѣ понадобился именно этотъ ужасъ?.. Катя, Катя, что ты съ собой дѣлаешь?!

К а т я. Наташа... Гриша, поди сюда, сядь здѣсь. Слушайте, у меня нѣтъ болѣе преданныхъ друзей, чѣмъ вы. Я душу вамъ открываю до самаго дна, а вы не видите... глухіе... Что мнѣ сдѣлать, какъ разсказать? Поймите, я хочу дать людямъ какъ можно больше радости. И, конечно, тѣмъ, кто ее никогда не видѣлъ. Это не благотворительность,—нѣтъ, нѣтъ!—Это мнѣ надо прежде всего для меня самой. Это меня какъ-то удовлетворяетъ, миритъ съ жизнью, даетъ смыслъ моему существованію—безъ этого мнѣ смерть. Ахъ, Боже мой, да вѣдь я все, все забываю, ничего не помню, когда вижу, что мои руки, вотъ эти руки, несутъ другимъ радость и жизнь. Я не виновата, что деньги такая страшная сила—да, да съ деньгами можно творить чудеса:

воскрешать умирающихъ, поднимать падшихъ, давать свѣтъ темнымъ, выводить на прямую, свѣтлую дорогу—а такая у насъ есть—выводить обреченныхъ на неминуемую гибель. Развѣ можно этого не желать? Не дѣлать, когда можешь? Конечно, я стала добывать деньги всячески. Я красивая, не глупая, имѣю таланты. Меня оцѣнили люди, указали золотое дно...

Гриша. За деньги, всю себя за деньги!?

Катя. Да, да, за деньги. Поймите, я убѣдилась: никакой талантъ, никакой геній, ничто не можетъ дать у насъ такихъ доходовъ какъ развратъ. Не осуждайте меня, къ душамъ нашихъ многихъ, многихъ сильныхъ, богатыхъ людей нѣтъ иного пути, кромѣ наглаго, безстыднаго разврата. Меня вынуждаютъ такъ пріобрѣтать власть надъ человѣческой душой.

Наташа. Катя, Катя, замолчи.

Катя. Да, на безстыдство, на самый гнусный развратъ люди ничего не жалѣютъ. Еслибы вы заглянули въ мою бухгалтерію, уви-

дѣли цифры моихъ, по истинѣ, сумасшедшихъ заработковъ—у васъ, можетъ, тоже стали-бы волосы дыбомъ отъ того, что у насъ дѣлается.

Н а т а ш а (стонетъ). Такъ ты борись, борись...

К а т я. Ихъ не передѣлать. Они будутъ у другихъ это искать, они другимъ женщинамъ отнесутъ свои души и деньги. Тѣмъ женщинамъ деньги нужны на глупости, мнѣ нужнѣй. Я не отпускаю ни одного развратника, не взявъ отъ него все, что только можно. И они не жалѣютъ; о, меня хорошо оцѣнили знатоки, сами на меня установили безумную таксу. Они говорятъ что я даю имъ много радости, они не знаютъ, какъ меня... ха, ха, ха, какъ меня благодарить за все! Видите, какой обмѣнъ: однимъ продаю радость, другимъ отдаю ее безкорыстно. И тѣмъ и другимъ я отдаю, не жалѣя, сколько найдется, отъ души.

Н а т а ш а. Твое безкорыстіе ужасно. Да какъ, какъ ты смѣешь навязывать несчастнымъ людямъ такую страшную радость?! Если-бы они знали...

Катя. Тише, тише. Пока деньги будутъ существовать, какъ страшная, чудодѣйственная сила, они всегда будутъ обрызганы позоромъ, преступленіемъ, кровью и слезами. Не мнѣ тебѣ это говорить, знаешь. Ужасъ, Наташа, не въ томъ, что одной проституткой стало больше—экая бѣда, а что у насъ такое подлое явленіе существовать можетъ.

Наташа (кричитъ). Такъ борись съ нимъ, борись!

Катя. Я и борюсь. У меня есть не одна женщина, которую я поставила на ноги, спасла отъ неминуемой дороги въ домъ терпимости.

Наташа. Это не борьба: ты подлому явленію сама служишь. Человѣкъ съ отчаянія можетъ на все рѣшиться, борьба за существованіе на многое толкаетъ. А добровольно топтать себя въ грязь, плевать на самое святое въ человѣкѣ—нѣтъ, такого издѣвательства нельзя терпѣть. Тебя надо связать, запереть какъ безумную.

Катя. Ха, ха, ха, какъ васъ моя торговля тѣломъ возмущаетъ, ужасаетъ. А съ тѣмъ,

8

что проституція каждый день, ежеминутно, пожираетъ тысячи женщинъ и дѣтей—вы что-же миритесь? Отчего не бѣжите спасать? Какъ можете ѣсть, спать, зная, какой ужасъ у васъ на глазахъ, подъ бокомъ, существуетъ? А...тѣхъ пускай, лишь-бы не близкихъ нашему сердцу... о, эта ваша убогая этика для своихъ и не своихъ. Лицемѣры! Себялюбцы! Трусы! Проституція—дитя нашего сердца, мы всѣ, всѣ ее создаемъ: одни тѣмъ, что насаждаютъ, поощряютъ, другіе—что мирятся и терпятъ. Мнѣ надоѣли ваши этическіе вопли. Съ моимъ спасеніемъ надо покончить разъ на всегда—меня спасти нельзя.

Наташа. Гриша, видишь, глухая стѣна. Вся съ головой вошла въ нелѣпость. Творить нелѣпость.

Катя. А вы отъ нея застрахованы? У насъ, куда не сунься, прежде всего натолкнешься на нелѣпость. Ты, онъ, я, весь міръ! Мы всѣ копошимся въ нелѣпости. Почему надо брать готовую, вѣками сложившуюся? Нѣтъ, если у насъ нельзя обойтись безъ нелѣпости, я

предпочту мою нелѣпость вашей. О вкусахъ, говорятъ, не спорятъ. Не спорь, Наташа, эта нелѣпость мнѣ больше по душѣ.

Наташа (растерянно). Что съ ней дѣлать, что дѣлать!?

Катя. Понять. Пойми еще это: кромѣ заработка меня потянуло въ проституцію мучительное, неодолимое желаніе раздѣлить страшную долю многихъ: насильно торговать своимъ тѣломъ—понимаешь, Наташа, насильно. Чѣмъ я лучше ихъ? Ихъ жизнь съѣдаетъ—пусть ѣстъ и меня. А вы надѣетесь, что у насъ когда-то будетъ лучше? Надѣйтесь и терпите, изо всѣхъ силъ терпите!

Наташа. Нѣтъ, будемъ бороться, но не такимъ чудовищнымъ способомъ! Будемъ негодовать, мучиться, когда у насъ на глазахъ человѣкъ совершаетъ такое... Радости единицъ не стоятъ, Катя, твоихъ мукъ и униженія. Будемъ пытаться остановить безумца, спасти... Молчи, это сумасшествіе, подлость. Должно быть у человѣка такое, чѣмъ онъ не долженъ поступаться никогда и ни за что! Иначе онъ

8*

не человѣкъ. Въ томъ, что ты дѣлаешь, много злости. Ты осатанѣла въ своей злости, не видишь, не понимаешь нашихъ за тебя мукъ.

Катя. Спасители! Вы серьезно начинаете меня бѣсить. Вонъ стоитъ одинъ спаситель, (указываетъ на Гришу), теперь ты появилась, не за горами третій. Отецъ мой воспылалъ ко мнѣ особой родительской любовью, пишетъ мнѣ отчаянныя письма, умоляетъ опомниться, вернуться домой. Жду, вотъ-вотъ тоже придетъ тащить меня на путь истины. Да что-же это такое? Всѣ добываютъ деньги, чѣмъ-нибудь торгуя: умомъ, талантомъ, душей, тѣломъ— кто чѣмъ можетъ. Такъ заведено. Я дѣлаю, что у насъ можно, добываю деньги, какъ у насъ принято. Что-же вы ко мнѣ пристали, чего вы еще меня царапаете?

Наташа. Не говори такъ, жалѣемъ тебя, за тебя измучились. Посмотри, на кого Гриша сталъ похожъ. А я... я боюсь, моя голова не выдержитъ. Я многое шла тебѣ сказать и не то, совсѣмъ не то говорила. Катя, я умоляю тебя... нѣтъ, нѣтъ, не сердись, я понимаю, мо-

жетъ у человѣка закипѣть сердце... А ты, Катя, пожалѣй, пощади себя, укроти гнѣвъ. Что я говорю? Катя, не могу я вынести твоей никому не нужной гибели. Не то ты дѣлаешь, не такъ. Гдѣ слова, гдѣ сила, которая заставила-бы тебя очнуться?!

Катя. Не надо словъ. Пойми, Наташа, мою радость,—я своего добилась: у меня выросли большія, сильныя руки. Теперь я многихъ обнимаю, многихъ ласкаю, кормлю, лѣчу и многихъ, многихъ утѣшаю—такія удивительныя руки мнѣ дали деньги. Все равно, какъ я ихъ добыла, главное, сила у меня есть. Жадность къ деньгамъ у меня ненасытная, безграничная, какъ безгранична, ненасытна моя жалость къ обездоленнымъ. Нѣтъ жертвы, которую-бы я не принесла, нѣтъ муки, передъ которой я остановилась-бы ради того, чтобы сдѣлать мои руки еще длиннѣе, еще сильнѣе.

Наташа. Какая страшная, сумасшедшая сила!

Катя. Сила возмущенной человѣческой души. Кончимъ. Мало мнѣ всего, вы еще тутъ...

Кто васъ проситъ меня спасать? А если я хочу страдать, хочу... самой ужасной пытки? Какъ вы не понимаете—теперь, среди нашей волчьей жизни, только одного хочется: быть распятымъ. Себялюбцы, лицемѣры, трусы,слышите, я хочу, чтобы меня распяли, чтобы мой крестъ заслонилъ мнѣ ужасъ, стыдъ, проклятье нашей жизни; чтобы гвозди глубоко вошли-бы въ мое тѣло и заглушили боль, тоску души; чтобы моя кровь и стоны не только-бы смѣшались съ кровью и стонами другихъ, но, слышите, ихъ покрыли. Наташа, если люди не разорвутъ меня, я сама себя распну: среди такой гадкой жизни я не могу жить иначе.

Наташа (цѣлуетъ Катѣ руки, голову, платье). Безумная, удивительная Катя, прощай, я отступаю. Я пыталась оторвать тебя отъ твоего безумія, но у меня нѣтъ силы равной твоей. Я должна уйти отъ тебя и подальше, иначе чувствую—подлѣ тебя можно сойти съ ума. Я забывала себя, мое дѣло, я день и ночь думала только о тебѣ, искала

смысла и оправданія тому, что ты дѣлаешь, какъ себя изводишь? Я до того домучилась, что стала себя презирать за свое безсиліе, а тебя ненавидѣть. Прости меня, у меня нѣтъ силъ тебя спасти. Гриша не можетъ, куда-же мнѣ...

Катя (обнимая Наташу). Прощай, Наташа, иди своей дорогой, а я пойду моей. Такъ лучше.

Наташа. Объ одномъ прошу, не умирай безъ меня, позови (давится отъ слезъ). Обѣщай мнѣ, Катя, позови.

Катя. Хорошо, позову. Будь счастлива въ своемъ. До свиданія.

Наташа. До свиданія. Идемъ, Гриша, тутъ скала, намъ ее не сдвинуть.

Катя (утомленно). Да, да, скалу не сдвинуть. Иди съ ней, Гриша.

Гриша. Ступай, Наташа, я къ тебѣ зайду сейчасъ.

Наташа (еще разъ молча обнимаетъ Катю и выходитъ. Катя сидитъ, устало закрывъ глаза).

Гриша (подходитъ, кладетъ ея голову къ себѣ на плечо). Отдохни, Катя. Тебѣ пора отдохнуть, ты такъ устала. (Гладитъ ей голову).

Катя. Да, Гриша, я устала. А дѣла много, у меня большіе планы. Я хочу сдѣлать, какъ можно больше, какъ можно больше. (Отдается его ласкѣ). Какъ хорошо. Опять твои руки. Разскажи мнѣ, какъ когда-то, о небѣ, покажи мнѣ звѣзды, я ихъ забыла, не замѣчаю больше.

Гриша. Катя, ты небо, ты полна яркихъ звѣздъ. Идемъ, я покажу тебѣ тебя (подводитъ ее къ окну, отдергиваетъ шторы). Смотри, какое прекрасное, голубое и доброе, доброе небо, какія славныя звѣзды. Смотри, какая красота, величіе, щедрость... Это ты, въ тебѣ все это. Катя, зачѣмъ ты покрыла себя темными, страшными тучами, зачѣмъ твои звѣздочки померкли и плачутъ? Не надо, разгони скорѣй тучи, пусть опять горятъ, трепещутъ твои звѣзды, пусть несутъ красоту, свѣтъ, радость— только не такъ, не такъ, Катя. Очнись, род-

ная, все, все брось. Возьми опять мои руки, мою любовь; и пойдемъ мы въ жизнь, какъ собирались, будемъ вить наше гнѣздо, пѣть наши пѣсни, покажемъ людямъ, что радость, счастье, любовь есть, есть на свѣтѣ. (Страстно обнимаетъ ее). Катя, какъ я люблю тебя, какъ изстрадался по тебѣ.

Катя (вздрагивая). Не буди меня... еще, еще разскажи о небѣ.

Гриша. Небо мое, моя яркая звѣздочка!

Катя (страдая). Не обо мнѣ, пожалуйста, не обо мнѣ. Говори, какъ тогда, о небѣ.

Гриша. Небо—ты! радость—ты! счастье—ты! Катя, Катя моя... (цѣлуетъ ее).

Катя (отбиваясь). Не хочу, не надо. Неба, тихого, чистаго, дай мнѣ опять такого неба.

Гриша Оно въ насъ, въ тебѣ, во мнѣ, въ моей любви.

Катя. Неправда, это не то. Пусти.

Гриша (опять обнимая). Правда, Катя, правда. Идемъ со мной, клянусь, у насъ всегда будетъ небо: наша любовь тебѣ его дастъ. Идемъ въ нашъ домъ, здѣсь тебѣ не мѣсто.

Катя (рѣшительно освобождаясь). Разбудилъ! Некуда мнѣ идти, здѣсь мой домъ, здѣсь мое мѣсто. Та сказка кончилась, не принимаешь, не хочешь быть со мной въ новой моей сказкѣ — зачѣмъ тогда пришелъ? Уйди.

Гриша. Пощади, не могу безъ тебя жить: одурѣлъ, опустился, все растерялъ, гибну. Идемъ, будемъ дѣлать твою сказку иначе. Я буду помогать тебѣ. Я изнемогъ, а съ тобой опять найду себя, отдамъ твоей сказкѣ всѣ мои силы, душу, жизнь. Будь моей, люби, не отталкивай.

Катя (жесткимъ тономъ). Ты все о любви, о счастьѣ со мной лепечешь, ты женщину во мнѣ все еще любишь, тѣло мое тебѣ надобно.

Гриша. Не могу отдѣлить въ тебѣ тѣло. Люблю, какъ женщину, люблю тебя всю.

Катя. А я говорю, люби меня иначе. Подумай: всѣ, всѣ рабы своихъ страстей. А ты, мой Гриша, моя первая сказка, станешь высоко надъ всѣми, поборешь страсти, забудешь во мнѣ женщину, дашь мнѣ собою не самца—

Гриша, ихъ такъ много, такъ много вокругъ меня! Будь другимъ, дай мнѣ собою друга—человѣка. Мнѣ его надо, не достаетъ, полюби меня такъ.

Гриша (сжимая руками голову). Ты требуешь, все время требуешь отъ меня невозможнаго. Я хотѣлъ, пытался, и не могу, не въ силахъ любить тебя иначе.

Катя. Надо. Иначе буду жестокая, буду безпощадная. Лучше оставь, уйди на всегда.

Гриша (цѣлуетъ ей руки, платье). Не могу, только такъ люблю, больше, сильнѣй, люблю, какъ женщину. Не уйду, ты меня любишь, ты не можешь, ты не въ силахъ забыть нашей сказки.

Катя (отъ внутренной борьбы сжимаетъ руки въ кулаки). Забыла! Нѣтъ нашей сказки!

Гриша. Лжешь! Твои глаза выдаютъ тебя. Не мучь себя, меня. Идемъ, все забудемъ, я ничего не помню, не хочу знать: ты моя и меня одного любишь. Идемъ, ты хочешь забыть нашу сказку—никогда тебѣ этого не добиться, никогда.

Катя (съ ужасомъ). Ты вынуждаешь меня... Уйди.

Гриша. Довольно, наша сказка не можетъ исчезнуть... Идемъ, я не могу безъ тебя жить.

Катя (вздрагиваетъ, хватается за стулъ и грубо хохочетъ). Не можешь? такъ въ чемъ-же дѣло? Мое тѣло можно купить. Только я, мой другъ, дешево не продаюсь.

Гриша (покачнулся, стонетъ какъ раненый).

Катя. Иди, покупай, бери. Псовъ вокругъ меня много — будь псомъ, если не можешь быть человѣкомъ. Давай деньги и получай.

Гриша (ошеломленный, убитый, шатаясь, идетъ къ двери. Пока онъ не вышелъ, она вызывающе хохочетъ. Когда онъ скрылся за дверью, она обрываетъ хохотъ и опускается, какъ подстрѣленная).

Катя. Ну вотъ, я оплевала нашу сказку (шепчетъ). Ты вынудилъ, ты вынудилъ, Гриша, я солгала, сказка твоя живетъ, живетъ. Надо ее вытравить, она мѣшаетъ. Презирай,

ненавидь, только не стой у меня на дорогѣ, не мѣшай, уйди на вѣкъ. Такъ лучше.. Боже мой, Боже мой, какъ я сдѣлала тебѣ больно, о, о, какъ больно. Проклинай, я заслужила. (Опускается на полъ подлѣ кушетки и мечется отъ боли. Потомъ застываетъ въ отчаяніи).

Петръ (входя). Его сіятельство графъ Карпинскій желаютъ васъ видѣть.

Катя (очнувшись). Что, Петръ?

Петръ. Графъ Карпинскій пріѣхали, ждутъ.

Катя. Просите сюда.

Петръ. Слушаю (уходитъ).

Катя. Прощай, Гриша. Иди и ты своей дорогой, а я пойду моей. (Ложится спиной на полъ, красиво вытягивается, заложивъ руки за голову. На красномъ коврѣ рѣзко выдѣляется ея бѣлая, изящная фигура). Входитъ Карпинскій; увидя лежащую Катю, вздрагиваетъ.

Карпинскій (глухо). Катя...

Катя (не мѣняя положенія). Пожаловали? Характеръ у васъ есть: вы могли прожить безъ меня двѣ недѣли—удивительно.

Карпинскій (приближаясь, жадно глядя на Катю). Больше не могъ...

Катя. То-то. И охота вамъ со мной ссориться: у каждой женщины свои капризы. Купчую принесли?

Карпинскій. Видишь, Катя...

Катя (поднимаясь). Вы пришли безъ купчей?! Лучше не бѣсите меня, уходите. Я требую: вашъ паркъ долженъ быть моимъ. Слышите? А не согласны, съ Богомъ, не смѣю удерживать.

Карпинскій. Возьми деньги, дамъ сколько захочешь, въ два, три раза больше стоимости парка. Подумай, паркъ прадѣда, я долженъ передать его сыну.

Катя (хохочетъ). Какія нѣжности, подумаешь. Меня занимаетъ тутъ другое. Въ нашемъ городѣ нѣтъ зелени,—кто не можетъ выѣхать на дачу, задыхаются въ пыли среди камня, да желѣза; негдѣ полежать на травѣ, подышать, порадоваться лѣту. А у васъ—подумайте, какая нелѣпость! — десять десятинъ прекраснаго, вѣкового парка только

двумъ людямъ, да еще живущимъ въ немъ три-четыре мѣсяца въ году — вѣдь вы съ сыномъ больше живете заграницей. Вы ограбили нашъ городъ, лишили его земли. Вы какъ собаки на сѣнѣ: и сами не пользуетесь и другимъ не даете. Разрѣшаете, и то по особой рекомендаціи, осматривать вашу фамильную гордость. У, жадные! Волки! Волки! Уйдите, не бѣсите меня. Я денегъ и безъ васъ буду имѣть, сколько захочу. Слышите, тамъ, въ гостинной, визжатъ, давятъ другъ друга, стонутъ отъ желанія, чтобы я поскорѣй очистила ихъ карманы. Тамъ головы теряютъ поклонники моего тѣла, вкуса и темперамента, а въ такомъ миломъ состояніи, какъ вамъ хорошо извѣстно, о деньгахъ не думаютъ. Ха, ха, ха, угадайте, скряга, во что вчера обошлась Криницкому моя пляска одалиски—ну-ка угадайте? (Карпинскій вздрагиваетъ). Я, правда, безумно люблю деньги, но я честная, я отдаю себя такъ, какъ ни одна проститутка вамъ себя не отдавала— ничего не жалѣю, я щедрая съ вами по царски.

Карпинскій (страстно обнимая Катю). Прогони ихъ, всѣхъ прогони.

Катя. Паркъ, пожалуйте, паркъ. А въ купчей должна быть поставлена, какъ я сказала, такая сумма запродажной, чтобы ваши родственники во вѣки вѣчные не смогли-бы его выкупить, чтобы паркъ былъ навсегда мой, слышите! Иначе ничего не выйдетъ (бьетъ его цвѣткомъ по носу). Я, мой другъ, упряма, знаю, чего хочу. Прощайте-съ (идетъ къ двери).

Карпинскій (достаетъ изъ бокового кармана купчую). На, акула, на.

Катя. Торгашъ! Я вамъ этого никогда не забуду. Жаль стало парка... Не вы, такъ сынъ вашъ, навѣрно, спустилъ бы его на глупости. А я... Я хорошей цѣной расплачиваюсь за вашу фамильную гордость (смотритъ въ купчую). Такъ, все какъ надо. Дѣла Карпинскихъ мнѣ хорошо извѣстны, никогда имъ не вернуть парка, онъ мой, мой! Будемъ радоваться. Сегодня я въ особенномъ ударѣ. Сегодня я угощу васъ особой пляской, буду справлять тризну... Сегодня я разорвала серд-

це, оплевала милую, милую сказку (съ бѣшенствомъ). Нѣтъ, такъ надо! У акулы не должно быть нѣжныхъ чувствъ. Чего молчите? Зовите всѣхъ сюда, будемъ радоваться.

Карпинскій. Не зови ихъ...

Катя. Мнѣ одного мало. Мнѣ надо мужчинъ много, со всего міра, безъ конца. У меня большое сердце, страсти моей на всѣхъ хватитъ. Я ненасытная, я жадная, какъ дьяволъ (отворяя дверь, зоветъ). Криницкій! Лось! Шмидтъ! Всѣ сюда, сюда ко мнѣ, мои очаровательные волки! (съ криками восторга вваливается толпа мужчинъ).

Голоса мужчинъ:—Наконецъ-то! — Ты насъ забыла!—Наша царица!—Волшебница!—Сатана въ юбкѣ!—Катя!—Катюша!—Красота!—Наша Катя!

Катя. Друзья мои, будемъ радоваться, устроимъ бенефисъ: буду плясать для всѣхъ безъ исключенья и такъ, чтобы адъ, глядя на наше веселье, сталъ намъ завидовать (восторженныя, неистовые крики мужчинъ, переходящіе въ ревъ). Сегодня будетъ невиданная,

9

неслыханная одалиска. Криницкій, помогать! (садится на столъ и протягиваетъ ноги. Криницкій опускается на колѣни и разстегиваетъ ей башмаки). Лось, разстегни платье! (Лось бросается помогать). Не спѣши, видишь волосы запутались. Пригоговьте шарфъ, сегодня красный. (Всѣ бросаются къ шарфу и борятся за обладаніе имъ. Карпинскій съ яростью ихъ расталкиваетъ и овладѣваетъ шарфомъ).

Катя. Тише, тише, волки, не грызитесь, всѣмъ достанется—были-бы только деньги! ха, ха, ха, кому что требуется: вамъ—пляска голой женщины,—мнѣ деньги! Обмѣнъ цѣнностей, ха, ха, ха. (Криницкій, снявъ башмаки, цѣлуетъ Катѣ ноги. Она его хлопаетъ по плечу). Охъ, Криницкій, не теряй головы, пригодится...

Криницкій. Къ черту голову! Хочешь, какъ вчера, Катя, какъ вчера—согласна?

Катя. Сумасшедшій! Смотри: еще одна такая побѣда, и отъ тебя ничего не останется. Ахъ мои милые волки, мнѣ надо много, много денегъ! Ха, ха, ха, а вамъ все равно кто:

Маша, Берта или Адель очиститъ ваши карманы—лучше, давайте, я! Я обожаю деньги. За деньги я души моей не пожалѣю. Врешь, Карпинскій, въ любви за деньги я ненасытнѣй самой акулы ха, ха, ха...

Карпинскій (держитъ на готовѣ шарфъ. Всѣ нетерпѣливыми, жадно-похотливыми глазами впились въ раздѣвающуюся Катю. Столпились, застыли и ждутъ).

Занавѣсъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

(Большая, свѣтлая комната въ домѣ Кати. Два письменныхъ стола, кушетка. Мебели мало. При поднятіи занавѣса Томилинъ и Шварцъ смѣются подавленнымъ смѣхомъ).

Шварцъ. Это... это чертъ, а не женщина.

Томилинъ (оглядываясь на дверь). Тише, дружище, тише... Тутъ разошедшійся во всю Ниловъ, натура-то у него, знаешь, купецкая, какъ гаркнетъ: Катенька, хочешь катеньку, т. е. сто рублей, за слово, только ругаться, матушка, какъ я тебѣ составлю, по моему, значитъ, рецепту, ха, ха, ха, вотъ какъ дѣло было (озирается на дверь).

Шварцъ (давясь отъ смѣха). Ну, а она?

Томилинъ. Тише... Она поднялась и молвитъ: „Ладно, купецъ, только ругаться, сколько захочу, значитъ, неограниченно“. Понимаешь?

Шварцъ. Ха, ха, ха...

Томилинъ. Ниловъ даже подпрыгнулъ отъ удовольствія. „Сдѣлай, говоритъ, одолженіе. Сколько душенькѣ твоей захочется— мошна-то у насъ слава Богу.

Шварцъ (озираясь на дверь). Ну, ну?

Томилинъ. Ниловъ пишетъ рецептъ. Она прочла, да какъ сплюнетъ. Ниловъ оретъ: „Что барыня, аль на попятный?“

Шварцъ. Ну, а она?

Томилинъ. Такимъ окинула его взглядомъ, что, ей-Богу, не одному мнѣ стало жутко. Королева!.. Приказала подать счеты, сунула ихъ въ руки Нилова, приказала слѣдить за нимъ, чтобы не сбился, закинула голову и... начала (оглядывается на дверь). Что это было: букетъ такихъ словечекъ... Поднялся содомъ... хохотали, визжали, стонали; иные

плевались, требовали перестать, пытались перекричать ее. А она, не моргнувъ, спокойно, твердо, съ удивительной дикціей, отчеканивала самую отвратительную брань.

Шварцъ. Легендарная женщина! Дальше.

Томилинъ. Бранилась безъ передышки. Счеты щелкали. Всѣ притихли, лица поблѣднѣли отъ этого своеобразнаго спорта, всѣ впились въ руки Нилова, съ трескомъ отбивающаго цыфры. Иногда она иронически спрашивала: „не довольно-ли? не заболѣли-ли у купца пальцы?“ Закусившій удила Ниловъ оралъ: „Валяй, сударыня, не безпокойся, выдержимъ: папенька-то намъ оставилъ десять милліончиковъ чистенькихъ“.

Шварцъ. Ахъ, ахъ, невѣроятная вещь!

Томилинъ. Н-да, потѣшилъ компанію, нечего сказать. Остановились подъ утро, когда она окончательно охрипла.

Шварцъ. Ну?..

Томилинъ. Ну, раздѣлывала—отдай все, да мало!

Шварцъ. А Ниловъ?

Томилинъ. Съ характеромъ купецъ, не моргнувъ, подписалъ чекъ.

Шварцъ. Сколько?

Томилинъ. Не спрашивай, говорить страшно. Вотъ, послѣ этого представленія и взяли Нилова семейнымъ совѣтомъ въ опеку. Вотъ какъ дѣло было.

Шварцъ. Ну, дѣла, съ роду такого экземпляра не видывалъ. (Оглядываясь на дверь). Ну, а какъ вы тутъ благоустройствомъ города занимались, ха, ха, ха, какъ въ запуски бѣдняковъ, да проститутокъ спасали—а?

Томилинъ. Слыхалъ?

Шварцъ. Еще-бы! Чуть не на всю Европу нашумѣли. Благодѣтели, ха, ха, ха!

Томилинъ. Подумай, культура-то какая у насъ завелась! Лучшіе въ городѣ, по красотѣ и солидности, дома, слушай: ночлежка для бѣдняковъ, потомъ столовая, двѣ тысячи каждый день кормятъ — шутка! больница— чуть не дворецъ. А пріюты всякіе, школа, библіотека. И замѣть, все безплатно, ха, ха, ха, именно въ запуски культуру насаждали.

И кто? Все кулаки, да человѣконенавистники. Съума посходили, всѣ изъ ея рукъ въ благодѣтели рода человѣческаго попали. Такъ и говорила имъ: „Милые мои, я не только о своихъ дѣлахъ забочусь, но и о вашихъ грѣшныхъ душахъ и день и ночь думаю. Пусть и ваши грѣшныя души доброму, человѣчному послужатъ; пусть подтвердятъ, что не всѣ-же люди ненавистные волки“. Ну, и лѣзли изъ кожи, чтобы ей угодить. Подумай, чуть не отъ каждаго любовника презентъ городу для бѣдняковъ — ты соль-то, соль всей этой культуры и человѣколюбія понимаешь?

Шварцъ. Ядовитая женщина.

Томилинъ. Опомнились, да поздно. Заставила все оформить, не какъ нибудь; еслибы кто и вздумалъ взять обратно свою доброту и человѣчность, выходитъ нельзя, ха, ха, ха, все по закону, прочно, навсегда принадлежитъ бѣднякамъ нашего города. И замѣть, вездѣ доска и на ней, золотыми буквами, имя благодѣтеля—сколько скандалу-то было! Но ничего нельзя подѣлать, стерпѣли, проглотили.

Шварцъ. Вотъ дьяволъ.

Томилинъ. Умна и зла, какъ чертъ, именно. Богатѣйшій паркъ Карпинскихъ подарила отъ имени графа городу, въ вѣчное пользованіе гражданъ, а въ фамильномъ графскомъ домѣ устроила пріютъ для бездомныхъ, брошенныхъ дѣтей. Ты думаешь спроста? Какъ-бы не такъ! Была тутъ исторія съ графомъ. Выгналъ онъ на улицу бонну своего сына, когда она была отъ него, отъ графа-то, беременна. Дѣвушка утопилась. Исторію, конечно, замяли. И вотъ она ему въ пику...

Шварцъ. Тсъ, идутъ. Непремѣнно ее надо привлечь къ нашему дѣлу.

Петръ (входя). Ничего, господинъ Томилинъ, не вышло. Какъ докладывалъ, Катерина Николаевна положительно не могутъ васъ принять. Всѣмъ отказываютъ.

Томилинъ. Да ты передалъ наши карточки?

Петръ. Передалъ. Сказали, какъ всегда, въ четвергъ. А сегодня не могутъ.

Томилинъ. Жаль. (Къ Шварцу). Ничего

не подѣлаешь, придется въ четвергъ. (Къ Петру). Что это у васъ за перестановка? Такой былъ прекрасный, стильный кабинетъ.

Петръ. Перенесли его въ угловую. А здѣсь теперь рабочая комната. Тутъ много солнца, и Катерина Николавна все тутъ занимаются.

Томилинъ. Жалко, угловая тѣсна. Ну, прощай, голубчикъ. Передай барынѣ, въ четвергъ будемъ.

Петръ (провожая ихъ). Слушаю. (Черезъ нѣкоторое время входитъ докторъ Новиковъ. Потомъ Катя, въ простомъ платьѣ, скромно причесанная, время отъ времени кашляетъ чахоточнымъ кашлемъ.

Катя (звонитъ). Однако я заспалась, скоро часъ. Какой нахалъ этотъ Томилинъ (къ вошедшему Петру). Вы зачѣмъ провели ихъ сюда?

Петръ. Я провелъ въ гостиную. Господинъ Томилинъ сами прошли сюда, когда я ушелъ. Потомъ я ихъ по всему дому искалъ, думалъ ушли. А они здѣсь.

Катя. Это на него похоже. Слышите, Петръ, сюда никого посторонняго не впускать, дверь заприте.

Петръ. Самое лучшее, я ужъ и то подумывалъ.

Катя. Нина Петровна пришла?

Петръ. Никакъ нѣтъ.

Катя. Когда придетъ, скажите что я здѣсь.

Петръ. Слушаю (уходитъ). Катя садится за столъ. Новиковъ за другимъ столомъ разбираетъ бумаги).

Катя. Господи, сколько у насъ накопилось дѣла. Когда успѣемъ? (пишетъ).

Новиковъ (щелкая на счетахъ). Успѣемъ. Сегодня заканчиваю счета.

Катя. Отлично. (Оба сосредоточенно работаютъ).

Катя (вдругъ). Семенъ Ивановичъ, вы увѣрены, что мои легкія столько продержатся? Вы не должны меня обманывать, слышите.

Новиковъ. Вы опять?

Катя. Обманъ вѣдь входитъ въ этику врача.

Новиковъ. Повторяю, если не случится что-нибудь особенное, будете дѣлать, что надо, лѣкарство принимать аккуратно и... (запнулся).

Катя (нетерпѣливо). Хорошо, хорошо, буду жалѣть себя. И будетъ, какъ предполагаете?

Новиковъ. Надѣюсь.

Катя. Смотрите вы у меня.

Новиковъ (желая перемѣнить разговоръ). А у васъ какъ дѣла?

Катя. Нѣсколько дней работы, и проэктъ „Школы людей" готовъ. Очень я рада. И хорошо я сдѣлала: какъ надо. Даже не вѣрится, подумайте, осуществляется моя мечта (встаетъ). Когда я думаю о моей „школѣ людей", я забываю и мою чахотку и почти сосчитанные дни моего пребыванія на землѣ—все, все забываю. Я оживаю, кажется у меня за плечами выростаютъ крылья—о, я такъ счастлива! Спасибо, что помогли, не знаю, чтобы я безъ васъ и дѣлала.

Новиковъ. Удивительное дѣло, другіе-бы нашлись.

Катя. Не скромничайте, знаете, вѣдь, съ какимъ трудомъ я нашла васъ, Левина и Петрову. Замѣтьте, изъ трехсотъ тысячъ жителей нашего города, при неустанныхъ поискахъ, я выискала только троихъ людей.

Новиковъ. Немного. И потомъ, Катя, не забывайте, у каждаго изъ насъ какой нибудь клепки не хватаетъ.

Катя. Для моихъ сумасшедшихъ плановъ и люди такіе нужны... Фу, какъ отъ васъ опять коньякомъ...

Новиковъ (улыбаясь). Неужели опять?

Катя. Вы огорчаете меня. Зачѣмъ, зачѣмъ вы пьете?

Новиковъ. Благодарите Бога, что только пью, а не ворую (щелкаетъ на счетахъ). Иначе не имѣли-бы вы такихъ цыфръ. Бросьте, Катя, берите меня такимъ, каковъ я есть: безъ коньяку намъ никакъ не возможно, жизни конецъ. Да, конецъ, и вы не имѣли-бы у себя такого, какъ вы любите выражаться, „замѣчательнаго друга". Посмотрите, чего мы съ вами натворили, полюбуйтесь, цыфры-то, цыфры красоты и крас-

норѣчія поразительнаго! Вы сверхъестественное существо, я а, служа вамъ безконечно, помогая вамъ въ этомъ, такомъ страшномъ, поступаю, какъ самый послѣдній, жалкій негодяй — вамъ не кажется это?

Катя. Бросьте, смотрите только въ корень: вы помогаете превращать зло въ добро.

Новиковъ. Пусть будетъ такъ. А потому — не говорите мнѣ больше о коньякѣ.

Катя. А когда меня не будетъ, бросите?

Новиковъ (молчитъ).

Катя. Скажите, обѣщайте мнѣ.

Новиковъ. Не знаю, можетъ быть.

Катя. Вы должны это сдѣлать. Вы должны еще и это сдѣлать, ради меня. Простите, что я васъ мучаю. Только вы должны, дожны это сдѣлать.

Новиковъ. Не надо, Катя, перестаньте. Вы знаете хорошо,—если смогу, сдѣлаю.

Катя. Сдѣлаете,—ради меня и моей школы (смотритъ на часы). Странно, какъ сегодня опоздали мои дѣти. Вы были у нихъ?

Новиковъ. Былъ. Тамъ все хорошо.

Большіе собирались въ паркъ, вамъ кланялись.

Катя. Семенъ Ивановичъ, милый, подумайте, у меня семьдесятъ душъ дѣтей и пятнадцать изъ нихъ уже ходятъ. Мои, мои дѣти! Больше всего на свѣтѣ я люблю дѣтей. И какъ меня огорчаютъ люди, какіе у нихъ дикія правила, законы. Они гласятъ: надо любить, жалѣть, оберегать только тѣхъ, кого родили мы сами. Это звѣрство, такъ любятъ только звѣри. Это человѣческому сердцу не идетъ—какъ они не видятъ, не понимаютъ это! И никакъ имъ этого нельзя растолковать. Смотрятъ на меня какъ на сумасшедшую. Неправда! Это они выродки, а у меня сердце человѣчье (слышны топотъ ногъ и сдержанные дѣтскіе голоса. Катя вся преображается, молодѣетъ). Пришли, пришли мои ребятки!

Петръ (отворяетъ дверь. Входятъ душъ пятнадцать дѣтей: они одѣты въ удобные, темносиніе костюмы. Идутъ гуськомъ, одинъ за другимъ, стройно, въ ногу. Впереди дѣвочка, съ перевязанной черезъ плечо красной

лентой. На лентѣ рожокъ. Она не громко трубитъ. Всѣ шутливымъ маршемъ, съ радостными лицами, точно на смотру проходятъ мимо Кати и, завернувъ, выстраиваются передъ Катей въ рядъ, беря шутливо подъ козырекъ.

Дѣвочка съ лентой (рапортуя). Мама-Катя, въ твоемъ домѣ всѣ живы, здоровы и тебѣ кланяются.

Катя (съ просвѣтленнымъ лицомъ). Дѣти, мои славныя, милыя дѣти.

Дѣвочка съ лентой (махнувъ рукой). Вольно! Въ разсыпную! (Дѣти съ радостными криками бросаются къ Катѣ и, перебивая другъ друга, говорятъ):

— Правда, мы хорошо маршировали?

— А подъ козырекъ вышло? Тебѣ понравилось, скажи?

— Мы по дорогѣ это придумали.

— Да, мама-Катя, у насъ новый мальчикъ.

— Сегодня принесли.

— Совсѣмъ маленькій.

— Тоже сирота.

— Уже улыбается, вотъ увидишь.

10*

— Ни папы, ни мамы у него нѣтъ.

— Ты будешь ему тоже мама?

— Будь и ему мама—хорошо?

— Очень тебя просимъ.

— Такой маленькій, маленькій и смѣшной.

— Очень пищитъ.

— А ты всетаки будь ему мама.

— Мы просимъ.

— Просимъ!

— Просимъ!

— Просимъ!

Катя. Да, да, дѣти, конечно. Я и ему буду мама (встаетъ и достаетъ изъ ящика погремушку). Вотъ передайте ему мой первый подарочекъ. Кто у васъ сегодня дежурный?

Нѣсколько голосовъ вмѣстѣ. Соня вторая!—Соня вторая!—Соня вторая.

Дѣвочка съ лентой. Я, мама-Катя.

Катя. Вотъ, милая, передай игрушку твоему новому брату и... (смотритъ на нихъ протягивая къ нимъ руки). Хватитъ-ли у меня сегодня рукъ?

Нѣсколько голосовъ. Хватитъ!—Хва-

титъ!—Хватитъ! (Тѣснятся, подставляя головы такъ, чтобы она смогла всѣхъ обнять.

Одна дѣвочка. Я осталась. Мама-Катя, ты меня не захватила.

Катя (смѣясь). Рукъ не хватаетъ, вотъ горе-то.

Дѣвочка. Я тебѣ помогу (вскакиваетъ на кушетку и обнимаетъ Катю за шею). Теперь и я! Всѣ вмѣстѣ.

Катя. Дѣтки, мои славные ребятишки, будемъ радоваться.

Новиковъ (подходитъ улыбаясь). А не нужны-ли вамъ для радости мои руки? (обнимаетъ ихъ съ другой стороны. Дѣти тѣснятся, смѣются, пищатъ.

Катя. Вы отчего, безсовѣстные, сегодня опоздали? Скоро и уходить придется.

Дѣвочка съ лентой. Стойте, а главное-то мы и забыли. Она навѣрно обогрѣлась.

Нѣсколько голосовъ. Да!—да! Погоди, мама-Катя!—Мы тебѣ привезли гостя.

Катя (разжимая руки). Гостя? чего-же вы молчите, давайте его сюда.

Дѣти. Сейчасъ!—Сейчасъ! (Часть убѣгаетъ и черезъ нѣкоторое время, съ криками восторга, ввозятъ на саняхъ снѣжную бабу. Петръ у дверей, улыбаясь, смотритъ).

Катя (отъ души радуясь). Вотъ такъ гость.

Мальчикъ. Правда, прелесть? Мы много надъ ней поработали.

Другой мальчикъ. Оттого и опоздали.

Дѣвочка. Ты кашляешь, вотъ мы ее и оставили въ передней, чтобы обогрѣлась. (Смѣются).

Мальчикъ. Мы также много катались на конькахъ и саняхъ.

Дѣвочка. Ахъ, мама-Катя, какъ хорошо на дворѣ, снѣгу много.

Дѣвочка съ лентой. Братцы, надо спѣшить, баба таетъ.

Всѣ кричатъ: Да!—Да!—Начнемъ!—Пора!—Стройся! (Берутся за руки въ хороводъ и поютъ, подпрыгивая въ тактъ пѣсни).

Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Въ воздухѣ кружится.
Ну-те, дѣти, ну живѣй,

Будемъ веселиться.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Бросьте плачъ и ссоры,
За работу и дружнѣй
Стройте бабы, горы.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Сани доставайте
И друзей, да быстрѣй,
Съ горы покатайте.
Снѣгъ идетъ! Снѣгъ идетъ!
Въ воздухѣ кружится
Ну-те, дѣти, ну живѣй,
Будемъ веселиться.

Катя (хлопая въ ладоши). Браво!-Браво, мои ребятки! У васъ новая пѣсня, а я не знаю.

Дѣвочка. Это тебѣ сюрпризъ. Нина Петровна сочинила, а мы потихоньку выучили.

Катя. Ахъ, вы плуты. Мнѣ пѣсенка нравится.

Мальчикъ. Намъ также.

Дѣвочка съ лентой. Мама-Катя, бабу рѣшено поставить у тебя подъ окномъ (смотритъ на часы). Ай, ай, что-же мы, къ обѣду

запоздаемъ. Скорѣй, братцы, вывозите бабу и бѣжать. Осторожнѣй (везутъ бабу). Да, тише-же, а то развалится. Мама-Катя, вечеромъ придешь?

Мальчикъ (ласкаясь къ Катѣ). Непремѣнно приходи, безъ тебя у насъ жмурки не выходятъ. Съ тобой веселѣй. Придешь?

Дѣти (увозя бабу). До свиданія, мама-Катя!—До свиданія!—Мы тебя ждемъ!—Обязательно приходи!—Не обмани, смотри!—Мы будемъ тебя ждать!

Дѣвочка (подбѣгая къ Катѣ). И сказку приготовь, новую. Послѣ жмурокъ сказку. И самую страшную.

Мальчикъ (перебивая). Нѣтъ, лучше разскажи ту, что прошлый разъ говорила, про людей-волковъ.

Нѣсколько голосовъ. Да!-Да! Лучше про волковъ!—До свиданія! Мы тебя ждемъ.

Катя (провожая ихъ). Приду, непремѣнно, приду. И жмурки и сказка, все будетъ. До-свиданія, мои ребятки. (Дѣти уходятъ. Катя съ Новиковымъ идутъ къ окну).

Катя. Ну, развѣ они не прелесть?

Новиковъ. Удивительный народъ дѣти Какъ они скоро отходятъ и осваиваются.

Катя. Мнѣ хотѣлось, чтобы имъ у насъ было тепло, тепло, да радостно. Дѣти чуткія, поняли, что нашли свой родной домъ—нашъ домъ долженъ быть для нихъ такимъ (машетъ платкомъ). Смотрите, развѣ они похожи на прежнихъ дикихъ, затравленныхъ заморышей? Погодите, ребятки, мы еще изъ васъ сдѣлаемъ не дурныхъ людей.

Слышны крики: Ура! Ура! Ура!

Новиковъ. Готово. Баба стоитъ и ухмыляется прямо въ окно (машетъ рукой). Снялись, совсѣмъ, какъ стая птицъ, смотрите сколько слѣдовъ отъ ногъ.

Катя. Они мнѣ много даютъ радости. Когда я думаю, что мы сможемъ отнять у волковъ сотню-другую дѣтей и сдѣлать ихъ болѣе похожими на людей—о, тогда я счастлива безгранично (сильно кашляетъ).

Новиковъ (подаетъ ей лекарство).

Катя (пьетъ, виновато улыбаясь). Опять

забыла. Это послѣдній разъ, вотъ увидите. Кажется, я слышу голоса Петровой и Левина.

Новиковъ. И мнѣ кажется. (Входятъ Петрова и Левинъ и спорятъ).

Петрова. Богъ знаетъ что, здоровье надо беречь!

Левинъ. Ничего ему не сдѣлается. Здравствуйте, друзья мои.

Новиковъ. Здорово, братъ (здороваются).

Катя. О чемъ вы?

Петрова. Оказывается, онъ и днюетъ и ночуетъ на постройкѣ. Посмотрите, на кого онъ сталъ похожъ.

Левинъ. Не бѣда, отдохну. Зато, какъ сказалъ, такъ и будетъ: Катя, дня черезъ три—четыре школу можно открыть. Пріюты готовы, мастерскія заканчиваются. Да, друзья мои, большущая побѣда; Гаринъ нашъ.

Новиковъ. Да, ну? Это... это знаменательно.

Левинъ. Еще-бы! Приходитъ сегодня: осмотрѣлъ пріюты, главное зданіе школы,

мастерскія. Спрашиваетъ: такъ какъ будетъ? Я говорю: будемъ собирать въ пріюты сиротъ и брошенныхъ дѣтей, будемъ ставить ихъ въ такія-то и такія условія. Потомъ будемъ...

Петрова. Да не размазывайте, къ дѣлу.

Левинъ. Потомъ будемъ выбирать изъ нихъ самыхъ здоровыхъ, способныхъ, сильныхъ и изъ нихъ-то воспитывать людей. Маэстро улыбается. А когда я ему все разсказалъ, напомнилъ, чего можно достигнуть разумной культурой кроликовъ или капусты—такъ какже, чертъ возьми, не добиться чудесъ, имѣя дѣло съ такими гибкими, податливыми на все, такими воспріимчивыми и загадочными существами, какъ люди?! Я ему, Катя, выложилъ вашу систему довоспитанія людей до *человѣка*, съ такимъ пафосомъ и энергіей, что у него разгорѣлись глаза. Дальше-больше, очень заинтересовался, поблѣднѣлъ даже отъ волненія.

Новиковъ. Художникъ въ немъ заговорилъ.

Левинъ. Именно. Вотъ подписанное усло-

віе: вся художественная часть нашей школы за нимъ.

Катя. Чудесно, лучшаго художника намъ не найти. (Къ Левину) Такъ дня черезъ четыре говорите.

Левинъ. Да, да, Катя, будетъ готово.

Катя. И все, совсѣмъ?

Левинъ. Совсѣмъ.

Катя (очень взволнованная). Казалось, не дождусь. И вотъ уже. Какъ мнѣ васъ благодарить, хорошіе вы люди, никогда бы мнѣ одной этого не сдѣлать.

Петрова. О чемъ говорить — сдѣлано и съ плечъ долой. Катя, ну что это вы право...

Катя (плачетъ) Я немного, я такъ рѣдко, совсѣмъ не плачу... Я только отъ радости... Отъ большой радости у меня всегда слезы... Я радуюсь, что осуществляется моя мечта, моя сказка,—не думала что доживу.

Петрова. Катя, милая... (Новиковъ дергаетъ Петрову, чтобы она оставила, не утѣшала Катю).

Катя. Ничего, Нина Петровна, хорошо

иногда поплакать (беретъ свою работу). Вотъ тутъ, въ этомъ проэктѣ „школы-людей“ вся моя душа. Каждое слово ночами передумано. Вы должны слова превратить въ жизнь, въ правду. Я знаю, звѣрей можно превращать въ людей, можно бороться со страшной наслѣдственностью, изъ жизни творить чудо. Для этого надо одно: любить, любить всей полнотой человѣческаго сердца. Любите такъ мою школу, моихъ дѣтей.

Новиковъ (молча цѣлуетъ у Кати руки)

Левинъ. Не безпокойтесь, Катя, все будетъ какъ надо.

Петрова. Развѣ надо объ этомъ говорить? Катя, ну что вы, право.

Катя. Простите... Когда надъ чѣмъ дрожишь, хочется постоянно говорить. Я вамъ надоѣла, но не могу не повторять одного и того же постоянно, постоянно. Вотъ и сейчасъ, опять скажу то-же, что и вчера, что навѣрно скажу завтра. Тутъ психологія уходящаго: хочу, чтобы вы хорошо запомнили, никогда не забывали. (Всѣ окружаютъ Катю, выражаютъ

ей заботу, ласку). Опять скажу: любите, жалѣйте мою мечту. Я вамъ оставляю много денегъ. Не жалѣйте ихъ, ищите смѣлыхъ талантливыхъ людей, покупайте ихъ трудъ и знанія, склоняйте ихъ развивать, дополнять нашу школу очеловѣчиванія людей. Не умирайте, не найдя себѣ замѣстителей, способныхъ отдаться нашему дѣлу такъ, какъ отдаетесь вы. Завѣщайте и имъ не умирать безъ этого. Скажите имъ, что была Катя, которая... которая хотѣла человѣчныхъ людей, вѣрила, что царство такихъ людей когда-нибудь на землѣ будетъ! (сильно кашляетъ).

Петровъ. Будетъ, Катя, будетъ!

Новиковъ (подаетъ Катѣ лекарство).

Катя (пьетъ и быстро цѣлуетъ Новикову руку). Спасибо, родной.

Новиковъ (вздрогнувъ отъ поцѣлуя). Богъ знаетъ, что вы дѣлаете.

Катя. Не буду, больше никогда не буду. Я давно подбиралась къ вашей рукѣ. Хотѣлось поцѣловать ее за все, за все.

Новиковъ (взволнованно гладитъ ей го-

лову). Большое, своевольное дитя. Когда вы угомонитесь?

Катя. Только въ могилѣ, не иначе. Ну вотъ, порадовалась, наговорила вамъ чего не надо, теперь за дѣло.

Петрова. Прежде всего покончимъ съ персоналомъ школы. Многіе къ намъ тянутся, надо выбрать.

Левинъ. Да, господа, Гаринъ рекомендуетъ очень подходящую педагогичку, она къ тому-же серьезно изучала на мѣстахъ наши кустарныя производства.—Отъ кустарей намъ кое-что взять надо.

Петрова. Непремѣнно. Трудъ во всевозможныхъ видахъ пусть будетъ у насъ, какъ можно шире.

Катя (киваетъ головой).

Новиковъ. А учителей музыки и пѣнія на выборъ,—трое. И всѣ хороши, какъ тутъ быть?

Катя. Взять всѣхъ! (Всѣ смѣются). Пусть мои дѣти играютъ, поютъ, радуются, какъ можно больше, какъ можно больше.

Петрова. Будутъ, будутъ. И все таки одного учителя вполнѣ довольно.

Новиковъ. Но какъ быть?

Левинъ. Пусть тянутъ жребій.

Петрова. Самое лучшее; никому покрайнѣй мѣрѣ не обидно.

Петръ (входя). Катерина Николаевна, что мнѣ дѣлать, одинъ господинъ не хочетъ уходить, требуетъ васъ видѣть. Говоритъ, пріѣзжій...

Нолинъ (отстранивъ Петра рѣшительно входитъ). Извините, мнѣ надо видѣть мою дочь. Отца принять можно.

Катя. Ты напрасно, отецъ, не сказалъ ему: меня сегодня нѣтъ дома только для постороннихъ... Друзья мои, подождите меня въ столовой, я сейчасъ. (Всѣ выходятъ. Новиковъ выразительно смотритъ на Катю. Она киваетъ ему головой, какъ бы успокаивая).

Нолинъ (очень постарѣвшій, пристально всматривается въ Катю). Ты извини, я не могъ не пріѣхать. Я, Катя, пришелъ...

Катя. Пришелъ тащить свою заблудшую

дочь на путь истины. Какъ это ужасно, и ни къ чему: въ моей жизни ничего измѣнить нельзя. Будемъ опять толочься: ты въ своемъ, а я въ своемъ.

Н о л и н ъ (загораясь). Нѣтъ, сегодня будетъ иначе. Я заставлю тебя прекратить твою и нашу пытку. Довольно, Катя. Ты вынудила насъ бросить родной городъ, домъ, друзей, все, все. Мы должны были бѣжать, прятаться отъ нашего несчастья. Ты причинила намъ много горя...

К а т я. Всегда, всю жизнь о себѣ, только о себѣ—какъ вамъ не надоѣло? Я счастлива, что прожила мою жизнь иначе (сильно кашляетъ).

Н о л и н ъ (вздрогнувъ). Ты нездорова, Катя...

К а т я. У меня чахотка. Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Развѣ можно меня, да еще теперь, переубѣдить? Не надо, отецъ, уйди, я конченная.

Н о л и н ъ. Никто не имѣетъ права мѣшать мнѣ спасти мое дитя. Я, можетъ быть, былъ плохимъ отцомъ, но я не звѣрь безчувственный:

11

я больше не могу. Я не могу, какъ твоя мать, взять тебя и вычеркнуть, похоронить. Ты для меня живая, и жалѣю я тебя... Ахъ, Катя, я не живу, а горю на медленномъ огнѣ. Твоя жизнь и днемъ и ночью давитъ мою голову, грызетъ сердце. Я не могу тебя забыть. Я больше не могу этого допустить, я отецъ, я имѣю право вмѣшаться. Довольно, я пріѣхалъ кончить.

Катя. Нельзя кончать съ тѣмъ, чего ты не хочешь или не можешь понять. Я тебѣ, кажется, ясно все написала.

Нолинъ. Твои письма, твои идеи — сумасшедшій бредъ. Довольно, съ этимъ пора кончить. Я пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ оторвать тебя отъ безумія, увезти. Катя, не доводи меня до крайности, перестань себя мучить.

Катя. Я не мучаюсь, пойми, я счастлива, какъ никогда...

Нолинъ. Неправда, не можетъ этого быть. Я понимаю, можетъ закипѣть сердце, но чтобы человѣкъ самъ себя терзалъ, пилъ по каплѣ

свою-же собственную кровь, радовался своей агоніи—это чудовищно. Тебѣ пора пощадить себя, ѣдемъ сейчасъ, немедленно, вонъ отсюда.

Катя. Никуда я не поѣду, не надо, перестань, отецъ. Дни мои сочтены, я еле успѣваю закончить мои дѣла. Прости меня, я не могу терять ни времени, ни силъ. Господи, когда ты поймешь и перестанешь меня мучить? Похорони меня, забудь, я плохая дочь. Прощай.

Нолинъ (кричитъ). Ты поѣдешь со мной сегодня. Я поклялся кончить эту пытку: если не ѣдешь, я убью тебя (вынимаетъ изъ кармана револьверъ). Такъ будетъ лучше. Я рѣшился. Я увезу тебя отсюда такъ или иначе. Я отецъ!

Катя (выпрямляясь, съ загорѣвшимся лицомъ). Вотъ какъ! Вотъ, куда завело право отца.

Нолинъ. И мои, не забывай, мои за тебя муки!

Катя (открываетъ ящикъ стола). Твоя родительская любовь, твои муки, твоя борьба со мною обошлись и тебѣ и мнѣ не дешево. Надо, правда, кончить. Ты, какъ отецъ и чело-

11*

вѣкъ, сказалъ свое послѣднее слово. Теперь я скажу мое: каждый имѣетъ право прожить свою жизнь, какъ считаетъ нужнымъ. Я остаюсь здѣсь, буду жить, какъ нахожу нужнымъ. А отъ насилія... (вынимаетъ изъ ящика стола револьверъ), я буду защищаться. Мнѣ жизнь нужна, никто не имѣетъ права у меня мою жизнь отнять—никто!

Нолинъ (опѣшилъ). Ты... Ты будешь стрѣлять въ меня?

Катя. Да, буду.

Нолинъ. Въ отца?

Катя. Я буду защищать мою жизнь и отъ отца!

Нолинъ (потрясенный роняетъ револьверъ). Ты... Ты чудовище (задыхаясь, рветъ на себѣ воротникъ). Подлѣ тебя нельзя дышать (ловитъ руками воздухъ. Катя бросается поддержать его. Нолинъ съ ужасомъ отшатывается). Не подходи, не прикасайся ко мнѣ, чудовище (падаетъ, потерявъ сознаніе).

Занавѣсъ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(Спальня Кати. Горитъ ночникъ. Видно, что здѣсь лежитъ тяжело больной. Сквозь спущенныя шторы пробивается утренній свѣтъ. У постели спящей Кати сидитъ Нолинъ, тяжело опустивъ голову).

Катя (въ полуснѣ). Наташу, позовите Наташу. Я обѣщала ей... пора (кашляетъ).

Нолинъ (вздрагиваетъ и прислушивается къ ея словамъ).

Катя. Да, да пора (просыпается). Отецъ, ты опять со мной, опять не спалъ. Тебѣ надо хорошенько выспаться, у тебя плохой видъ.

Нолинъ. Ничего, высплюсь, и пройдетъ (подаетъ ей лекарство).

Катя. А какъ съ Наташей?

Нолинъ. Ночью была телеграмма, пріѣзжаетъ сегодня утромъ.

Катя. Да? — Вотъ отлично. Мнѣ ее очень надо видѣть (входитъ сестра милосердія).

Сестра (поднимая шторы). Доброе утро, Екатерина Николаевна.—Вы, кажется, сегодня молодцомъ: спали прекрасно и мало кашляли.

Катя. Очень хорошо спала и чувствую себя какъ-то особенно и легко, легко...

Сестра. Вотъ и славу Богу. Сейчасъ узнаемъ, какъ ведетъ себя ваша температура (ставитъ термометръ).

Катя. Отецъ, поди сюда (Нолинъ подходитъ. Катя беретъ его руку и ласково прижимаетъ къ себѣ). Теперь иди спать, видишь, мнѣ лучше, совсѣмъ хорошо.

Нолинъ. Вижу. Теперь и я пойду — да, да, навѣрно, буду спать (цѣлуетъ ей голову). Ты не безпокойся.

Катя. Какъ хорошо, что мы съ тобой теперь друзья, настоящіе друзья. А помнишь?

Нолинъ (гладитъ ей голову). А кто обѣщалъ не вспоминать?

Катя (заглядывая ему въ лицо). А моихъ дѣтей ты будешь такъ гладить? будешь и ихъ любить? Очень прошу тебя, когда меня не будетъ, ходи къ нимъ, пожалуйста, почаще и приласкай ихъ за меня. Такъ и скажи имъ: мама-Катя ушла, но у васъ есть за то дѣдушка. Такъ и скажи имъ, прошу тебя. О, они очень будутъ тебя любить, будутъ подставлять тебѣ свои головки, а ты гладь, гладь... Помни, это мои дѣти.

Нолинъ (стараясь скрыть волненіе). Я помню, будетъ все, какъ ты просишь. А теперь я пойду (уходитъ).

Катя. Смотри, хорошо выспись... Сестра, мнѣ сегодня удивительно хорошо. Знаете какъ послѣ бури затишье... Много я бурлила, сильно бурлила, а теперь пора и отдохнуть, крѣпко, по настоящему. Я не боюсь смерти, она нужна; въ смерти есть свой тайный, великій смыслъ: въ ней отдыхъ и снова жизнь... О, о, какъ хорошо... Кто тамъ поетъ? Боже

мой, какой пріятный и знакомый, знакомый мотивъ... Гриша, спой еще (очнулась). Скажите, развѣ Наташа не пріѣхала?

Сестра (смотритъ на часы). Поѣздъ приходитъ въ восемь съ минутами. Семенъ Ивановичъ давно уѣхалъ на вокзалъ. Скоро пріѣдутъ (вынимаетъ термометръ и записываетъ). Да вы, правда, сегодня молодцомъ, температура совсѣмъ приличная.

Катя. Сестра, когда пріѣдетъ Наташа, пускай идетъ ко мнѣ.

Сестра. Хорошо, хорошо (горничная просовывается въ дверь и киваетъ сестрѣ. Сестра подходитъ, та даетъ ей букетъ подснѣжниковъ и что-то шепчетъ).

Катя. Сестра, кто тамъ?

Сестра (подавая цвѣты). Вотъ вамъ букетъ и посланіе.

Катя. Подснѣжники, мои любимые! Прочтите, сестра.

Сестра (разворачиваетъ записку и читаетъ). „Шлемъ тебѣ, мама-Катя, первые цвѣты—ты только посмотри, сколько ихъ въ паркѣ! — И

первую зелененькую травку. Скорѣй поправляйся и приходи. Скучаемъ по тебѣ очень. Скажи, чтобы насъ опять къ тебѣ пустили. Мы будемъ совсѣмъ тихо, тихо сидѣть. Мы связали тебѣ коврикъ голубой, съ бѣлыми кисточками. А мальчики сдѣлали скамеечку тебѣ подъ ноги и выжгли на ней твои буквы. Мы всѣ умные. Маруся больше не дерется, а Вася не говоритъ неправду... Это вѣрно".

Катя (беретъ отъ сестры письмо и тихо, радостно смѣется). А подписей сколько, Господи! Гляньте, вмѣсто имени какія-то смѣшныя закарючки... Это подписи моихъ дѣтей (нюхаетъ цвѣты). Первые весеніе цвѣты, они особенно пахнутъ.

Сестра (приводитъ въ порядокъ комнату). А на дворѣ сегодня просто чудо, тепло, солнечно. За ночь стаялъ послѣдній снѣгъ, пробивается зелень. Очень ранняя въ этомъ году весна.

Катя. Мнѣ кажется, Натаща уже здѣсь. Пожалуйста, пойдите посмотрите.

Сестра. Только-бы не волновались, не хорошо вамъ.

Катя. Наташа здѣсь, я чувствую.

Новиковъ (входя). Ну, какъ мы поживаемъ (здроваясь, задерживаетъ Катину руку и считаетъ пульсъ).

Катя. Здравствуйте, мой другъ, (радостно кричитъ). Наташа, входи!

Новиковъ. Те, те, какъ мы себя ведемъ.

Катя. Довольно, довольно, грозный дядя докторъ (протягиваетъ руки къ входящей Наташѣ. Она опять въ гримѣ пожилой дамы). А я-то тебя жду, жду, моя старушка.

Наташа. Вотъ и я. Здравствуй, Катя.

Катя. Вотъ и ты, во время поспѣла. Смотри (кашляетъ и смѣется), ты думала увидѣть несчастную умирающую—анъ, нѣтъ! Я, правда, догораю, пѣсня моя вся спѣта, но я не несчастна (радостно смѣется). Совсѣмъ напротивъ, я хорошо, хорошо догораю.

Новиковъ. Что моя буйная паціентка пила, ѣла?

Сестра. Сейчасъ несутъ.

Катя. И для Наташи дайте сюда. Я тебя не отпущу, будемъ пить и разговаривать.

Наташа. Успѣемъ... Я думаю у тебя погостить.

Катя. Почемъ знать... Семенъ Ивановичъ, мнѣ сегодня удивительно хорошо, легко, замѣчаете?

Новиковъ. Какже, какже.

Катя. Мнѣ кажется, я вся сіяю. Мнѣ кажется, что моя грудь полна какого-то яркаго, яркаго свѣта, и онъ просвѣчивается...

Сестра (улыбается). Это въ родѣ кузнечика...

Катя (машетъ на сестру). Молчите, не говорите имъ про кузнечика—засмѣютъ.

Сестра. Не буду, не буду.

Наташа. Ты сама намъ разскажешь. (Сестра отворачивается, чтобы скрыть улыбку).

Катя. Сестра, вы чего отвернулись? Опять смѣетесь.

Сестра (сдерживая смѣхъ). Что подѣлаешь, какъ вспомню вашего кузнечика .. нѣтъ, лучше уйду.

Катя (тихо во слѣдъ ей смѣется). А! Божья коровка разсердилась, ножкою топнула...

Сестра (смѣется въ передникъ). Ну васъ совсѣмъ... (уходитъ).

Катя. Славная дѣвушка наша сестра... Знаете, друзья мои, а вѣдь я скоро, скоро уйду отъ васъ туда, домой. Погостила у васъ, побурлила, пора и честь знать. Не огорчайтесь, не горюйте,—мнѣ кажется, вѣчной смерти нѣтъ (тихо смѣется). Погодите, мы еще съ вами встрѣтимся... Ахъ, какъ хорошо, пріятно уснуть крѣпко, крѣпко... И проснуться, напримѣръ, кукушкой. Люблю кукушку... Какъ хорошо, когда лѣтомъ въ рощѣ раздается звонкое: ку-ку! ку-ку! ку-ку! Скажите, что и за лѣто безъ кукушки, правда?

Наташа. Катя, все такая-же (гладитъ ей руку). Послѣдніе годы, въ постоянной работѣ, волненіяхъ, я не замѣчала природы. А сегодня, подъѣзжая сюда, увидѣла поле, небо, солнце, и дрогнуло все во мнѣ, точно родного, близкаго увидала (горничная вноситъ подносъ.

Катя. Это всегда такъ. Тебѣ чего, Наташа?

Наташа. Лежи, не безпокойся, сама возьму.

Катя (беря отъ горничной свою чашку). Семенъ Ивановичъ, мнѣ надо съ Наташей поговорить, разрѣшите? (Горничная уходитъ).

Новиковъ. А развѣ вы меня, мой другъ, когда слушались?

Катя (улыбаясь). Никогда!

Новиковъ. Ну вотъ, выходитъ, я тутъ и не причемъ. Говорите, только не бурлите очень

Катя. Для меня не бурлить — значитъ, не жить. Наташа, я все такая-же неразумная, сумасбродная голова. Господинъ докторъ, я постараюсь вести себя прилично.

Новиковъ. Я вамъ тогда поставлю хорошую отмѣтку (уходитъ).

Катя. Наташа, Наташа, со мною что-то необычайное сегодня, меня точно качаетъ на волнахъ. Сердце ждетъ чего-то, трепещетъ радуется. Точно въ большой, великій праздникъ. Въ груди легко, хочется говорить, пѣть, кричать.

Наташа. Я рада, что тебѣ лучше.

Катя. Ты видѣла отца? Какая-это была для меня радость... Подумай, Наташа: самъ пришелъ, все простилъ, все.

Наташа. Твой отецъ поразилъ меня,—этого я отъ него не ожидала. Онъ сталъ совсѣмъ другой. Сейчасъ онъ меня очень растрогалъ...

Катя. Правда, узнать нельзя? Люди загадочны, не знаешь, что изъ каждаго въ слѣдующій моментъ выскочитъ: звѣрь или Богъ. Мы помирились, многое онъ теперь иначе понимаетъ, видитъ, чего не замѣчалъ. А мать не пришла. Онъ умолялъ ее простить, придти, а она не пришла. Я вижу, отецъ не вернется къ своей женѣ, пересталъ уважать ее за черствое сердце.

Наташа. У твоей матери много всякой всячины сидитъ въ крови. Она изъ тѣхъ, кто своимъ не поступается никогда.

Катя. Такъ, такъ. По моему убѣжденію женщины много виноваты въ нашей гадкой, волчьей жизни.

Наташа (улыбаясь). Слава Богу, виноватый

найденъ—ты начинаешь, конечно, съ прародительницы Евы?

Катя. Ахъ, эти женщины: такія тупыя, трусливыя, жадныя. Ничего я съ ними не могла подѣлать, ничего. Какъ онѣ живутъ, какъ на мужчинъ вліяютъ? Ради глупой, прихотливой, гадкой жизни скорѣй развиваютъ у мужчинъ волчьи инстинкты. У женщины есть сила, она ею можетъ укрощать, облагораживать, вести за собой любимаго человѣка. Куда, куда ведутъ наши женщины своихъ мужчинъ?—Въ спальни, только спальни! Гадкія, ничтожныя наши женщины — таковы у нихъ и дѣти. Не удивительно, что они родятъ, воспитываютъ изъ своихъ сыновей своихъ притѣснителей, враговъ и насильниковъ. Нѣтъ у насъ настоящихъ матерей человѣчества, больше пятой заповѣдью пробавляемся.

Наташа. Да, вѣками изъ женщинъ культивировали рабынь для теремовъ, глупыхъ, невѣжественныхъ самокъ, вколачивали въ нихъ тряпичные идеалы.—Это не скоро вытравишь изъ крови. Что получили—тѣмъ и живы.

12

Катя. Доколѣ-же, доколѣ?

Наташа. Ты очень нетерпѣливая и скорая. Постой, распутаются, поучатся уму-разуму, завоюютъ „права человѣка“.

Катя. Наташа, отчего у меня такъ болитъ душа за людей—не могу я ихъ такими принять, не могу. Хочу, чтобъ были настоящими (тихо смѣется). Тебѣ Семенъ Ивановичъ говорилъ, какой кутерьмы я здѣсь натворила?

Наташа (торопливо). Да, да, говорилъ.

Катя. Ты не смѣялась? (Наташа молчитъ).

Катя. А я вотъ безъ смѣха не могу вспомнить. И „мои подвиги“ больше всего убѣждаютъ меня въ силѣ женщинъ и ихъ преступномъ бездѣйствіи. При всей ихъ опутанности, только захоти, и, мнѣ кажется, женщины могли-бы перевернуть все вверхъ тормашками. Надо только перестать быть рабынями своей шкуры, паспорта и пола. Женщина должна этого добиться, это ея святой долгъ. Тогда мужья и дѣти у нея будутъ другіе. Ахъ, Наташа, я столько насмотрѣлась всего, столько хотѣлось тебѣ разсказать, и, ви-

жу — говорю не то, краски исчезли... Вотъ, вотъ, опять качаетъ... Что-то у меня сегодня странное съ головой, мысли путаются. Что я хотѣла сказать еще?

Наташа. Ты отдохни, тебѣ такъ много говорить не слѣдуетъ.

Катя. Постой, вспомнила: какъ меня огорчилъ Гриша. Я хотѣла его видѣть, умоляла простить, придти. Онъ не пришелъ, презираетъ меня (сильно кашляетъ). Какъ это жалко, какъ грустно. Опять качаетъ...

Наташа. Катя, дорогая моя, не знаю, какъ мнѣ съ тобой быть: и слушать тебя хочу и боюсь, не будетъ-ли тебѣ вредно. Отдохни, потомъ еще поговоримъ.

Катя. Я не устала. Напротивъ, у меня большой приливъ энергіи. Сегодня у меня особенный день, совсѣмъ не страдаю и тебя вижу. Я много мучила тебя, Наташа. Ты добрая, а Гриша не можетъ простить.

Наташа. Кто старое помнитъ, тому что? Будемъ говорить лучше о настоящемъ. Очень мнѣ нравится твоя идея „школы людей".

Много въ ней вѣрнаго, нужнаго и рядомъ... Ты неисправимая утопистка, Катя.

Катя. О да, все также вѣрю въ то, что вамъ, разумнымъ, кажется безумнымъ или смѣшнымъ. Вѣрю, что каждая человѣческая душа можетъ творить чудеса... не только гадости и звѣрства. Надо только силу и охоту. Наша школа будетъ помогать эту силу, эту охоту найти. Чудесное теперь чуть теплится въ человѣческихъ душахъ, надо его освободить, раздуть; чудесное разгорится, перебросится отъ души въ душу, своей красотой, правдой, величіемъ покоритъ, очаруетъ всѣхъ, всѣхъ... И жизнь людей на землѣ станетъ чудесной сказкой.

Наташа. А ужасамъ, нелѣпости, звѣрству придетъ конецъ. Милая Катя, а я все больше и больше убѣждаюсь, что этому никогда конца не будетъ, никогда.

Катя. А твой единственный, вѣрный путь— политика, развѣ не спасетъ уже людей?

Наташа. Этотъ путь портятъ, искажаютъ, проституируютъ сами-же люди. Катя, что у насъ дѣлается?

Катя. Знаю. Только, Наташа, надо въ себя, въ свое вѣрить до конца, до самой смерти.

Наташа. Мнѣ не надо объ этомъ говорить: я вѣрю и не измѣню своему никогда. А въ людяхъ начинаю сомнѣваться. Я, Катя, многое пережила...

Катя. Ты мнѣ все разскажешь. Да, вотъ еще что, выдвинь ящикъ стола правый, сбоку пакетъ съ твоими именемъ. Возьми, это на твоихъ несчастныхъ. Не хорошо добыты эти деньги, правда, но они очистились моими муками. Я, Наташа, не всегда могла быть сильной, не всегда твердо выносила требованія моей души: если-бы я не старалась заглушить мой крикъ, если-бы я дала ему волю, мнѣ кажется, отъ него содрогнулся бы весь міръ.

Наташа (опускается на колѣни и молча обнимаетъ Катю).

Катя. И все таки я не жалѣю о томъ, что сдѣлала, какъ свою жизнь прожила. Я, правда, сознательно пошла на пытку, сама себя дѣйствительно распяла — о, съ какимъ

усердіемъ мнѣ люди подавали гвозди, и я сама въ себя ихъ вколачивала. Не могла иначе, въ этомъ я вылила все негодованіе, всю муку, весь протестъ моей возмущенной души.

Наташа. Катя, Катя, безумная, святая...

Катя. Наташа, я только человѣкъ. Да, да, среди волковъ должны появиться люди и силой, которой нѣтъ предѣла, назвать которую теперь нѣтъ настоящихъ словъ, этой силой они избавятъ человѣчество отъ звѣрства и дадутъ людямъ дѣйствительныхъ людей. Возможно, я изъ ихъ породы. Вотъ почему я вамъ кажусь такой необычайной, странной...

Сестра (просовывается въ дверь и киваетъ Наташѣ на лекарство).

Наташа (подаетъ Катѣ лекарство). Теперь я тебѣ разскажу кое-что о себѣ. Ты отдохни и меня послушай. Ты помнишь Сомова...

Катя. Погоди, я тебѣ еще о главномъ не говорила, о моихъ дѣтяхъ. Боже мой, у меня все дрожитъ отъ радости при одномъ словѣ дѣти... Имъ будетъ хорошо. Дома ихъ среди зелени: деревья, кусты заглядываютъ прямо

въ окна... Небо открыто со всѣхъ сторонъ... у нихъ имѣется и поле, кусокъ лѣса, рѣчка... Я имъ нашла нужныхъ людей, они помогутъ имъ выйти въ люди, они сберегутъ и дѣтей моихъ научатъ беречь мою каплю. Нѣтъ, Наташа, люди на землѣ еще есть... Опять качаетъ... Мысли путаются. Я устала, отдохнуть пора.

Наташа. Отдохни, Катя, засни. Тебѣ не слѣдовало много говорить.

Катя. Я тебѣ ничего не сказала. Погоди, я разскажу тебѣ подробно о моей „школѣ людей", покажу тебѣ моихъ дѣтокъ. Хотѣла показать Гришѣ, а онъ ненавидитъ...

Наташа (украдкой вытираетъ слезы). Да да, ты мнѣ твоихъ дѣтей покажешь.

Катя. Ты ихъ полюбишь, они славныя (ослабѣвшимъ голосомъ). Дѣти, дѣти мои, я все сдѣлала, чтобы вамъ было у меня хорошо, по человѣчески... Погодите, и жмурки... и сказка... все будетъ. Вотъ только отдохну немного... отдохну немного. (Катя засыпаетъ. Наташа сидитъ грустно опустивъ голову).

(На сценѣ становится темно, потомъ постепенно вверху свѣтлѣетъ. Слышны приближающіеся веселые дѣтскіе голоса. Открывается лужайка, вся въ зелени и цвѣтахъ. На лужайкѣ дѣти играютъ въ жмурки. Среди нихъ Катя веселая, здоровая, жизнерадостная. Мальчикъ съ завязанными глазами ловитъ. Его поддразниваютъ. Онъ поймалъ Катю. Бурная радость, ликованіе дѣтей).

Мальчикъ. Мама-Катя, наконецъ-то ты попалась.

Катя. Попалась-такъ и попалась, ничего не подѣлаешь, надо жмуриться (Завязываютъ ей глаза). Ну, мои ребятки, берегитесь: словлю, какъ прошлый разъ, трехъ сразу (Дѣти визжатъ, хлопаютъ въ ладоши. Игра начинается. Катю дразнятъ вѣтками, дергаютъ за платье и ловко увиливаютъ отъ нея).

Катя (поправляя повязку). Ишь, безсовѣстные, какъ туго завязали.

Дѣвочка. Не хитри, мама Катя; смотрите, она сдвигаетъ повязку.

Мальчикъ. Эге, мама-Катя, мы начинаемъ плутовать?

Катя. Не правда, я честный человѣкъ.

Дѣвочка. Знаемъ, знаемъ, какъ тебѣ удалось прошлый разъ словить „трехъ сразу".

Катя. А вы чего уши развѣсили—на то игра; сами виноваты.

Мальчикъ. Ну-да, когда ты ихъ заговорила. они забылись, а ты цапъ-царапъ и воспользовалась.

Катя. Такъ и надо—не зѣвай. Что-то ты, братецъ, больно много разговариваешь—смотри, какъ-бы не влетѣлъ (смѣется).

Мальчикъ. Не безпокойся, мы наше дѣло знаемъ (ловко ускальзываетъ изъ подъ самыхъ ея рукъ).

Катя. Чуть не поймала...

Мальчикъ. Чуть не считается.

Катя (дѣлаетъ прыжокъ и ловитъ двухъ). Славный уловъ. (Дѣти смѣются, апплодируютъ:—браво.—браво.—браво, мама-Катя).

Катя (опускаясь на траву). Ой, вы меня сегодня замучили. Не могу больше. Дайте

передышку. (Ее окружаютъ дѣти, кто сидя, кто лежа).

Дѣвочка. И мы устали.

Мальчики. И намъ не лишнее отдохнуть.

Маленькая дѣвочка (устраиваясь на колѣняхъ у Кати). А теперь, мама-Катя, сказку. Пожалуйста, дорогая, сказку. (Дѣти кричатъ:— Сказку! — Сказку! — Мы просимъ!—Нашу любимую про волковъ. (Просятъ).

Катя. Погодите, отдохнуть надо.

Нѣсколько голосовъ: Ну, хорошо,— отдыхай.—Мы подождемъ (притихли и ждутъ).

Катя (черезъ нѣкоторое время). Давнымъ давно живутъ на свѣтѣ люди. Людей природа надѣлила: красотой, умомъ, чуткой душой и горячимъ, добрымъ сердцемъ. Люди царили на землѣ и были гордостью природы. А въ лѣсахъ, таясь въ логовищахъ, ненавидя свѣтъ, боясь другъ друга, жили жадные, злые, безобразные волки. И стали волки завидовать прекраснымъ качествамъ людей и задались цѣлью людей испортить. Какъ это имъ удалось — никто не знаетъ. Но у людей стали рости

волчьи зубы, на рукахъ волчьи когти, въ глазахъ людей загорѣлся недобрый, жадный, волчій взглядъ. Стали люди грызть, травить, съѣдать другъ друга. И полилася кровь, и раздалися стоны и скрежетъ яростный, безжалостныхъ зубовъ. Волчій вой покрылъ всю землю. И вотъ, съ тѣхъ поръ, люди тѣснятъ, грызутъ, душатъ другъ друга. Но такъ нельзя, нельзя. Люди должны вернуть себѣ свой обликъ, душу человѣка, должны прогнать волковъ. Дѣти мои, если кто изъ васъ станетъ обижать другого—знайте, сидитъ въ недобромъ волкъ. Кто вынудитъ другого плакать — тотъ гадкій волкъ. Кто станетъ злиться, лгать, завидовать другому—тотъ настоящій волкъ. Теперь сознайтесь смѣло, прямо—въ комъ изъ васъ сидитъ противный волкъ? Намъ надо его выгнать: не долженъ волкъ портить моихъ ребятъ. Пожалуйте, сейчасъ провѣримъ. (Дѣти шумно вскакиваютъ и кричатъ:—Нѣтъ, не во мнѣ.—Не я волкъ—нѣтъ!.. Не я... Не я... Мы не хотимъ... Прогонимъ волка!.. Волка у насъ нѣтъ.

Катя. Погодите, погодите; сейчасъ узнаемъ. Пожалуйте-ка по порядку... Иди, Маруся, покажи мнѣ твои зубки.

Маруся (подходя). Нѣтъ, мама-Катя, я уже не волкъ. Больше ни съ кѣмъ не ссорюсь и Павлика не обижаю... я человѣкъ.

Катя (обращаясь къ остальнымъ). Правду она говоритъ?

Дѣти (въ одинъ голосъ). Да... да. Она больше не волкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сказала шутя, что у Маруси ростетъ волчій хвостикъ—она стала добрѣй... Ни съ кѣмъ больше не ссорится.

Маруся. Не правда, я не изъ-за хвостика стала лучше, не правда.

Катя. А почему, Маруся?

Маруся. Не хочу тебя огорчать, хочу быть человѣкомъ (чуть не плача). Да, вотъ почему.

Катя. Ну, иди ко мнѣ, иди мой маленькій человѣкъ. (Дѣвочка бросается Катѣ на шею. Она ее ласкаетъ.) Такъ у насъ правда, нѣтъ ни зубовъ, ни хвостика волчьяго. (Всѣ смѣются).

Это хорошо. Теперь дальше... (На поляну выходитъ Гриша).

Катя (вскакиваетъ и бросается къ нему). Гриша, и ты пришелъ.—Значитъ простилъ?

Гриша. Да, Катя, все простилъ.

Катя. Какъ я рада. Идемъ, смотри, сколько у меня дѣтей. Это еще не всѣ. (Дѣти ее окружаютъ, она ихъ ласкаетъ). Они мои, всѣ мои, Гриша. Знаешь, я собираю сиротъ и даю имъ мать: изъ меня вышла не дурная мать—вотъ увидишь. Гриша, я сдѣлаю изъ нихъ людей, да, да, я знаю какъ. Понимаешь, Гриша, людей.

Гриша. Я пришелъ тебѣ въ этомъ помочь.

Катя. Наконецъ-то! Я такъ ждала тебя. Вотъ хорошо. Ты имъ тоже будешь говорить о небѣ, о звѣздахъ, — хорошо, хорошо, какъ, помнишь, говорилъ мнѣ.

Гриша. Такъ точно, Катя. Я буду ихъ любить какъ ты.

Катя. Гриша, ты со мной—въ моей семьѣ. Въ моей школѣ людей?—Какое счастье! Боже, какое счастье... (Сонъ исчезаетъ. Сцена темна. Потомъ постепенно внизу свѣтлѣетъ. Опять

комната Кати. Подлѣ постели больной, положивъ голову на кровать, съ убитымъ видомъ стоитъ на колѣняхъ Нолинъ. Наташа, Новиковъ, сестра милосердія стоятъ опустивъ головы предъ умершей Катей).

Занавѣсъ.

НЕЛѢПОСТЬ

ПЬЕСА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Драмат. цензурой къ представленію дозволено безусловно. Спб. 2 ноября 1910 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь.
Вѣра.
Лакей.

(Дѣйствіе въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. На сценѣ темно. Вбѣгаетъ лакей, освѣщаетъ кабинетъ и отворяетъ дверь).

Лакей. Пожалуйте, ваше сіятельство. (Входятъ князь и Вѣра. Оба въ шубахъ. Вѣра въ маскѣ).

Вѣра (лакею). Идите. Мы позовемъ.

Лакей. Слушаю (уходитъ).

Вѣра (быстро снимаетъ шубку. Она въ костюмѣ клоуна; бѣжитъ къ князю). Позвольте, ваше сіятельство, вамъ помочь. Раздѣвайтесь и будьте какъ дома. Мнѣ кажется, мы здѣсь отлично проведемъ время. Ваше мнѣніе?

Князь. Я сгораю отъ нетерпѣнія видѣть твое лицо... Сними маску.

Вѣра. Съ удовольствіемъ. Она мнѣ, признаться, надоѣла (идетъ къ зеркалу).

Князь. Ты меня знаешь, странно... Я навѣрно никогда и нигдѣ съ тобою не встрѣчался.

Вѣра. Правильно. Въ то общество, гдѣ вращаетесь вы, мнѣ входъ строго-на строго запрещенъ, ха, ха, ха... по чину и состоянію не вышла. Но о васъ и вашихъ похожденіяхъ слыхала. Еще-бы, вы у насъ крупная фигура— васъ знаютъ всѣ... Ну-съ, мое лицо готово предстать на судъ вашего сіятельства.

Князь (быстро подходитъ), О, ты прелестна. Именно такое умное, плутовское личико я себѣ представлялъ. Ты мнѣ нравишься, очень нравишься.

Вѣра (раскланиваясь). Тѣмъ лучше. Судя по вашей славѣ покорителя сердецъ, въ женскихъ лицахъ вы, навѣрно, должны кое-что понимать. Весьма, весьма польщена... Ахъ, князь, жизнь, что ни говорите, все-таки прекрасна. Я люблю чувствовать, видѣть, какъ она кругомъ кипитъ, шумитъ, бурлитъ и пѣнится, какъ тянетъ къ себѣ, и какъ хочется

13*

броситься въ ея потокъ, нырнуть съ головою. Да, князь, надо жить, жить, а не дремать. Согласны?

Князь (восхищенный). Вполнѣ, вполнѣ, очаровательный клоунъ.

Вѣра. Такъ будемъ жить. Кстати, я чувствую, мнѣ грозитъ смерть отъ голода. Итакъ, мы начинаемъ (звонитъ лакею).

Князь. Я весь къ твоимъ услугамъ.

Вѣра. Неужели?

Князь. О. да... Сознаюсь, ты меня плѣнила. Давно я не былъ такъ безумно увлеченъ. Я твой, твой.

Вѣра. Правда?

Князь. Ты спрашиваешь? О, лукавое созданье.

Лакей (входя). Что прикажете?

Князь (направляясь къ нему). Послушай...

Вѣра (подхватывая князя подъ руку, отводитъ въ сторону и сажаетъ). Программа вечера принадлежитъ мнѣ... Вы, кажется, забыли нашъ уговоръ? Пожалуйста сидите и главное (грозитъ пальцемъ), слушать стар-

шихъ (къ лакею). Ну-съ, мой любезный другъ, вы должны насъ угостить на славу. Во первыхъ, свѣжая икра. Затѣмъ омары. Изъ мяса лучше филе... Да, а рыбу... Князь, что вы скажете, напримѣръ, объ осетринѣ? А?

Князь. Ну чтожъ...

Вѣра. И только?

Князь. А что еще?

Вѣра. Эхъ, вы! Объ осетринѣ сказать „ну чтожъ". Не „ну чтожъ", а прелесть, чудо. Вы должны были подпрыгнуть отъ восторга. Для этого... для этого надо ѣсть осетрину одинъ разъ въ годъ, а то и года черезъ два, три. Очень вкусно!

Князь (улыбаясь). Вотъ это и краснорѣчиво и убѣдительно.

Вѣра. То-то! (Къ лакею). Итакъ, дадите намъ еще и рыбу, осетрину. Бутылки двѣ вина, получше. И обязательно шампанскаго— кутить, такъ кутить. Да не забудьте фрукты. Покамѣстъ все. Идите, и чтобы было въ одинъ моментъ.

Лакей (улыбаясь). Въ одну минуту-съ.

Князь (качаетъ головой). Ахъ, разбойница, теперь мнѣ сюда хоть не показывайся...

Вѣра. Я васъ предупреждала, что буду всѣмъ распоряжаться.

Князь. Осрамила! Что теперь подумаетъ лакей.

Вѣра. Вотъ забота. Пусть себѣ думаетъ, что хочетъ. Пожалуй, я могу угадать. Онъ думаетъ, что я очень энергичная женщина.

Князь. А я?

Вѣра. Влюбленный, превлюбленный... сразу видно.

Князь (расцвѣтая). Ты прелесть. Какой счастливый случай свелъ насъ сегодня.

Вѣра. Не трудно догадаться: голенькій мальчишка и прешаловливый, за плечами у него крылышки бѣдовыя трепещутъ; имѣется большая связка стрѣлъ, въ рукахъ огромный лукъ...

Князь (въ тонъ ей). И одна стрѣла мнѣ угодила въ сердце.

Вѣра. Ха, ха, ха, у васъ не сердце, а рѣшето... дырочки на вылетъ... ха, ха, ха.

Князь (смѣясь). Въ твоихъ словахъ есть доля правды: женщинъ я видалъ не мало. Но сегодня, сознаюсь, раненъ серьезно.

Вѣра. Видно.

Князь. Ты очень интересна. Полна какихъ-то новыхъ, для меня пріятныхъ, но опасныхъ чаръ. Ты манишь, дразнишь и влечешь—куда?—Одинъ Богъ знаетъ.

Вѣра (весело смѣется. Входитъ лакей. Накрываетъ столъ. Суетится, вноситъ блюдо. Вѣра ему помогаетъ).

Вѣра. Скорѣй. Скорѣй. Я умираю отъ голода.

Лакей. Въ одинъ моментъ-съ.

Вѣра (разсматривая столъ). Кажется, шикарно. Ну-съ, закуски на столѣ. Ваше сіятельство, пожалуйте (подбѣгаетъ къ князю и почтительно подводитъ его къ столу). Сюда, сюда. Вамъ здѣсь удобнѣй. Вы, конечно, позволите мнѣ за вами поухаживать?

Князь (косясь на лакея). Можешь идти... я позову.

Лакей. Слушаю (хочетъ идти).

Вѣра. Стойте. Если готово, давайте намъ сейчасъ рыбу и мясо, все вмѣстѣ—безъ длинной процедуры.

Лакей. Слушаю (уходитъ).

Вѣра. Что за манера, князь. Вы опять не за свое беретесь. Я васъ сюда привезла, я всѣмъ распоряжаюсь, таковъ былъ уговоръ. Чего-же вы?

Князь (тономъ школьника). Виноватъ. Больше не буду.

Вѣра. То-то, смотрите. Я женщина серьезная и нарушеній моихъ правъ не потерплю.

Князь (усмѣхаясь). Ого, какъ, дѣйствительно, серьезно.

Вѣра. А вы какъ думали? Ну не будемъ ссориться. Приступимъ. Сначала за икру (предлагаетъ князю). Ну и икра, вотъ икра!

Князь. Благодарю. Я не могу, нѣтъ аппетита. Я очарованъ, я, мой дружокъ, погибъ.

Вѣра (ѣстъ). Какъ вамъ мало надо. Пикантный костюмъ, атмосфера маскарада, и вы погибли... Князь, не дѣлайте глупости—икра одинъ восторгъ и два упоенья. Попробуйте.

Князь (съ гримасой отстраняетъ икру). Ты ошибаешься: одного костюма мнѣ мало. Ты оригинальна, умна...

Вѣра (перебиваетъ). И очень люблю вкусныя закуски. Знаете, (считаетъ по пальцамъ), разъ, два, три, четыре. Да, четыре года мнѣ не приходилось быть въ такой аппетитной близости съ омаромъ... Пожалуйте-ка сюда, гость заморскій. О, какъ онъ вкусно пахнетъ.

Князь. Долженъ сознаться, впервые встрѣчаю такую женщину, какъ ты. У тебя все какъ-то особенно. Съ тобой не хочется говорить, а только смотрѣть на тебя, смотрѣть и слушать.

Вѣра. Я всегда и всѣхъ заставляю таращить на себя глаза—это правда.

Князь. Потомъ, ты такъ остра, рѣшительна, смѣла. Ты сильно дѣйствуешь на меня: я повинуюсь—этого со мною еще никогда не было. Ты точно гипнотизируешь меня.

Вѣра. Это интересно.

Князь. Да, да, да, въ твоемъ присутствіи

я становлюсь глупымъ, послушнымъ, робкимъ.

Вѣра. Ни дать, ни взять Іосифомъ прекраснымъ (весело смѣется. Лакей вноситъ рыбу). Вотъ и осетрина. Живо несите остальное.

Лакей (мѣняя тарелки). Сію минуту (убѣгаетъ).

Вѣра. Извольте, прекрасный мой Іосифъ, кушать (кладетъ ему на тарелку и ѣстъ сама). Осетрина не дурна. Знаете, я сегодня здорово раскутилась.. Ха, ха, ха, какое у васъ сердитое лицо.

Князь. Не смѣйся. О, какъ безумно я хотѣлъ-бы цѣловать твои губки, глазки, ножки... Здѣсь никогда никто мнѣ этого не запрещалъ. Мнѣ право, странно, дико... Скажи, вѣдь ты не поѣхала-бы со мной, если-бы я былъ противенъ тебѣ?

Вѣра. Конечно, нѣтъ. Вы мнѣ нравитесь и даже очень.

Князь (тянется къ ней). Ну, такъ позволь мнѣ быть, какъ я привыкъ.

Вѣра. Ни, ни, ни, спрячьте ваши при-

вычки подальше. Сегодня здѣсь все будетъ по моему, у меня тоже есть свои привычки.

Князь (кусая губы). Я не могу...

Вѣра. Да что это такое? Вы, кажется, бунтуете? Фу, какъ не стыдно, а еще князь. Кто мнѣ обѣщалъ во всемъ повиноваться — скажите, кто?

Князь. Это нелѣпость. Ты, конечно, шутишь?

Вѣра. И не думаю.

Князь. Милый другъ, все хорошо въ мѣру. Ты, вѣдь, прекрасно знала, что дѣлала, отправляясь сюда со мной.

Вѣра (наливая вино князю и себѣ). Конечно, знала.

Князь. Не забывай, тутъ, иногда, всякія обѣщанія могутъ улетѣть за тридевять земель...

Вѣра. Успокойтесь, тутъ будетъ такъ, какъ я хочу.

Князь. Ты увѣрена?

Вѣра. Вполнѣ. Ваше здоровье (чокается съ его рюмкой и пьетъ вино).

Князь. А если я... послушай, ты еще не знаешь, какой — звѣрь сидитъ во мнѣ.

Вѣра. Какъ не знать—прекрасно знаю.

Князь (сжимая ей руку). Будь осторожна... иногда дразнить звѣря... опасно.

Вѣра. Ай, ай, какъ страшно! И даже опасно? Запомните, князь, гдѣ страшно, гдѣ опасно— тамъ и я.

Князь (бѣшенно вскакиваетъ). А, ты такъ!

Вѣра (подходитъ къ нему въ плотную, выдерживаетъ его взглядъ и спокойно цѣдитъ слова). Не говорите банальныхъ словъ, не дѣлайте не соотвѣтствующихъ жестовъ. Помните, князь, ваше мѣсто. (Входитъ лакей съ блюдомъ).

Князь (задыхаясь) Шампанскаго, скорѣй.

Лакей. Сію минугу.

Вѣра. И фрукты.

Лакей. Слушаю. (Мѣняетъ тарелки и уходитъ. Князь молча шагаетъ).

Вѣра. Ну, и товарищъ у меня,—ужинаю одна. (Съ аппетитомъ ѣстъ). Князь, помѣримся. Сядьте и не сердитесь.

Князь (недовольно). Я, право, не могу.

Вѣра. Ну и не надо—больше просить не буду (ѣстъ). Вы что-же это, намѣрены топить горе въ винѣ или набираться силъ для дальнѣйшихъ подвиговъ? Да, сядьте.

Князь (задумчиво ходитъ). И то, и другое. Да, странный у меня сегодня вечеръ. На маскарадѣ ты налетѣла на меня, какъ буря, оглушила, завертѣла и крутишь, крутишь... Я ничего не понимаю.

Вѣра (смѣется).

Князь. Ты интересна, обаятельна... но все-же странная, очень странная.

Вѣра (вскакиваетъ и ходитъ, копируя князя). Это вамъ кажется, ваше сіятельство, съ непривычки-съ. О, привычка великое дѣло.— Ну-съ, я поужинала превосходно, мнѣ давно хотѣлось такъ покутить. Очень хорошо. А вы страдайте на здоровье... Интересно, который теперь можетъ быть часъ? Князь, голубчикъ, перестаньте такъ глубокомысленно шагать, опустите-ка лучше ваши благородныя руки, вотъ такъ, по швамъ, и постойте одну ми-

нутку смирно, одну минутку. (Князь, опустивъ покорно руки, стоитъ не шевелясь. Вѣра, достаетъ у него изъ кармана часы и смотритъ), Ого-го, скоро и по домамъ пора. Славные часы. Въ трудную минуту хорошо имѣть такіе часы. Сейчасъ въ ломбардъ и пожалуйте — рублей сто, пожалуй, дадутъ. (Князь улыбается). Чего улыбаетесь? Ломбарды великолѣпная вещь. (Кладетъ часы обратно). Знаете, вы очень не дурно стоите. Мнѣ нравится ваша покорность — этого-то я отъ васъ и хочу. Пожалуйста, стойте такъ еще немного. (Отходитъ въ сторону и смотритъ). Поразительно. Еще немного—(заложивъ руки въ карманы, обходитъ вокругъ князя). Чудесно, (хлопаетъ слегка по плечу), прекрасно, молодой человѣкъ, старайтесь, вы далеко пойдете.

Князь. Ты дѣлаешь изъ меня идіота.

Вѣра (махнувъ рукой). Какой-тамъ, васъ славно обработали и безъ меня.

Князь (смѣясь). Сколько въ ней яду... сколько яду. Знаешь, мнѣ особенно это въ тебѣ нравится.

Вѣра (раскланиваясь). Чѣмъ богата — тѣмъ и рада.

Князь. Ты очаровательна. Съ каждой минутой я увлекаюсь тобой сильнѣй и сильнѣй, милая, но жестокая женщина. Скажи какъ зовутъ тебя? Я еще не знаю твоего имени. Но, чувствую, долго его буду помнить.

Вѣра. Возможно. Имя мое Вѣра.

Князь. Нѣтъ, тебѣ больше идетъ Любовь.

Вѣра. Фу, у васъ нѣтъ чувства мѣры. Назвать меня любовью значитъ, что называется, пересолить.

Князь (хохочетъ. Лакей вноситъ шампанское и фрукты).

Лакей (къ Вѣрѣ). Ликеръ прикажете?

Вѣра. А развѣ надо?

Лакей. Да, какъ прикажете... Иные господа требуютъ.

Вѣра. И пусть. А намъ не требуется. Можете идти и приготовьте счетъ.

Лакей. (Слушаю. Уходитъ).

Князь (пьетъ шампанское). За Вѣру.

Вѣра. Постойте. Не выпить-ли намъ

брудершафтъ? Кстати, вы мнѣ говорите „ты“.

Князь. Съ наслажденіемъ (пьютъ).

Вѣра (смакуетъ). Вотъ шампанское, такъ шампанское! Прелесть. Мнѣ очень нравится процессъ брудершафта. А вамъ?

Князь. Не спрашивай. Для меня вся прелесть пропадаетъ; на основаніи нашего нелѣпаго уговора, я, вѣдь, не могу тебя поцѣловать?

Вѣра (отрицательно качаетъ головой). А я васъ могу. Могу вамъ, пожалуй, разрѣшить...

Князь. Когда-же это будетъ, когда?

Вѣра. Всякому овощу свое время.—Ждите.

Князь. Ты хочешь меня довести, какъ говорятъ, до бѣлаго калѣнія?

Вѣра (чиститъ грушу). Вотъ, вотъ. На-те, хоть грушу съѣшьте.

Князь (машинально беретъ и ѣстъ). Я дорого бы далъ, чтобы узнать тебя. Ты такъ загадочна.

Вѣра. Ха, ха, ха, настоящая шкатулка съ сюрпризами.

Князь. Я все время смотрю на тебя съ огромымъ любопытствомъ...

Вѣра. И думаете, что изъ меня въ концѣ-концовъ выскочитъ?

Князь. Вѣрно. Ты догадлива. И откуда у тебя такое удивительное соединеніе веселой дѣтской прелести и житейской мудрости? Ты молода, но жизнь отлично знаешь.

Вѣра. О, да. Я съ жизнью начала сражаться чуть не съ пеленокъ. Бой былъ смертный. Ужъ и душила она меня, подлая, душила со всѣхъ сторонъ. А я ей кричала, правда, больше въ подушку, но свое:—Не дамся! Нѣтъ, не дамся! И не далась. И никакое горе, никакое страданіе никогда не заставляли меня хныкать. (Снимая съ головы колпакъ, подбрасываетъ его вверхъ и ловитъ со словомъ): Никогда!—Князь, мнѣ очень весело: я счастлива. Больше; я торжествую! Видите ли, я одержала надъ жизнью огромную побѣду: я добилась своего. Отвоевала у жизни, что хотѣла, понимаете, что хотѣла. О, это такъ пріятно! (сорвавшись). Только вотъ не хорошо быть сиротой... Одна, всегда одна... Князь, одиночество страшная вещь.

Князь (раскуривая папироску). О, да, вполнѣ согласенъ. Одиночества я тоже не выношу.

Вѣра. Одиночество чуть меня не доканало. А я, не будь глупой, взяла и сбѣжала отъ него на маскарадъ. Да еще въ этакомъ костюмѣ (смѣется). Вы замѣтили какой длинный хвостъ мужчинъ ходилъ за мной, ха, ха, ха!

Князь. Ты всѣхъ свела съ ума.

Вѣра. Больше всѣхъ пострадали, кажется, вы.

Князь. Погибъ. Такой очаровательной маски я давно не встрѣчалъ.

Вѣра. Ха, ха, ха, клоунъ былъ настоящій. Мнѣ такъ хотѣлось сегодня повеселиться, хотѣлось людей—все равно какихъ, лишь-бы людей... Сегодня я отвела душу за долгіе годы молчанія и одиночества: я наговорилась вволю.

Князь. Н-да... Отъ твоихъ разговоровъ многимъ, пожалуй, не поздоровилось: ты удивительная злючка.

Вѣра. Князь, какъ вы думаете, кто я?

Князь. Ломаю голову и не могу рѣшить.

Вѣра. Я вамъ скажу. Я—вольный, какъ вѣтеръ, человѣкъ. Предо мной лежитъ свободная, широкая дорога, и я по ней пойду. Я буду строить мою жизнь теперь, какъ я хочу, а не какъ мнѣ навязывали люди, обстоятельства и сама жизнь. Такой свободы я добилась, правда, страшнымъ трудомъ. Но я добилась и торжествую. Ахъ, какъ мнѣ хочется пѣть, танцовать.

Князь. Идея. Я тебѣ сыграю. Ты дивно должна танцовать. (Играетъ на рояли).

Вѣра (импровизируя, съ увлеченіемъ танцуетъ). О, какъ хорошо! Князь, бываютъ моменты, когда хочется умереть.

Князь. Чудесно! Вѣра, Вѣра, ты окончательно свела меня съ ума.

Вѣра (утомившись, останавливается). Довольно. Благодарю, славно наплясалась. (Подходитъ къ князю, снимаетъ съ головы колпакъ и протягиваетъ къ нему). За трудъ пожалуйте, ваше сіятельство.

Князь (вскакиваетъ, подхватываетъ Вѣру и бурно цѣлуетъ). Не могу больше... Не въ силахъ. Ты просишь за трудъ? На, изволь, отъ всего сердца. (Еще цѣлуетъ).

Вѣра. Князь! (Съ силой отбрасываетъ его въ сторону. Князь чуть не падаетъ). Я вамъ этого не спущу.

Князь. Прости. Ты заставляешь терять голову... Надо быть камнемъ. Я не камень.

Вѣра. Сказала бы я вамъ, кто вы, да лучше промолчу.

Князь. Брани, брани, только не сердись. Если бы ты знала, до чего ты мила и очаровательна. Я схожу съ ума. О! что ты дѣлаешь со мной.

Вѣра. Ничего. Очень вы мнѣ нужны. Хочу веселиться и веселюсь—при чемъ вы здѣсь?

Князь. Но, однако...

Вѣра. Что однако? Вы еще со мной разговариваете? Позвольте вамъ напомнить. На маскарадѣ я подошла къ вамъ и сказала: — Князь, сегодня я въ очень веселомъ расположенiи духа... Мнѣ чертовски хочется весе-

литься, до зарѣзу хочется. Къ тому же я еще проголодалась, и перспектива вкуснаго ужина мнѣ очень улыбается. Такъ вотъ, не хотите-ли мнѣ составить компанію? Если да, ѣдемте со мной, но съ уговоромъ. Я всѣмъ распоряжаюсь, за все плачу, а вы должны быть паинькой и вести себя скромно. Коротко и ясно. Я вамъ дала, вспомните, пять минутъ на размышленіе. Вы на всѣ мои условія согласились, обѣщали во всемъ повиноваться, а теперь...

Князь (задыхаясь, хватаетъ ея руки). Довольно. Слышишь, довольно. Пора кончить эту комедію: тебѣ удалось, ты сдѣлала все и больше не пытайся — больше вскружить мнѣ голову нельзя. Я, Вѣра, твой, весь твой. Ты знаешь, я богатъ.

Вѣра. Знаю. Такъ что?

Князь. Я, плутовка, очень богатъ.

Вѣра. И это знаю. Говорятъ, вы еще не прокутили всѣхъ вашихъ милліоновъ.

Князь. Ха, ха, ха, свѣдѣнія твои, очаровательный бѣсенокъ, вѣрны. Ну, говори, чего хочешь? чего ты хочешь?

Вѣра. Чего я хочу?

Князь. Да, да, ты моя прелесть. Я давно не встрѣчалъ такого дивнаго, веселаго личика, такого темперамента, такого прекраснаго, гибкаго тѣла.

Вѣра (улыбаясь). А вы не шутите?

Князь (свиститъ). Шучу? Я не дуракъ. Съ такой, какъ ты, шутки плохія: ты звѣрь крупной породы. О, ты умный звѣрекъ. Я тебя понялъ, дружокъ, и оцѣнилъ вполнѣ — не безпокойся. Ну, говори, чего ты отъ меня хочешь?

Вѣра. Дайте папироску. (Закуриваетъ и небрежно разваливается на диванѣ). И такъ, милѣйшій князь, ваши условія?

Князь (пожирая ее глазами). И эта женщина спрашиваетъ... Да тебѣ нѣтъ цѣны.

Вѣра. Все-таки...

Князь. Не дурачься. Все, что хочешь... все.

Вѣра (кашляетъ отъ дыма и гаситъ папироску). Нѣтъ, табакъ герой не моего романа. Ну-съ, во-первыхъ, мой любезный князь, я хочу, чтобы у меня былъ домъ. Да не какой-

нибудь тамъ домъ—о, нѣтъ.. чудесный, красивый домъ. А въ немъ, куда ни взглянешь, всюду бархатъ, золото, фарфоръ... Фарфоръ, золото, бархатъ... А прислуги въ домѣ, чтобъ было видимо-невидимо. (Загибаетъ палецъ). Это разъ. Потомъ лошади. (Вскакиваетъ). Слышите, лучше моихъ лошадей, чтобы ни у кого въ городѣ не было. Это два. Затѣмъ, платье и бѣлье самое лучшее, самое красивое и сколько захочу. Это три. Потомъ, пожалуйте мнѣ на булавки ежемѣсячно, ну, рублей тысячу. Меньше, право, нельзя. Не даромъ же я столько лѣтъ прозябала—жить, такъ жить. Согласны?

Князь. Да, да, все что хочешь.

Вѣра. Это будетъ четыре. Затѣмъ, сейчасъ авансомъ, такъ, на всякій случай, тысячъ положимъ двадцать пять. Это васъ не раззоритъ, навѣрно. Идетъ?

Князь. Не мучь, говорю: на все согласенъ.

Вѣра. А я хочу все оговорить, чтобъ не было потомъ недоразумѣній.

Князь. О, Господи!

Вѣра. Это пять. Ну, а бѣдные родственники?

Князь. Ха, ха, ха, а кто говорилъ „круглая сирота“?

Вѣра. Мало-ли что. У каждой сироты бѣдные родственники всегда найдутся. Нельзя ихъ обижать, князь, ну, чего имъ тамъ сидѣть въ грязи, да холодѣ, да голодѣ? Пусть счастье, привалившее ихъ родственницѣ, согрѣетъ и ихъ. Отнесемся къ нимъ хорошо, тепло, по человѣчески. Правда?

Князь (дрожитъ). Да, да, моя дорогая.

Вѣра. Итакъ на бѣдныхъ родственниковъ вы дадите, сколько подскажетъ ваше доброе сердце. Это шесть. И пока довольно.

Князь (обнимая Вѣру). Моя... моя.

Вѣра. Погодите. Прежде пожалуйте мнѣ чекъ, тотъ знаете „авансъ на всякій случай“. Это приходится двадцать пять тысячъ. Книжечка, навѣрно, съ вами.

Князь (торопливо достаетъ чековую книжку и пишетъ). Вотъ, вотъ... на, получай.

Вѣра. (разсматриваетъ чекъ со всѣхъ сторонъ). Вѣрно. Я вѣдь не даромъ когда-то служила въ банкѣ. Все правильно, иди и по-

лучай. Двадцать пять тысячъ. Господи, деньжищъ-то сколько мнѣ привалило! И какъ легко достались, ха, ха, ха, безъ тяжкаго труда, униженія, обидъ... Говорятъ, князь, вы, не задумываясь, швыряете деньгами на ваши прихоти и даже глупости, но, признаюсь, я удивлена вашей щедростью (ласкается къ нему). Такъ вамъ очень приглянулось мое тѣло?

Князь. Очень, плутовка, очень.

Вѣра. А что вы думаете на счетъ души?

Князь (не понимая). Души. Какой души?

Вѣра. Моей. Представьте, кромѣ тѣла, у меня еще есть душа. Скажу вамъ откровенно— очень не дурная душа. Безъ нея я тѣла не продамъ—это ужъ, какъ вамъ будетъ угодно! Ну-съ, во что вы оцѣните мою душу?

Князь (не нашелся).

Вѣра. Ха, ха, ха, не компетентны, не приходилось покупать. Такой товаръ не требуется. Да и что такое въ сущности душа? Ха, ха, ха, къ чему она? Не надо. Лишнее. Вотъ тѣло—это намъ понятно (горячо). Тѣло. Тѣло. Помѣшались всѣ на тѣлѣ. Господи,

сколько я видѣла мужчинъ, и хоть-бы кто когда сказалъ мнѣ:—Вѣра, мнѣ мало одного твоего тѣла. Я хочу знать твою душу, твои стремленія, думы, надежды—хочу знать все, чѣмъ ты живешь, хочу знать тебя всю... Никогда, никто мнѣ этого не говорилъ. Всѣ, кому я нравилась, прежде всего спрашивали:—сколько я стою? И такъ было всегда, всегда.

Князь (пришелъ въ себя, развязно). Любезный клоунъ, вы напрасно уклонились: трагедія не вашъ жанръ. Бросьте, право, не интересно, старо... скучно.

Вѣра. Конечно. Я сейчасъ разыграла съ вами этотъ торгъ изъ любопытства. Хотѣлось посмотрѣть, не появилось-ли у васъ, мужчинъ, что-либо новое. Нѣтъ, все тоже: „сколько стоишь“? Иначе съ женщиной вы разговаривать не умѣете. Но придется поучиться — смотрите, какъ женщины рвутся сбросить съ себя вашу опеку, подлую опеку. превращающую насъ въ ничтожныхъ, жалкихъ куколъ и жрицъ разнузданной людской похоти.

Князь (смотритъ на часы, подавляя зѣвокъ). Успѣховъ, желаю имъ успѣховъ.

Вѣра. И они будутъ. Какъ бы вы, съ вашими милліонами, и не старались забивать головы несчастнымъ, искалѣченнымъ женщинамъ; какъ бы ни насаждали среди нихъ разврата, модно-галантерейные идеалы и всякую, законную и не законную, продажность, но вамъ и вашимъ убогимъ подругамъ не остановить стремленіе женщинъ быть прежде всего человѣкомъ. Понимаете, человѣкомъ!

Князь. Понимаю. Стремленіе вполнѣ похвальное. Ну-съ, если вамъ угодно было уклонится въ сію, скажу откровенно, для меня совершенно, безразличную, область,—не потрудитесь ли сообщить для чего я вашей милости понадобился? Чтó вы пригласили меня сюда не спроста—въ этомъ я ни одной минуты не сомнѣваюсь. Оставимъ другихъ, перейдемъ лучше къ вамъ. Вы меня необычайно интересуете; съ меня, какъ видите, мгновенно слетѣлъ угаръ маскарада, и я совершенно безсознательно перешелъ съ вами на „вы". Итакъ,

любезный клоунъ, маскарадъ конченъ. Раскрывайте ваши карты.

Вѣра. Я такъ и сдѣлаю.

Князь. Пожалуйста, я весь вниманье.

Вѣра. Ну, слушайте. Предъ вами женщина, какихъ теперь не мало; женщина пожелавшая, не поступаясь, не прибѣгая часто къ унизительной помощи мужчинъ, пробиться въ жизни на свои собственныя силы. Да, я создала себѣ все сама и, какъ хотѣла. Не буду говорить, чего мнѣ это уклоненіе отъ нашихъ правилъ и обычаевъ стоитъ. Важно одно: я своего добилась вотъ этими руками, вотъ этой головой; я твердо стою на ногахъ; отлично обезпечена дѣлами моихъ рукъ и, правда, кой-какихъ талантовъ. Я независима теперь, свободна, какъ вѣтеръ въ полѣ, какъ орелъ въ небѣ, какъ рыбка вольная въ родной рѣкѣ. Теперь я буду отдыхать отъ долгой, отчаянной борьбы, буду жить, какъ я нахожу нужнымъ. Всю жизнь меня душило одиночество, всю жизнь я чувствовала себя среди людей точно въ дикой пустынѣ. До-

вольно! Я не хочу быть больше одинокой, моя душа жаждетъ ласки, привязанности, любви. (Князь дѣлаетъ невольное движеніе). Знаю, знаю, что вы хотите сказать: — Такой интересной женщинѣ не трудно найти друга. Ошибаетесь, любезный князь, чрезвычайно трудно. Думаете не искала? (желчно смѣется), Искала, очень искала и... не нашла.

Князь. Странно, очень странно. Вы изволите шутить.

Вѣра. Нисколько. Можетъ, я предъявляю къ мужчинѣ слишкомъ большія требованія, или несчастная случайность, но я по душѣ себѣ мужчины не нашла. Жить-же съ „другомъ“, которому кромѣ тѣла ничего больше не надо—я никогда не буду. У меня есть еще выходъ изъ моего одиночества: я хочу быть матерью, хочу имѣть дѣтей. О, теперь я совсѣмъ иначе ищу мужчину. Нѣтъ друга—и не надо! Будемъ поступать по вашему. Нравится вамъ женщина, вы берете ее какъ вещь, привозите какъ вещь, обращаетесь съ нею какъ съ вещью. Вы мнѣ нравитесь—

вотъ я взяла и привезла васъ сюда — какъ вещь!

Князь (стараясь скрыть бѣшенство). Это... это интересно.

Вѣра. Что жъ, если нельзя найти по душѣ товарища, друга, если мужчины предлагаютъ и даже навязываютъ себя исключительно какъ самцевъ,—тогда остается выбирать изъ нихъ самца получше. Мой выборъ остановился на васъ (осматриваетъ его съ ногъ до головы). Вы, положительно, мнѣ нравитесь. Да, у васъ красивая, благородная внѣшность; вы, князь, превосходно сложены; кой-какія человѣческія чувства, какъ я замѣтила, у васъ не окончательно заглохли. Такъ вотъ...

Князь (отъ бѣшенства хохочетъ). Интересно. Новыя птицы—новыя пѣсни. Послушаемъ... Послушаемъ. Ну-съ, дальше.

Вѣра (въ тонъ ему). Можно и дальше. Прежде чѣмъ привезти васъ сюда, я хорошенько о васъ разузнала. Я знаю, вы хотя и порядочный развратникъ, но еще здоровы, никакой сомнительной болѣзнью не страдаете,

въ вашей семьѣ также никакихъ наслѣдственностей нѣтъ.

Князь. Есть, милая Вѣра, есть. У насъ...

Вѣра (перебивая). А главное, что особенно расположило меня къ вамъ, это то, что у васъ такія прекрасныя, здоровыя, породистыя дѣти. У васъ, князь, великолѣпныя дѣти.

Князь (раскланиваясь). Благодарю васъ. Послушайте.. Нѣтъ, вы такая изящная, красивая и—такая грубость. Зачѣмъ? Не идетъ вамъ, не надо. Мнѣ досадно за васъ.

Вѣра. Да что такое я сказала? Вы, выбирая законную мать вашимъ дѣтямъ, считаетесь не только съ ея внѣшностью, но и съ ея здоровьемъ съ ея семьей. Это разумно. Такъ поступила и я; мнѣ тоже не все равно, какая будетъ кровь течь въ жилахъ моего ребенка.

Князь. Насчетъ наслѣдственности въ нашей семьѣ вы, милая барышня, прогадали: она у насъ есть, запомните, въ нашей семьѣ никогда не было дураковъ. Не трудно догадаться, по какимъ вы палите воробьямъ. Только къ чему все это? Вы женщина развитая,

умная—не понимаю, зачѣмъ вамъ такая откровенность понадобилась. И еще тутъ, со мной. Бросьте.

Вѣра. Я хочу имѣть дѣтей, понимаете, дѣтей. Мнѣ очертѣло быть одинокой. Я хочу, чтобы меня дома тоже ждали (увлекаясь), приду... и встрѣтятъ меня радостные крики, шею мою обнимутъ дѣтскія рученки, и нѣжныя губки, цѣлуя меня, будутъ лепетать мнѣ: мама, мама... Ахъ, въ этомъ столько счастья. Гдѣ тотъ, кто могъ-бы мнѣ это счастье дать? Его нѣтъ, не вижу. Ищу и не нахожу. Ну, такъ я сама возьму это счастье, возьму съ первымъ встрѣчнымъ, возьму, какъ смогу. Дѣтей мнѣ надо!

Князь. Ваше желаніе естественно, и никто у васъ его оспаривать не станетъ. Оно вполнѣ законно. Но вы идете къ нему не тѣмъ путемъ. Такъ оголять нельзя. Ваша прямолинейность отвратительна. Вы убиваете всю красоту, поэзію любви, всю прелесть увлеченій.

Вѣра. Ха, ха, ха, сколько красивыхъ словъ,

а подъ ними скрывается часто самый настоящій, отвратительный, подлый цинизмъ. Дѣло вкуса. Я предпочитаю такъ. Мнѣ надо ребенка. Я васъ считаю для этой цѣли вполнѣ подходящимъ.

Князь. Ахъ, разбойница, ни капли иллюзіи, ни одной капли. А что если я отъ роли производителя откажусь и всю вашу музыку разстрою. Вы не подумали объ этомъ.

Вѣра. Только попробуйте!

Князь. И очень даже просто.

Вѣра. Нѣтъ, нѣтъ, вы не должны разстраивать мои мечты, мои планы... Ну, князь, ну, голубчикъ... очень васъ прошу. Войдите въ мое положеніе: мнѣ дѣйствительно надо ребенка.

Князь. Перестаньте, я не люблю женскихъ драмъ. Вы сдѣлали ошибку—у меня прошло влеченіе къ вамъ.

Вѣра. Вотъ видите, какъ люди привыкли жить во лжи. Безъ лжи имъ скверно дышется. Сказала правду, и всѣ красивыя иллюзіи разсѣялись какъ дымъ. Какія жалкія

15

красоты. Но, князь, я женщина съ характеромъ—вы меня лучше не злите. Чего ради я васъ упрашиваю? Говоря вашими словами, „вы прекрасно знали, что дѣлали, отправляясь сюда со мной“. Такъ нельзя. Довольно того, что я вамъ недоразумѣніе съ деньгами прощаю, (отдаетъ чекъ). На-те, вы мнѣ и безъ денегъ нравитесь... Никто васъ за языкъ не тянулъ: навязывались въ любовники—будьте имъ. Я вамъ уклоняться не позволю. Я еще на маскарадѣ ясно дала понять, чего мнѣ надо отъ васъ. Вы поняли меня прекрасно, согласились на все. Я шутить надъ собою не позволю. Я требую отъ васъ, какъ отъ любовника, ласкъ, вниманья, любви. На это я имѣю, съ вашего же согласія, право. Безъ этого я отсюда не уйду. (Запираетъ дверь и кладетъ ключъ въ карманъ). Слышите—не уйду.

Князь (растерянно). Опомнитесь... Вы женщина интеллигентная... поймите въ какое положеніе вы меня и себя ставите. Я не... могу такъ. Это чортъ знаетъ что... я... послушайте, Вѣра.

Вѣра Ничего слушать не хочу. Выбирайте любое: или мое тѣло или скандалъ. Я вамъ ни за что не уступлю. Скажите пожалуйста. Не такъ обставлено, какъ привыкли, не такъ прикрытъ цинизмъ, какъ нравится — и „не могу“. Ничего, привыкайте по иному. Слышите, князь, если пойдетъ на скандалъ: этотъ ресторанъ, эти стѣны, вы сами—вы долго будете меня помнить. Я отчаявшаяся, я васъ всѣхъ сегодня на маскарадѣ потѣшала не спроста—будете меня помнить.

Князь. Вотъ сумасшедшая. Нѣтъ, такой нелѣпости еще не было въ моей жизни. Это чортъ знаетъ что. Послушайте, Вѣра, вы, конечно, шутите...

Вѣра. Нисколько. Я зла какъ чортъ.

Князь (садится подлѣ нея). Ну, успокойтесь, успокойтесь.

Вѣра. Не успокоюсь, пока не признаете за мной права на васъ сегодня, какъ любовника.

Князь. Но, поймите, вы меня ставите въ очень унизительное положеніе.. никто на такую роль не согласится.

15*

Вѣра. А.. Вы меня лучше не бѣсите! Скажите пожалуйста. Вы можете женщину унижать. Можете вынуждать ее принимать вашъ прикрытый гадкій, подлый цинизмъ. Вы заставляете ее задыхаться, если она, не акклиматизируется въ вашей „поэзіи любви", „прелести увлеченій", отъ которыхъ болѣе омерзительно разитъ, чѣмъ отъ моей голой правды. Вы заставляете женщину обслуживать вашу физіологію такъ, какъ вамъ нравится, какъ вы привыкли. Васъ не смущаетъ, какова ея роль, вы не задумываетесь, какъ она вамъ отдается, со влеченіемъ или безъ онаго? Я тоже такъ. Я привезла васъ сюда, вы на всѣ мои условія согласились, обѣщали повиноваться. Слѣдовательно, я имѣю надъ вами такое же, право, какое имѣете вы надъ всякой женщиной, согласившейся съ вами поѣхать. Меня также мало безпокоитъ, какова будетъ при этомъ ваша роль и доза влеченія. Я предлагаю вамъ не уклоняться и выполнить взятыя на себя обязанности такъ, какъ мнѣ нравится... И потомъ, князь, надо быть все-таки справедли-

вымъ,—у васъ огромное преимущество предъ многими, многими женщинами: вамъ не приходится отдаваться мнѣ изъ нужды, ради проклятыхъ денегъ. Подумайте объ этомъ хорошенько.

Князь. Я думаю, что вы, открывая мнѣ свои карты, со мной, какъ мужчиной, кончили. Я вамъ пересталъ быть нуженъ. Я думаю, что у васъ много накипѣло на сердцѣ. Вамъ надо было на комъ-нибудь сорвать, кому-нибудь за все въ физіономію плюнуть. Ну, чтожъ, продолжайте, лишь бы стало легче. А меня отъ этого не убудетъ. Почему хорошему человѣку и не послужить. Серьезно, вы очень интересная и милая женщина.

Вѣра (энергично шагаетъ, потомъ—останавливаясь передъ княземъ). Я еще могла бы вамъ кое-что сказать, могла бы, пожалуй, еще надъ вашимъ трагическимъ положеніемъ посмѣяться.. но мнѣ не смѣшно, совсѣмъ не смѣшно. Мнѣ сейчасъ особенно ярко представляется, сколько у насъ, людей, дикаго, нелѣпаго, страшнаго. Мнѣ грустно, невыра-

зимо грустно... Жалко людей и мучительно за нихъ стыдно. Ахъ, князь, если бы вы знали, какъ мнѣ стыдно, больно. Какъ мнѣ противно за людей. Вы у меня разбередили рану. (Встряхнувшись). Ну, да ладно. Будемъ надѣяться, будемъ воевать за лучшеее будущее... Я, кажется, опять уклонилась отъ своей роли. Это не годится. Клоунъ долженъ быть клоуномъ. Ну, князь, встряхнитесь. Я, правда, не спускаю, когда мнѣ дѣлаютъ больно: но, по натурѣ, я не зла. Богъ съ вами, освобождаю васъ отъ легкомысленно взятыхъ на себя обязанностей. Идите съ миромъ, да, глядите, не попадайтесь мнѣ въ другой разъ — я не всегда могу быть великодушной. (Смѣясь, отпираетъ дверь). Однако я васъ сильно уходила: у васъ очень утомленный видъ.

Князь. Да, я усталъ. У васъ удивительно бурная, кипучая натура. Я чувствую себя встрепаннымъ, утомленнымъ, разбитымъ, точно надо мной пронесся ураганъ.

Вѣра. Ха, ха, ха, узнаю себя. Знаете, князь, я обожаю бурю. Бури нужны. Онѣ подни-

маютъ, освѣжаютъ и... иногда кой-чему учатъ. Меня освѣжила буря. А васъ? Жаль будетъ, если отъ сегодняшней бури у васъ останутся только однѣ маскарадныя щепки.

Князь (серьезно). Нѣтъ, Вѣра, нѣтъ: я этого не думаю.

Вѣра. Тѣмъ лучше для васъ. А сознайтесь, князь, здорово я васъ напугала, ха, ха, ха... Представляю вашъ ужасъ. (Смѣясь звонитъ).

Князь (улыбаясь). Сознаюсь, былъ моментъ. (входитъ лакей).

Вѣра. Счетъ приготовили?

Лакей. Готово-съ (подаетъ князю).

Князь (улыбаясь). Ошибся, голубчикъ, по счету на этотъ разъ платить не мнѣ... Подай барышнѣ, она заплатитъ!

Лакей (съ недоумѣніемъ подаетъ счетъ Вѣрѣ).

Вѣра (улыбаясь, князю). Это у васъ вышло очень мило. Очевидно, буря не прошла для васъ зря.

Князь (со смѣхомъ). О, да, совсѣмъ на-

противъ. Я только теперь начинаю всю соль, такъ сказать, постигать, ха, ха, ха.

Вѣра (лакею). Вотъ вамъ по счету (платитъ). Это вамъ, и кликните, пожалуйста, извощика.

Лакей. Слушаю (уходитъ).

Вѣра. Итакъ, балъ конченъ, Ваше сіятельство, не прикажете-ли васъ подвезти—намъ по пути?

Князь (смѣясь). Вы большая все таки чудачка. Все у васъ и своеобразно и неожиданно. Развѣ помочь вамъ выдержать стиль? Ну, хорошо, вы говорите, намъ по пути—пожалуй, подвезите.

Вѣра. Браво, мы начинаемъ отдѣлываться отъ предразсудковъ. Вы, право, очень способный ученикъ (одѣвается).

Князь (тоже одѣвается). Радъ стараться.

Вѣра. Постарайтесь также отдѣлаться отъ скверной привычки, какъ что, сейчасъ женщину покупать.

Князь. Слушаю.

Вѣра. Это очень обидно. Вы еще, князь,

собственно говоря, счастливо отдѣлались: я ужасно разсвирѣпѣла.

Князь (улыбаясь). Я уже объ этомъ подумалъ.

Вѣра. Видите, что вы надѣлали: не начни вы меня покупать, не задѣнь во мнѣ самое больное мѣсто, этотъ вечеръ могъ-бы кончиться совсѣмъ иначе... А теперь вамъ остается еще разъ сказать: „Такой нелѣпости не было въ моей жизни“ (идетъ къ выходу, весело смѣясь. Князь принужденно ей вторитъ. Уходятъ). Пауза.

Занавѣсъ.

СЛЕЗЫ РАДОСТИ.

(СКАЗАНІЕ).

Было это давно—въ тѣ времена, когда христіанство было гонимо. У царя одной могучей, языческой страны заболѣлъ единственный сынъ, любимый всѣми царевичъ.

Были созваны всѣ лѣкари, всѣ мудрецы и ворожеи. Они осматривали и разспрашивали больного, всячески лечили его, но ничто не помогало, царевичъ съ каждымъ днемъ замѣтно угасалъ. Злой недугъ упорно продолжалъ свою разрушительную работу, и вскорѣ отъ красиваго полнаго здоровья и силъ юноши, остался высохшій обтянутый желтой кожей скелетъ. Жизнь чуть теплилась въ измученномъ страданьемъ тѣлѣ и только иногда вспыхивала въ прекрасныхъ глазахъ царевича, казавшихся особенно большими на исхудавшемъ лицѣ.

Стонъ и рыданія носились по всѣмъ палатамъ царскимъ.

Измученный безсонными ночами и горемъ царь какъ-то задремалъ, и вотъ ему приснился сонъ. Ему казалось, что онъ стоитъ у раскрытаго окна, и вдругъ въ комнату влетѣлъ бѣлый голубь, сѣлъ на плечо къ нему и молвилъ: „Твой сынъ будетъ здоровъ, если вы омоете ему лицо слезами радости. Не медлите, скорѣй ищите эти слезы".Сказалъ и упорхнулъ!

Проснулся царь, созвалъ своихъ придворныхъ, повѣдалъ имъ свой сонъ и... мигомъ понеслись гонцы по всей странѣ искать врачующихъ слезъ...

А время шло. О, Боже, сколько слезъ, въ какихъ расписныхъ и дорогихъ сосудахъ ежедневно приносили во дворецъ! Но это были мутныя, ѣдкія слезы безсильной злобы, страданій, горя и обидъ.

— Не можетъ быть—говорилъ царь—чтобы въ моей странѣ, могучей и прекрасной, не было чистыхъ радостныхъ слезъ,—не можетъ быть! Гонцы, вы проглядѣли. Я самъ пойду

искать. Я буду искать день и ночь, не пропущу ни одного угла, и я найду, найду. Сынъ мой будетъ жить...

И царь пошелъ. Онъ хорошо искалъ, какъ можетъ искать только отецъ, дрожащій за жизнь единственнаго сына.

А время шло. Лишь нѣсколько чистыхъ дѣтскихъ слезинокъ удалось царю достать, но ихъ было такъ мало.

— О, горе мнѣ!—ломая руки плакалъ царь.— мой сынъ погибнетъ! Не думалъ я, что не найти мнѣ слезъ радости въ моей странѣ...

— О, горе намъ, царевичъ умираетъ! Намъ не спасти его,—вздыхалъ народъ.

И вотъ тогда, когда жизнь, казалось, готова была покинуть тѣло царевича, въ покой больного, запыхавшись, вбѣжалъ юноша. Въ рукахъ, боясь расплескать, крѣпко держалъ онъ полную чашу прекрасныхъ чистыхъ слезъ.

— Царевичъ будетъ жить! — воскликнулъ онъ радостно. — Вотъ слезы радости, берите, вотъ онѣ!

И только брызнули слезами въ лицо боль-

ного, какъ онъ сразу ожилъ, кровь свободно заструилась въ жилахъ, румянецъ оживилъ лицо, пересохшія сомкнутыя губы раскрылись улыбкой, и съ нихъ слетѣлъ вздохъ облегченія.

Всѣ ликовали: „Царевичъ ожилъ! Царевичъ сталъ здоровъ!“

— Скажи мнѣ, юноша,—спросилъ счастливый царь, —чѣмъ могу я отплатить тебѣ за жизнь единственнаго сына? И гдѣ досталъ ты слезы, которыхъ ни я, и никто другой въ моей странѣ не могъ найти?

— Я счастливъ тѣмъ,—сказалъ юноша,—что нашъ царевичъ ожилъ. Лучшей награды я не могу желать. А гдѣ досталъ я слезы? Объ этомъ я хочу сейчасъ повѣдать вамъ. Я ихъ досталъ у гонимыхъ нами, презрѣнныхъ христіанъ.

— Не можетъ быть!—въ одинъ голосъ вскричали придворные и царь.—Не можетъ быть!

— Да, это такъ!—отвѣтилъ юноша.—Я тоже, какъ и вы, искалъ слезъ радости и тоже не нашелъ. Въ эту ночь я брелъ домой печальный. Тихо было на улицахъ въ этотъ поздній часъ,—всѣ спали. И вотъ въ одномъ темномъ

переулкѣ, на окраинѣ, замѣтилъ я вдругъ домъ, а въ немъ необыкновенный свѣтъ. Я подошелъ ближе. На встрѣчу мнѣ неслось торжественное пѣніе; такого я не слыхалъ никогда въ жизни. Я былъ пораженъ, и самъ не знаю какъ случилось, что я вошелъ въ тотъ домъ. Тамъ были христіане. Тамъ были тѣ, кого мы презираемъ, преслѣдуемъ и предаемъ смерти. Но, мой великій царь, они были совсѣмъ другіе... Всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, кругомъ огни... Лица ихъ сіяли радостью. Они пѣли: „Христосъ воскресъ! Онъ живъ и будетъ жить, какъ правда, за которую Его распяли! Онъ будетъ жить, какъ, вѣра искреннихъ, простыхъ сердецъ! Христосъ Воскресъ! Онъ будетъ жить вѣчно, какъ царь, какъ мученикъ, какъ Богъ!“

— Всего не помню, да и не въ силахъ былъ бы описать ихъ радость, помню только, что по ихъ измученнымъ лицамъ, но въ радости прекраснымъ, катились чистыя капли, тѣ капли, что ни ты, о, царь, ни я, никто не могъ найти.

Я крикнулъ имъ:

— О, дайте, дайте мнѣ скорѣе ваши слезы!

Они отвѣтили:

— Бери. Сегодня наша Пасха. Сегодня радость, счастіе у насъ. Бери, язычникъ, и отправляйся съ миромъ. Пусть донесешь на насъ, пускай врывается къ намъ ваша стража! Пускай оковы на рукахъ у насъ звенятъ! Пускай пытаютъ насъ. Пускай терзаютъ звѣри. Пускай мы всѣ погибнемъ на кострѣ, но Богъ нашъ живъ, но наша вѣра съ нами! Иди, скажи своимъ, что въ эту ночь Христосъ, нашъ Богъ, воскресъ изъ мертвыхъ!

— Я все сказалъ. Теперь, прощайте, моя душа стремится туда, къ нимъ. Я ихъ люблю, они мнѣ стали братья. Я хочу вѣрить, какъ они, я жажду узнать ихъ Бога. Я не могу быть больше вашимъ, ищите меня тамъ...

И юноша исчезъ.

Царь вскочилъ въ гнѣвѣ. Хотѣлъ отдать приказъ схватить всѣхъ христіанъ и съ ними поступить суровѣе, чѣмъ прежде, но его удержалъ царевичъ.

— Отецъ, я живъ! Я живъ ихъ вѣрой, ихъ слезами... Ты не долженъ забывать этого.

И царь, могучій царь, въ безсильи опустился... Слезы обиды и стыда скатились съ его глазъ.

ОДУВАНЧИКЪ.

СКАЗКА.

I.

— Нѣтъ, это несправедливо, — горячо воскликнулъ Одуванчикъ. — Отчего мы, цвѣты, лишены способности летать, какъ бабочки и птицы? Зачѣмъ прикованы къ землѣ, когда душа рвется туда, на небо, ближе къ солнцу? Зачѣмъ...

— Пожалуйста, потише, перебилъ Одуванчика Піонъ. — Вы опять несете вздоръ. Во-первыхъ, мой милѣйшій, вы напрасно причисляете себя къ цвѣтамъ—вы сорная трава и только; во-вторыхъ, если припомните, въ нашей роскошной клумбѣ растете вы случайно; садовникъ, вырывая сорныя травы, васъ проглядѣлъ — скажите Резедѣ спасибо: она васъ скрыла—но среди цвѣтовъ не мѣсто

вамъ. Это всегда должны вы помнить, благодарить судьбу и быть скромнѣй.

— А главное, вмѣшался въ разговоръ Тюльпанъ,—поменьше языкомъ болтайте.

— Вотъ именно!—подхватилъ Ирисъ, какъ видите, мы примирились съ той смѣлостью, чтобъ не сказать нахальствомъ, съ которой вы забрались и растете среди насъ, но съ вашей глупой болтовней мириться не желаемъ.

— Не желаемъ!—въ одинъ голосъ воскликнули цвѣты.

— И, наконецъ, хоть у кого терпѣнье лопнетъ!—возмущалась гвоздика.—Чего вы кипятитесь? Чего съ утра до вечера шумите? Кто къ намъ ни залетитъ, сейчасъ вы лѣзете назойливо съ вопросомъ:—А какъ? А что? А почему? — Вѣдь это глупо и очень безпокойно.

— Ахъ, Боже мой,—оправдывался Одуванчикъ.—Мнѣ такъ хотѣлось бы узнать, что дѣлается тамъ, за нашей клумбой. Вотъ, вы счастливы — какъ высоко растете и, воображаю, сколько видите! А я тяну все вверхъ

свой тонкій стебелекъ, тяну и ничего не вижу... О, если бы я могъ летать!

— Вотъ, начинается!—вздохнулъ Левкой.

— Ей Богу, этому нытью не видно конца!—кричалъ Нарцисъ.

— Вы всѣ не добрые, сказалъ печально Одуванчикъ,—и ненавидите меня, но за что? Развѣ я не такое-же созданье Бога, какъ и вы? Развѣ насъ солнышко не одинаково ласкаетъ? А чудная роса и славный дождикъ не одинаково намъ всѣмъ принадлежитъ? Вы только присмотритесь и увидите, что для земли, нашей кормилицы, и гордые, красивые цвѣты и простенькія травки—всѣ равны.

— Ахъ, дерзкій, послушайте, что говоритъ!

— Этого еще недоставало; онъ собирается какъ будто насъ учить!

— О, вы увидите, его нахальство пойдетъ дальше!

— Вотъ горе-то, что онъ растетъ среди насъ!

Цвѣты негодовали. А Одуванчикъ грустно

опустилъ свой желтенькій цвѣточекъ и призадумался.

— Послушайте, добрая сосѣдка,—обратился Одуванчикъ къ Резедѣ, — мнѣ кажется, что всѣ цвѣты ко мнѣ несправедливы. Какъ видите, я мало занимаю мѣста, скромно росту, а если жалуюсь, то... Боже мой, еслибъ вы знали, какъ тяжко мнѣ, какъ я страдаю среди васъ! Право, со мной творится что-то странное. Кажется мнѣ, какъ бы сквозь сонъ, что прежде чѣмъ попасть сюда, я гдѣ то жилъ и жилъ гораздо лучше: меня не презирали такъ, какъ тутъ. И вотъ, мнѣ кажется, что я тогда леталъ... Да, да, сколько хотите смѣйтесь! Я не могу вамъ точно объяснить, какъ это было, но я леталъ и много видѣлъ... О, сколько я видалъ домовъ! Дома, кругомъ дома, съ красивыми садами, и между ними извивается рѣчка, а въ ней видимо-невидимо чудесной голубой воды; и поле видѣлъ я, все покрытое цвѣтами, но не такими гордыми, какъ вы. О, нѣтъ, цвѣты мнѣ ласково кивали головою и весело кричали въ слѣдъ: „счаст-

ливый путь!“ Я видѣлъ лѣсъ, могучій старый лѣсъ, а въ немъ—чего въ немъ не было! Но удивительнѣй всего, что видѣлъ я, былъ человѣкъ. Онъ стоялъ въ толпѣ другихъ людей, спокойный, величавый и говорилъ:

„Такъ жить нельзя! Стремитесь, люди, къ правдѣ. Гоните зло, ищите справедливость и пусть она кругомъ будетъ сіять. Дайте добру просторъ: пускай оно свободно разольется и злобу, ненависть сотретъ съ лица земли. Стремитесь къ свѣту, скорѣй его сыщите, лишь онъ одинъ разсѣять можетъ мракъ Идемте въ поиски, идемте, мои братья, хотя бы намъ пришлось всю жизнь искать!“

И всѣ пошли за нимъ. Я тоже порывался, но вѣтеръ мнѣ, къ несчастью, помѣшалъ. И вотъ, съ тѣхъ поръ я не найду покоя: я рвусь узнать, что означаетъ правда, зачѣмъ понадобилось всѣмъ добро? что значитъ справедливость? И къ свѣту, свѣту тянется душа моя! О, еслибы я могъ летать!

— Ну, глупъ же ты, сказалъ Піонъ.—Отъ словъ твоихъ, гляди-ка, всѣ заснули и только

я дослушалъ до конца. Прими мой искренній совѣтъ: молчи и не срамися больше. Вѣдь снами никого, ты, братъ, не удивишь. Вчера мнѣ тоже снилось, будто стало у насъ такъ хорошо, покойно, тихо. А знаешь почему? Да потому, что услыхало наши молитвы небо, пришелъ садовникъ, вырвалъ тебя и бросилъ. Вотъ это сонъ, такъ сонъ!

II.

Пышно цвѣли цвѣты. Все также Одуванчикъ куда-то порывался. А если въ клумбу залетали пчелки, бабочки, жучки, иль падалъ солнца лучъ, иль забѣгалъ веселый вѣтерокъ, Одуванчикъ весь преображался и торопливо спрашивалъ:

— Позвольте васъ спросить, не знаете-ли вы, можетъ вы слыхали что-нибудь о правдѣ...

Но въ клумбѣ поднимался такой веселый смѣхъ, что Одуванчикъ печально опускалъ головку и умолкалъ. Его цвѣточекъ, прежде веселый, яркій, сталъ тусклый, некрасивый, сѣрый.

Время отъ времени цвѣты надъ нимъ жестоко потѣшались.

— Эй, ты, разиня-Одуванчикъ, смотри, къ намъ залетѣлъ листокъ — чего-же дремлешь!

Одуванчикъ весь встрепенется.

— Къ намъ прилетѣли? Да гдѣ-же, кто? А, славный листикъ, откуда вы? Съ большого дерева—какой счастливый!—Вы вѣрно видѣли не мало тамъ! Позвольте васъ спросить...

Господи, какой тутъ поднимался смѣхъ!

Одуванчикъ растерянно шепталъ:

— Всѣ надо мной смѣются, и слабъ я, некрасивый сталъ... Скоро и вѣкъ мой конченъ. А какъ-же сонъ? Такъ я и не узнаю, что значатъ тѣ прекрасныя слова? О, Господи, хотя бъ немного полетать.

Резеда Одуванчика жалѣла.

— Бѣдный, да бросьте о невозможномъ думать. Вотъ мы, цвѣты, на много лучше васъ породой, благороднѣй, а развѣ можемъ мы летать? Намъ это даже никогда не снится. А вы совсѣмъ простой... Не мучайте себя напрасно, и снамъ, прво, не стоитъ вѣрить.

— Вы правы, добрая моя сосѣдка, но что со мной творится: то отчаяніе нападаетъ, то вдругъ становится отрадно. Сила какая то берется, и поднимается что то могучее въ душѣ. И чудится, что ждетъ меня большое счастье, и сонъ, мой старый сонъ не кажется мнѣ сномъ...

Прошло немного времени. И вотъ, однажды, утромъ, среди цвѣтовъ поднялися шумъ и крики. Всѣ спорили и съ удивленіемъ смотрѣли на хорошенькій воздушный шарикъ, вдругъ появившійся на Одуванчикѣ вмѣсто отцвѣтшаго цвѣтка.

Когда же солнышко взошло и освѣтило бѣлоснѣжный шарикъ, онъ сталъ отъ этого такой прекрасный, нѣжный, что пораженные цвѣты всѣ точно онѣмѣли: одни отъ зависти, другіе отъ восторга. Но больше всѣхъ былъ пораженъ самъ Одуванчикъ.

— Боже мой, да развѣ это я! Вѣдь я же былъ такой простой и некрасивый. Вы не повѣрите, какъ радуетъ меня такое превращеніе: мой видъ теперь не будетъ васъ возму-

щать. Какъ видите, мой шарикъ состоитъ изъ бѣленькихъ пушинокъ, и всѣ эти пушинки мои дѣти. Теперь и я не одинокъ—дождался, слава Богу. Смотрю я на моихъ дѣтей и кажется, что я не прожилъ жизнь напрасно, что дѣти принесутъ мнѣ много, много счастья... Я чувствую, что вотъ со мною должно случиться что-то еще прекраснѣе.

И оно случилось. Откуда ни возьмись, вдругъ прилетѣлъ бѣдовый вѣтерокъ! Однихъ онъ освѣжилъ прохладой, другимъ что-то шепнулъ, гордыхъ заставилъ предъ собой склониться, вездѣ хозяйскимъ окомъ заглянулъ, рванулъ покрѣпче разъ-другой, и въ воздухѣ, при крикахъ удивленья, стали мелькать, кружась и высоко взлетая, пушинки Одуванчика.

— Летаютъ, Господи, дѣти мои летаютъ!— кричалъ счастливый Одуванчикъ. Не я—такъ что же? Лучше они пускай увидятъ свѣтъ. Смотрите, какъ хорошо, какъ высоко они летаютъ. Это ужъ не сонъ! Дѣти мои, летите вверхъ, повыше—оттуда все, все видно будетъ вамъ. Только учитеся, смотрите, разби-

райтесь. Узнайте, наконецъ, хоть вы о томъ, чего я не узналъ. Пусть ваша жизнь и думы и надежды идутъ на встрѣчу свѣту, правдѣ и добру—вы ихъ сыщите!

И вотъ съ тѣхъ поръ, особенно весной, пушинки Одуванчиковъ рыщутъ по бѣлу свѣту: нѣтъ, кажется, такого мѣста и угла, куда бъ онѣ не проникали, сгорая желаніемъ узнать, что значатъ правда и добро,—но надо думать, что имъ не удалось и до сихъ поръ узнать, такъ какъ летать онѣ, какъ видите, все продолжаютъ.

ЕВГ. СЕМЕНОВЪ.

ВЪ СТРАНѢ ИЗГНАНІЯ

(изъ записной книжки корреспондента).

Долговременное пребываніе въ Парижѣ, въ качествѣ корреспондента, дало автору еще не неиспользованный матеріалъ. Интересъ книгѣ придаетъ въ особенности то, что правдивость сообщеній автора въ печати никогда не подвергалась сомнѣніямъ.

(*„Извѣстія“ т-ва М. О. Вольфъ. (X—10)*.

Цѣна I рубль.

„Европейское издательство“.

НАДЕЖДА САНЖАРЬ.

ЗАПИСКИ АННЫ.

Въ предисловіи къ „Запискамъ“ сообщены факты изъ жизни Надежды Санжарь, бросающіе свѣтъ на эту повѣсть, какъ на безспорный человѣческій документъ (В. Боцяновскій, Нов. Русь) и своеобразное общественное и соціальное явленіе (Mercure de France).

Въ предисловіи къ сборнику „Заколдованная Принцесса“ подчеркнута связь между героиней „Записокъ“ Анной и писательницей-авторомъ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ произведеній.

Критич. зам., рец. и статьи о „Зап.“ въ журн. и газ.; какъ-то Женск. Вѣстн., Ист. Вѣстн., Міръ, Всеоб. Ежем., Mercure de France, Нов. Русь, Рѣчь, Русск. Слово, Моск. Вѣд., Бирж. Вѣд., Кіевск. Мысль и въ большинствѣ орг. провинц. печати.

Цѣна I рубль.

Издательство „Антей“.

Складъ изданій „Антей“ и „Европ. издательства“ при типографіи Б. М. Вольфа, Спб. Невскій, 126.

ТИП. Б. М. ВОЛЬФА СПБ. НЕВСКІЙ 26